

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»**

На правах рукописи

ШЕЛИГА МАРИАН

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКО-
АМЕРИКАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Специальность - 08.00.14 - Мировая экономика

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
член - корреспондент РАН,
доктор экономических наук,
профессор, Хасбулатов Р.И.

Москва – 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Общая характеристика и особенности развития экономических отношений США и КНР в современных условиях: теоретический фрагмент.....	16
1.1 Теоретические школы в США и КНР в области развития взаимных экономических отношений.....	16
1.2 Институционально-правовая основа для развития экономического сотрудничества между КНР и США.....	32
1.3 Особенности развития экономики КНР и США на современном этапе и факторы взаимозависимости двух экономик	45
Глава 2. Особенности развития торгово-экономических связей и инвестиционного сотрудничества.....	64
2.1 Торгово-экономическое сотрудничество Китая и США: структура и динамика	64
2.2 Противоречия в китайско-американских экономических отношениях	75
2.3 Роль взаимных инвестиций в экономических отношениях США и КНР	98
Глава 3. Основные направления развития двусторонних экономических отношений и их влияние на мировую экономику.....	116
3.1 Энергетический фактор взаимодействия Китая и США	116
3.2 Главные аспекты взаимодействия КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)	133
3.3 Новые контуры мировой экономики и перспективы китайско-американских экономических отношений.....	144
Заключение	156
Список литературы	169
Приложения	191

Введение

Актуальность темы исследования. Экономические отношения между США и КНР в силу цивилизационных и прочих различий этих стран и важных изменений в мировом хозяйстве последних трех десятилетий нуждаются в непрерывном изучении и анализе. Они характеризуются специфическим набором свойств и особенностей, отличающих их от других подобных моделей двустороннего взаимодействия. Однако, эти особенности вполне укладываются в общие тенденции современных экономических отношений, проявляющихся в ходе взаимодействия многих стран. В то же время, учитывая огромные масштабы взаимного сотрудничества, речь идет об уникальном взаимодействии государств, имеющих возможность оказывать существенное влияние на всю глобальную систему экономических отношений. С одной стороны - это США как основной игрок на мировой арене и с другой стороны - Китай, который имеет потенциал для приобретения статуса первой экономической державы. Помимо прочего, речь идет о двух разных странах с точки зрения политического и экономического устройства: капиталистического государства с рыночной экономикой в лице США и социалистического государства с индустриальным планированием в лице КНР.

Глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг., а также Великая рецессия 2011-2013 гг., поставили перед мировым сообществом, а также перед многими отдельными странами новые вызовы и задачи, с которыми они должны будут справиться. На этом фоне, США и КНР, будучи основными игроками в системе международных отношений, несут особую ответственность за решение глобальных проблем. Такие объективно наблюдаемые изменения в системе мирохозяйственных связей последних лет как перенос экономической активности в страны Юго-Восточной и Восточной Азии, в том числе в КНР, повышение интереса многих развивающихся стран к смешанной модели рыночного социализма КНР, превращения КНР в крупнейшую экономику мира

по паритету покупательной способности¹, заставляют ученое сообщество по-новому взглянуть на вопрос китайско-американского экономического взаимодействия. От последнего во многом будет зависеть будущее развитие всей системы мирохозяйственных отношений. Актуальность рассмотрения данной темы обусловлена также появлением новых точек преткновения в двусторонних отношениях, таких как кибернетическая преступность или продвижение альтернативных интеграционных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), которые еще достаточно не изучены, однако которые имеют потенциал оказать большое влияние на будущую архитектуру глобального экономического взаимодействия.

Особое значение заявленная тема диссертационного исследования приобретает на фоне ухудшения отношений США с Россией в связи с украинским кризисом, которое, возможно, может оказать определенное влияние на будущее развитие китайско-американских отношений, как в русле укрепления этих отношений, так и в русле некоторой их стагнации. И хотя трудно ожидать, что отношения КНР и США будут чрезмерно зависеть от состояния российско-американских отношений, осложнение последних создает определенные выгоды для КНР. Помимо вышеупомянутых факторов, такие события последних лет как «сланцевая революция» в США и американская политика «Поворота к Азии», не говоря уже об «Арабской весне» или событиях на Ближнем Востоке, самым непосредственным образом влияют на экономические отношения США и КНР и обуславливают необходимость для более тщательного осмысления торгово-экономических отношений между двумя самыми крупными экономиками мира.

Степень научной разработанности темы исследования. Тема двусторонних отношений КНР и США, в том числе торгово-экономических отношений, в российской науке получила освещение в работах известных ученых-востоковедов Бергера Я.В., Бороха О.Н., Воскресенского А.Д., Габуева

¹ Прим. В октябре 2014 года МВФ объявило о том, что ВВП КНР по объему ППС стал больше ВВП США.

А.Т., Галеновича Ю.М., Корсуна В.А., Ломанова А.В., Кузыка Б.Н., Лукина А.В., Лузянина С.Г., Титаренко М.Л., а также в работах экономистов Авдокушина Е.Ф., Аксенова П.А., Карпова М.В, Котлярова Н.Н. и в работе видного ученого Михеева В.В.

Отдельным аспектам американской модели экономики посвящены работы Емельянова С.В., Лебедевой Л.Ф., Медведевой Е.Ю., Поливача А.П., Порохоровского А.А., Супяна В. Б., Труша С.М., Хасбулатова Р.И. и работы американских ученых Д. Лэмптона, Ф. Саундерса, Дж.С. Найя младшего и др.

Особенности развития экономического развития КНР широко представлены в работах российских ученых, таких как Гельбраса В.Г., Луконина С.А., Островского А.В., Пивоваровой Э.П., Портякова В.Я., Цывинского О. и американских авторов Ф.Г. Адамса, Д. Л. Шамбо, М. Ноланда.

Отдельным аспектам американской политики по отношению к экономическому подъему Китая, а также теме китайского возвышения, посвящены работы известных американских авторов, таких как Дж. Айкенберри, З. Бжезинский, Ф. Закария, Дж. Фридман, К. Уолтц, Г. Киссинджер, Дж. Миршаймер, Ф. Фукуяма и др. Китайско-американские торгово-экономические отношения рассматриваются в работах американских авторов Ф. Фергюссона, С. Кеннеди, Р.Н. Ларди, М. Лабонте, М. В. Моррисона, Ч. Нельсона, Е. Пикардо, Л. М. Уортцела и Д. Хэйла.

Тема отношений КНР с США, включая экономические отношения, является популярной в академической среде КНР и работа по этой теме ведется во многих университетах и исследовательских центрах этой страны. Большую ценность для исследования китайско-американских экономических отношений на современном этапе представляют работы китайских авторов, таких как Ван Бэй, Ли Янцзэ, Сун Чжунпин и Го Шиинь, Суй Сяонянь, Сун Хунхуан, Цай Фан, Шао Бинхун, Чжан Цзинчунь, Чжан Ин, Чэнь Цзянгуан и др.

В отдельную группу исследователей следует также выделить китайских ученых, труды которых посвящены анализу китайской стратегии

экономического развития. К таким авторам можно отнести работы Ян Лухуй, Юй Кепин и Пей Минсин.

Вопрос китайско-американского взаимодействия в области энергетики, а также энергетической политики КНР и США по отношению к другим странам, получил освещение в работах американских авторов М. Херберга, С. Хурста, Б. Пауэрса, Б. Стивенса, Х.Д. Шина, А. Тэйлора, Е.М. Виссерса, Д. Вагнера, а также в работах китайских авторов Чэнь Вэйхуа, С. Чжао, Фан Тинтина, авторов других национальностей как М. Гафури, М. Дж. Саламех и российских авторов Скрябиной М.С., Александрова Д.А., Ипполитова И.В., Попова Д.С., Томберга Р.И., Ефремовой К.А. Особую ценность для исследования китайской энергетической политики в Африке, в том числе и китайско-американских энергетических отношений в этом регионе, представляют труды российских ученых Дейч Т.Л. и Вишневого М.

Проблематикой китайско-американского взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) занимаются российские авторы Арапова Е., Богатуров А.Д., Федоровский А.Н., Флегонтова Т.А. и Кадочников П.А., Костюнина Г.М., Лексютина Я.В., а также американские авторы Э. Вайн, К. Кэмпбел, Д. Пиллинг и С. Доннан.

Область исследования. Содержание диссертационного исследования соответствует пункту 7 «Международная экономическая взаимозависимость. Обеспечение устойчивого развития национальной и мировой экономики. Стратегии национального экономического развития» и пункту 25 «Национальная экономика отдельных стран в системе мирохозяйственных связей: проблемы оптимизации взаимодействия и обеспечения национальных экономических интересов. Международные экономические противоречия, их причины и способы разрешения» Паспорта научных специальностей ВАК Минобрнауки России по специальности 08.00.14 – Мировая экономика.

Объектом исследования выступают экономические отношения США и КНР в рамках мировой экономики.

Предметом исследования являются факторы взаимозависимости экономик США и КНР, особенности двустороннего сотрудничества, а также интересы двух стран при осуществлении взаимной экономической политики.

Целью исследования является всесторонний анализ состояния торгово-экономических взаимоотношений США и КНР на современном этапе и выявление основных факторов, определяющих появление противоречий между двумя странами в условиях современных глобальных и региональных процессов.

В соответствии с указанной целью в работе решались следующие задачи:

- осуществить анализ институционально-правовой базы для определения ее влияния на развитие экономических отношений КНР и США;
- на основе сравнительного анализа развития экономики США и КНР на современном этапе выявить их специфические особенности и основные факторы взаимозависимости;
- определить факторы, влияющие на появление дисбалансов во взаимной торговле и увеличение торгового дефицита США с КНР;
- дать оценку главным противоречиям в экономическом взаимодействии между США и КНР, в том числе новой угрозе, вызванной кибернетическими атаками КНР против США;
- выявить главные тенденции во взаимной инвестиционной политике КНР и США, включая факторы, сдерживающие взаимные инвестиции;
- изучить китайско-американские отношения в области энергетики и выявить основные особенности их стратегий по обеспечению энергетической безопасности;
- оценить взаимодействие США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), а также проанализировать интеграционные проекты обеих стран в АТР;
- спрогнозировать перспективы развития экономических отношений КНР

и США и их возможных последствий на мировую хозяйственную систему, в том числе и на российскую внешнеэкономическую политику.

Теоретическую основу исследования составляют труды китайских, американских, европейских и российских теоретиков в области развития двусторонних экономических отношений. При написании диссертационного исследования автор использовал основные принципы экономической теории, включая теорию экономического развития, теорию «догоняющего развития», а также теорию и практику глобального экономического управления.

Методологическая основа исследования. Анализ китайско-американских отношений в силу своей многомерности и комплексности затрагивает целый ряд проблем и они, в свою очередь, могут быть полностью раскрыты и рассмотрены при использовании инструментария соответствующих методов, а точнее сочетания нескольких методов. Таким образом, для решения задач данной работы будут применены в основном качественные методы. В работе предполагается использование структурно-системного метода, геополитического метода, логического моделирования, а также метода описательной статистики.

Кроме вышеперечисленных методов автор также использовал известные общенаучные методы, такие как, индукция, обобщение, сравнительный анализ, исторический и статистический подходы.

Информационную базу диссертации можно разделить на несколько групп.

В первую группу входят доклады и отчеты международных экономических организаций, в частности МВФ, Всемирного Банка, ВТО, ЮНКТАД, СИПРИ, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций; сюда также включены нормативно-законодательные материалы, официальные публикации и отчеты государственных органов США и КНР, а также двусторонних экономических механизмов диалога.

Во вторую группу источников включены статистические данные

Министерства торговли КНР (англ. MOFCOM), Национального статистического бюро Китая и Китайской таможни, данные статистики Американского Бюро Министерства финансов США, CIA, американской частной исследовательской группы Родий (Rhodium Group), Китайско-американского совета по делам торговли (US-China Business Council) и др.

Третья группа источников состоит из материалов новостных сайтов и электронных газет, выступлений официальных представителей двух стран, уставов международных организаций и съездов, печатных изданий КНР и США.

Четвертая группа источников - это монографии, журналы и статьи как в печатном, так и в электронном виде на русском, английском и китайском языках.

В процессе работы над диссертацией аспирант дважды выезжал в командировки в КНР, работал в библиотеке университета Фудань (Шанхай, КНР).

Научная новизна исследования. На основе комплексного анализа взаимоотношений США и КНР выявлены существенные характеристики и движущие силы современных китайско-американских экономических отношений, обобщены факторы, определяющие перспективы их взаимодействия.

Наиболее существенные результаты диссертационного исследования, полученные лично автором и выносимые на защиту:

- установлено, что, несмотря на увеличение количества механизмов двустороннего экономического взаимодействия (автором составлена подробная схема таких механизмов), между США и КНР все чаще возникают разногласия по вопросам глобального экономического регулирования в рамках таких организаций как ВТО, МВФ или Большая Двадцатка (G20). Эти разногласия вызваны разным пониманием двух стран «идентичности» КНР (развивающаяся или развитая экономика), характера и распределения голосов в глобальных институтах регулирования, а также усилением конкуренции китайских и

американских компаний на глобальных рынках, наблюдающейся в последние несколько лет;

- на основе сравнительного анализа экономических моделей двух стран отмечено, что в КНР сегодня происходит процесс структурной реформы экономики, направленный на увеличение внутреннего спроса. В США после финансового кризиса был принят целый ряд мер по оживлению экономического роста, обладающих признаками кейнсианской политики (усиления роли государства в экономике). Установлено, что стремительное и беспрецедентное увеличение товарооборота между КНР и США не приводит к изменению несбалансированного характера двусторонних экономических отношений, а усугубляет взаимозависимость американского потребительского и китайского инвестиционного рынков;

- доказано, что вопреки распространенному мнению, ревальвация китайской валюты, а значит валютная политика китайского правительства, не является определяющим фактором, влияющим на увеличение объёмов торгового дефицита США с КНР. Дефицит США в торговле с КНР растёт, в том числе из-за перемещения производств крупнейших американских ТНК на территорию КНР. Анализ данных показал, что КНР является крупнейшим импортером «промежуточных» товаров, что проявляется в увеличении дефицита в торговле КНР с Восточной Азией, а наоборот в увеличении профицита в торговле с США;

- установлено, что на фоне роста товарооборота и увеличения взаимного инвестирования в китайско-американских экономических отношениях в период после глобального финансового кризиса наблюдается тенденция роста количества противоречий и взаимного недоверия. Это проявляется в росте взаимных протекционистских мер, строгом контроле США над экспортом технологий «двойного назначения», неготовности двух стран открывать некоторые чувствительные отрасли экономики для взаимных инвестиций и т.п.; определено, что в китайско-американских экономических отношениях в

последнее время большое внимание привлекает новая угроза, а именно кибернетическая преступность, которая наносит большой вред обеим экономикам; отмечено, что в кибератаках Китая против США играют активную роль китайские государственные структуры;

- выявлено, что положительное сальдо движения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) между США и КНР в пользу США имеет тенденцию к сокращению в связи с опережающим ростом китайских инвестиций в американскую экономику, особенно в отрасли производства с большей добавленной стоимостью. Несмотря на низкие расходы американских компаний на НИОКР в КНР, американские инвестиции в КНР сопровождаются экспортом новейших технологий и современных методов управления, которые важны с точки зрения качественного развития экономики КНР и повышения ее конкурентоспособности. При этом основными ограничителями расширения инвестиционного сотрудничества со стороны КНР является жесткое регулирование привлечения ПИИ в чувствительные отрасли национальной экономики, а со стороны США - недоверие к сделкам с китайскими госкорпорациями; отмечено, что, несмотря на снижение объемов закупок КНР ценных бумаг США после 2011 года, правительство Китая помимо частичной диверсификации валютных резервов и заключения «своповых» соглашений с другими странами, пока не имеет другой более выгодной альтернативы для преумножения прибыли от валютных резервов, чем вкладываться в американские активы;

- установлено, что взаимодействие КНР и США в сфере энергетики определяется рядом факторов: увеличивающейся зависимостью КНР от внешних поставок энергоресурсов на фоне снижения такой зависимости в случае с США; разной трактовкой двух стран понятия «энергетическая безопасность» и разными энергетическими концепциями, что определяет разные стратегии рассматриваемых стран на рынках энергоносителей, выбор формата двусторонней или многосторонней дипломатии, а также географию

импорта нефти в США и в КНР. Конкуренция за нефть сочетается с пониманием необходимости обеспечения стабильности в странах нефтедобычи и транзита энергоресурсов, что является основой для сотрудничества в сфере энергетики;

- выявлено, что взаимодействие США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) во многом определяется успехом продвижения интеграционных проектов двух стран в регионе. Обосновано, что предлагаемый КНР проект создания Общей зоны свободной торговли пользуется большим успехом среди стран региона и имеет реальный потенциал создать конкуренцию американскому интеграционному мегароекту Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП);

- обосновано, что в ближайшей перспективе КНР не станет инициатором эскалации противоречий в сфере экономического сотрудничества с США, учитывая огромные объемы двусторонней торговли, многообразие хозяйственных связей, а также достаточно сложную внутривнутриполитическую ситуацию в самом Китае. Кроме того, китайско-американское противостояние могло бы нанести серьезный удар по строительству общества «среднего достатка» в КНР. Тем не менее, по мнению автора, будучи второй крупнейшей экономикой мира, КНР будет и впредь активно отстаивать свои интересы, и стараться расширять свое экономическое влияние на всех континентах. Это будет достигаться, в том числе, за счет новых китайских мегапроектов как «Один пояс и один путь», создания новых финансовых структур как «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» или с помощью налаживания сотрудничества с другими странами, в том числе с «традиционными партнерами» США, одновременно искусно используя противоречия этих стран с США.

Практическая значимость диссертации определяется несколькими аспектами. Во-первых, составленная в рамках данной работы подробная схема институционального взаимодействия США и КНР, а также представленная

информация относительно теоретических направлений сотрудничества между КНР и США по развитию двусторонних отношений и степени их влияния на истеблишмент, могут быть использованы специалистами в изучении механизмов принятия решений руководителями двух стран, что важно с точки зрения прогнозирования поведения той или иной страны в будущем. Во-вторых, некоторые выводы настоящего диссертационного исследования, по мнению автора, могут быть использованы государственными структурами РФ, которые отвечают за планирование и развитие экономического сотрудничества с КНР, как например Министерство иностранных дел РФ, или частными корпорациями, которые активно сотрудничают с китайскими контрагентами. Новые проекты экономического сотрудничества, предлагаемые КНР в рамках концепции «Один пояс и один путь» («Экономический пояс Великого Шелкового пути»), могут представлять большой интерес для России и других участников ЕАЭС, в том числе в контексте укрепления китайского вектора российской внешнеэкономической политики. Значимость данной работы определяется и тем, что в ней довольно подробно исследуется проблема кибернетической преступности в экономических отношениях США и КНР. Помимо этого, статистические данные, представленные в данном исследовании, собраны из множества первичных источников как международных, так и американских и китайских, что значительно повышает порог объективности выводов, сделанных в рамках настоящего диссертационного исследования.

Апробация результатов работы. Теоретические положения настоящей диссертации были представлены на международной научно-практической конференции "Геополитические риски современной мировой экономики", проходившей в РЭУ им. Г.В. Плеханова в г. Москва, 8 декабря 2014 года, на международной научно-практической конференции "Поиск глобальных идей мирового экономического развития: Смена парадигмы", проходившей в РЭУ им. Г.В. Плеханова в г. Москва, 27 ноября 2013 года, а также использовались при проведении практических занятий со студентами по специальности

“Мировая экономика”.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 9 научных статей общим объемом 2,85 п. л., в том числе 4 статьи в ведущих рецензируемых журналах из списка ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертационной работы. Настоящая диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 219 наименований, и 7 приложений. Основная часть работы изложена на 190 страницах, содержит 15 таблиц и 18 рисунков.

Во введении обосновывается актуальность, теоретическая и практическая значимость выбранной темы диссертационного исследования, определяется степень ее разработанности в научной литературе, ставятся цели и задачи, теоретические основы работы, выделяются элементы научной новизны, а также значимость полученных результатов.

В первой главе рассматриваются основные теоретические подходы китайских и американских ученых к вопросу китайско-американских экономических отношений. Рассмотрена институционально-правовая основа для развития двусторонних экономических отношений США и КНР. Анализируются главные особенности экономического развития двух стран на современном этапе, а также основные факторы взаимозависимости их экономик.

Во второй главе приводится анализ структуры и динамики торговых отношений двух стран. Анализируются основные торгово-экономические противоречия США и КНР, ограничивающие развитие полноценных и конструктивных отношений сотрудничества. Рассмотрены главные тенденции инвестиционного взаимодействия двух стран.

В третьей главе рассматриваются китайско-американские отношения в области энергетики и анализируются стратегии двух стран по обеспечению энергетической безопасности. Рассмотрены интеграционные проекты США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, определены перспективы

китайско-американских экономических отношений в контексте их воздействия на мировую экономику.

В заключении обобщены основные результаты диссертационного исследования, даны выводы и предложения.

**Глава 1. Общая характеристика и особенности развития
экономических отношений США и КНР в современных условиях:
теоретический фрагмент**

**1.1 Теоретические школы в США и КНР в области развития взаимных
экономических отношений**

Изучение вопроса развития двусторонних экономических отношений США и Китая следует начинать с рассмотрения теоретических подходов учёных двух стран к данной проблеме. При этом нужно обратить внимание на то, что сами отношения двух стран, а также подходы учёных к этим отношениям, претерпели за последнее время определённые изменения. Если ещё в 90-е гг. прошлого века КНР и США старались устранять противоречия в основном в области двусторонних отношений, такие как двусторонние экономические и торговые вопросы, или вопросы прав человека [159], то сегодня помимо этого активного взаимодействия у двух стран возникают новые разногласия в региональных и глобальных делах. Во многом это связано с вовлечением Китая в систему глобального экономического регулирования как следствие его комплексного усиления и превращения в глобальную индустриальную державу. Противоречия двух стран возникают в ходе перестройки мировой финансовой системы в период пост-финансового кризиса, а также при решении других общих проблем, таких как переговоры по реформе МВФ, создание глобального режима для борьбы с изменением климата, регулирование потоков мировой торговли и инвестиций. При этом взаимные противоречия стран ведут к усилению торгового протекционизма, углубления недоверия, созданию собственных проектов региональных Зон свободной торговли (ЗСТ) и др.

В настоящее время, на фоне беспрецедентных экономических успехов КНР и участившихся разговоров о возможной замене США Китаем в качестве

крупнейшей мировой экономики, важное значение в работах китайских и американских учёных приобретает рассмотрение экономических отношений КНР и США в контексте теории «догоняющего развития». Теория «догоняющего развития» была впервые разработана ещё Фридрихом Листом и исходила из постулата о выравнивании уровней экономического развития развитых и менее развитых стран. В настоящее время осмысление теории «догоняющего развития» важно для понимания некоторых особенностей «китайского экономического чуда» и декларируемого Пекином достижения в будущем уровня развития средне-зажиточных стран мира. Большой вклад в разработку «теории догоняющего развития» внёс американский учёный Мозес Абрамовиц, который считал, что для достижения экономического уровня развитых стран необходимо наличие у страны так называемых «социальных возможностей» (англ. «social capabilities»). Последние включают в себя не только необходимый уровень образования и организации предприятий, но и способность страны адаптировать более продвинутые технологии, привлекать иностранный капитал и выходить на внешние рынки [74]. По мнению М. Абрамовица, «догоняющие страны» как правило развиваются быстрее, если они изначально являются более отсталыми в технологическом плане от стран-лидеров, однако их потенциал для экономического роста замедляется по мере приближения к экономическому уровню развитых стран [74, с. 387]. При этом скорость осуществления потенциала для «догоняющего развития» зависит, по мнению Абрамовица, от ряда других условий, таких как система распространения знаний, мобильность ресурсов и объёмы инвестирования [74, с. 406].

В рамках теоретического развития концепции «догоняющего развития» особую роль сыграл и японский экономист К. Акамацу, который предложил в конце 30-х гг. прошлого века свою модель «летающих гусей». Эта модель основана на предположении, что менее развитые в экономическом плане страны копируют модель роста более развитых стран. Данная модель была

конкретно применена при анализе «гомогенизации» или конвергенции экономических моделей стран Восточной Азии, где лидером выступала Япония и за ней следовали Новые индустриальные страны (НИС), затем страны АСЕАН и наконец Китай. К. Акамацу также понимает под моделью «летающих гусей» постепенное перемещение определённых производств из развитых стран в менее развитые страны как результат технологического роста страны-лидера, с чем связана необходимость переноса более трудоёмких и устаревших производственных процессов в менее развитые страны. Этот процесс включает в себя три этапа: импорт, домашнее производство и экспорт излишков продукции [154].

По мнению российского учёного В.Л. Иноземцева, концепция «догоняющего развития» имеет множество внутренних противоречий, делающих модель такого развития относительно бесперспективной [35]. В.Л. Иноземцев в частности отмечает, что экономика Японии 70-х и 80-х гг. прошлого века, а также экономики стран Юго-Восточной Азии 80-х и 90-х гг. прошлого века очень сильно зависели от экспорта своих товаров и дешёвой рабочей силы, что делало их уязвимыми к изменениям на глобальных рынках. В.Л. Иноземцев приходит к выводу, что противоречия, заложенные в экстенсивном развитии этих стран, превращают их попытки догнать лидирующие страны в отчаянные усилия.

Как отмечает американский эксперт по Китаю Кеннет Либерталь, несмотря на то, что Китай вышел из финансового кризиса очень быстро, модель его экономического роста, основанная на дешёвой рабочей силе и экспорте товаров, является неустойчивой. По мере увеличения доходов рабочей силы и углубления внутренних проблем возникает необходимость в принятии структурных реформ. Кроме того, у Китая нет высококачественных корпораций, которые могут вести глобальные операции и использовать технологические изменения. Наоборот по мнению К. Либерталя, в экономике КНР преобладают вертикально интегрированные государственные корпорации [126], которые не

отвечают на вызовы глобального рынка так быстро, как это делают американские частные корпорации.

Китайский эксперт Чжан Ин и американский учёный Кристофер Маркви отмечают, что, несмотря на впечатляющие экономические достижения последних десятилетий, китайская экономика сталкивается со многими вызовами. К важным структурным вызовам учёные относят «ловушку среднего дохода» и интеграцию страны в глобальную бизнес среду [201]. Как отмечают Чжан Ин и К. Маркви, Китай в своём развитии пришёл к моменту, когда дальнейший экономический рост невозможен без существенного изменения его экономической модели. Для преодоления «ловушки среднего дохода» КНР необходимо создавать «социальные возможности» (прим. М. Абрамовиц) и увеличить внутреннее потребление. Важная роль в «догоняющем развитии» КНР отводится китайским корпорациям, которые должны готовить креативные кадры, создавать свои продвинутые технологии, более активно выходить на глобальные рынки и изучать опыт успешных китайских «флагманов» таких как “Хуавэй” или “Хайсенс.”

По мнению другого китайского эксперта Чэнь Цзянгуан, китайская экономика в настоящее время теряет своё преимущество дешёвой рабочей силы в пользу других стран Юго-Восточной Азии, и это толкает руководство страны к принятию структурных экономических реформ и к изменению всей модели экономики [214]. При этом важно отметить, что экономический рост китайской модели мобилизационного развития имеет свои логические пределы. Странам «догоняющего» типа развития по достижении пределов своего роста нужно переходить от трудоёмкого и ресурсо-затратного производства к более интенсивному и экологически чистому производству. В условиях перехода на качественно более сложный уровень экономического развития, естественно, нельзя задействовать те ресурсы, которые приносили успех в ходе индустриализации страны [35]. Для такого перехода и технологического рывка необходимы, в первую очередь, передовые технологии. Как отмечает Чэнь

Цзянгуан, китайская экономика уже прошла так называемую «точку Льюиса», после которой дальнейший экономический рост невозможен за счёт дешевизны рабочей силы, так как средние доходы рабочих непременно растут и сокращается доля доступной рабочей силы [214, с. 3]. Доходность от увеличения инвестиций можно какое-то время повышать за счёт улучшения производительности труда, однако в конечном итоге экономика переходит в нео-классическую стадию развития, после которой рост экономики можно обеспечить, прежде всего, за счёт внедрения передовых технологий [155, с. 56]. По мнению китайского экономиста Цай Фана, помимо сокращения рабочей силы КНР также сталкивается с проблемой старения населения, что ещё больше усугубляет проблему дальнейшего роста [99]. В связи с этим, Китай очень активно работает в направлении получения новейших технологий. При этом следует сказать, что большие успехи в технологическом росте КНР вызваны, прежде всего, адаптацией иностранных технологий, и в немалой степени даже копированием этих технологий, нежели созданием своих собственных разработок (англ. «indigenous innovations»). Одновременно КНР проводит жёсткую политику по защите домашних производителей, отдавая им предпочтение при выборе подрядчиков в государственных тендерах. Этим объясняется нежелание КНР присоединиться к договору о государственных закупках в рамках ВТО.

По мнению американского учёного Томаса Хоута, на протяжении последних лет КНР уходит от прежней модели экономики, основанной на производстве товаров с низкой добавленной стоимостью, к более сложной технологичной экономике. При этом власти КНР часто применяют меры принуждения или создания хороших отношений с западными и японскими компаниями [112]. Можно выделить несколько мер китайских властей в данном направлении:

- общее увеличение расходов на НИОКР, которые должны быть к 2020 году на уровне американских расходов

- принуждение западных компаний делиться технологиями с китайскими государственными компаниями в обмен на допуск на китайский рынок
- ограничение на иностранные инвестиции в некоторые отрасли экономики КНР (изменение закона о государственных закупках)
- политика, регламентирующая увеличение доли локального производства во всех выпускаемых товарах
- создание совместных компаний (англ. “joint ventures”)

Проходящие в условиях глобализации естественные процессы конвергенции или выравнивания уровней экономического развития разных стран сопровождаются выработкой глобальных правил и норм поведения для стран на мировых финансовых, торговых и инвестиционных рынках. В этой связи очень важным представляется рассмотрение теоретических подходов китайских и американских учёных к вопросу экономических отношений двух стран в контексте практики глобального экономического управления.² Следует отметить, что сегодня по вопросу глобального экономического управления или регулирования между КНР и США имеются серьёзные противоречия, которые мешают им выстроить более конструктивные отношения. Одним из них является противоречие, вызвано разным пониманием двух стран самой «идентичности» КНР. Если Китай рассматривает себя в качестве развивающегося государства, США видит в нем “поднимающуюся” страну с признаками развитой страны, которая должна нести вместе с США и западными странами ответственность за мировые дела. В последней редакции концепции национальной безопасности США в частности отмечается, что «Китай экономически поднимается, но пока не готов нести ответственность за мировые дела, поскольку он слишком увлечён вопросом своего собственного развития» [9]. Как бы то ни было, при нынешних темпах экономического роста «Поднебесной» и роста ее геополитического присутствия в мире, Америке

² Глобальное управление (англ. Global governance) — в более широком значении это набор правил, процедур и норм, которые регламентируют соответствующее поведение, сотрудничество, а также разные подходы государственных и негосударственных транснациональных субъектов.

необходимо превратить Китай в такую мировую державу, которая умеет не только получать помощь от мирового сообщества, но и в ответ помогать ему и вместе с другими мировыми державами нести ответственность за разрешение глобальных проблем. Тем не менее, китайские власти скептически относятся к роли ответственного участника и при обсуждении многих глобальных вопросов часто ссылаются на принцип «общих, но отличных видов ответственности» (англ. “common but differentiated responsibilities”), в соответствии с которым нынешние правила глобального управления больше соответствуют интересам развитых стран, которые и создали эти правила и институты [121].

Одновременно следует обратить внимание и на разные подходы КНР и США к участию в глобальном экономическом управлении. Эти подходы во многом отражают наличие разных экономических и политических систем в двух странах. По мнению американского эксперта Скотта Кеннеди, китайские власти в отличие от США регулярно вмешиваются в экономику как на центральном, так и на региональном уровне. Кроме того, если США активно участвуют в глобальном управлении через широкую сеть неправительственных организаций, групп интересов и бизнес объединений, выступая в качестве советников правительств или активных участников в неправительственных организациях, Китай из-за неразвитости неправительственных игроков (институты защиты потребителей, окружающей среды или профсоюзы), участвует в глобальном управлении главным образом посредством встреч на государственном уровне [121]. Китай признает сосуществование правительственных и неправительственных игроков в глобальном управлении, однако он строго предпочитает обсуждать глобальные вопросы на межправительственных встречах, а именно в стенах международных организаций [193, с. 13]. Необходимо отметить, что Китай, будучи активно вовлеченным в международную экономическую систему, критикует нынешнюю систему глобального управления за ее «недемократичный» характер. По мнению китайских аналитиков, большинство международных

экономических организаций долгое время управлялись малым количеством западных стран, причём интересы большинства развивающихся стран зачастую игнорировались. При этом, как отмечают китайские эксперты, происходящие в мире процессы глобализации только усилили экономические диспропорции между развитыми и развивающимися странами. Кроме того, Китай рассматривает в глобальном управлении и в разных его проявлениях, как например хорошее управление (good governance) или демократическое управление (democratic governance), попытку Всемирного банка и других международных институтов насаждать неолиберальные ценности запада другим странам. В связи с этим китайские власти и ученые, исходя из китайской концепции «гармоничного мира», призывают к реформе глобального управления для того, чтобы развитые страны прекратили осуществлять политику «двойных стандартов» и чтобы были созданы равные условия для всех в деле получения выгоды от экономической глобализации [193]. Одним из важных условий реформированной системы глобального управления является наличие больших прав для развивающихся стран в решении глобальных проблем, а также ограничение политики протекционизма стран запада в отношении стран развивающегося мира. В этой связи, Китай, помимо усиления роли подлежащих реформе авторитетных международных организаций, приветствует и появление новых региональных организаций, которые в большей степени представляют интересы развивающихся стран [193].

Не менее важным поводом для разногласий являются разные интересы двух стран, которые они преследуют, участвуя в системе глобального управления. Последнее противоречие вызвано тем, что многие китайские корпорации уже стали активными конкурентами американских компаний, главным образом в области производства электроники и телекоммуникационного оборудования. Будущее развитие системы глобального управления будет зависеть от многих факторов, в том числе от готовности США и развитых стран предоставить развивающимся странам

больше прав голоса и участия в международных экономических институтах, а также от готовности стран развивающегося мира, в том числе КНР, нести больше ответственности за решение глобальных проблем.

Для понимания подхода американского истеблишмента к развитию экономических отношений с КНР также необходимо рассмотреть точки зрения научных кругов, сосредоточенных в «мозговых центрах» (think-tanks) США, которые в немалой степени влияют на принятие решений американской администрацией в данном направлении. Сегодня в США имеются две основные группы учёных, которые создают теоретическую базу для американской политики в отношении развития экономических отношений с КНР. Группа реалистов, которая представлена главным образом «ястребами» [131, с. 160], при анализе китайско-американских экономических и прочих отношений исходит из теории баланса сил. Представители теории реализма в основном призывают американское руководство проводить политику сдерживания Китая, они выступают за максимально долгое присутствие американских войск в АТР, активно продвигают идею создания системы ПРО в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии, выступают за проведение жёстких протекционистских мер. По мнению реалистов, Пекин попытается в будущем использовать свой экономический подъем и растущее влияние, чтобы реформировать правила и институты международной системы в своих интересах, что в свою очередь приведёт к схватке с США и возможной смене мирового лидера. В рамках самой теории реализма выделяется оборонительный и наступательный реализм. По мнению представителя оборонительного или структурного реализма Кеннета Уолца, действия Китая, Японии и Южной Кореи при поддержке США или без неё, уже создают новый баланс сил в Восточной Азии, который становится частью нового баланса сил в мире [120]. Сторонник же наступательного или «агрессивного» реализма Дж. Миршаймер считает, что Китай в будущем использует свой экономический потенциал для изменения международной среды безопасности таким образом, как это соответствует его

национальным интересам. И это приведёт к неизбежному столкновению КНР с США [149, с. 586]. Ещё один представитель реализма Збигнев Бжезинский в отличие от Дж. Миршаймера утверждает, что «китайское руководство не склонно бросать военный вызов Америке, поскольку оно заинтересовано в продолжительном экономическом росте, а также в достижении статуса мировой державы» [83, с. 46]. По мнению З.Бжезинского, несмотря на наличие противоречий вокруг Тайваньского вопроса, возможность возникновения военного конфликта между США и КНР минимальна. В подобном духе высказывается и бывший госсекретарь США, представитель школы реализма, Генри Киссинджер. По его мнению, Китай не будет бросать военный вызов США, учитывая то обстоятельство, что это бы свело на нет все экономические достижения Поднебесной за последние несколько лет [170, с. 14]. Сторонники же теории либерализма или «вовлечения» [114] считают, что Китай, проводящий курс на построение гармоничного мира, не претендует на роль мирового лидера и поэтому не представляет для США угрозу. Представители этой теории очень часто акцентируют именно мирную направленность китайской политики, которая за последние годы добилась больших успехов. Пекин все активнее действует в рамках многосторонних региональных и глобальных организаций. Особенно стал заметным курс Пекина на усиление доверия и сотрудничества с азиатскими странами посредством таких переговорных площадок, как АСЕАН, АСЕАН+1, АСЕАН+6, а также посредством создания ЗСТ с АСЕАН в январе 2011 года. Представители теории либерализма или привлечения выступают за «открытие китайского рынка для американских товаров и услуг, предоставление Китаю статуса наиболее благоприятствуемой нации и разрешение китайским компаниям довольно свободного оперирования на территории США» [18]. Сторонники этой концепции также призывают американское руководство укреплять взаимное доверие и сотрудничество с КНР в политической области и в сфере безопасности. Джон Айкенберри в своих работах отмечает, что возвышение

Пекина необязательно должно повлечь за собой болезненную смену мирового лидера [114]. По мнению Дж. Айкенберри, Китай очень заинтересован в сохранении мирового порядка во главе с США, поскольку участие в нем даёт ему много преимуществ. Дальше Дж. Айкенберри советует американскому руководству усиливать западный порядок путём возобновления широкомасштабных многосторонних институтов и путём модернизации прежних договорённостей в области безопасности и экономики. И это, по мнению учёного, будет способствовать тому, «чтобы мощь Китая применялась в рамках тех правил и институтов, которые США выработали и создали за последнее столетие» [114]. Однако если несколько лет назад Китай являлся ярким сторонником существующего мирового экономического порядка и был заинтересован в его сохранении [124], то сегодня КНР более настойчиво заявляет о своих интересах. Вместе с тем Китай стремится изменить существующую несправедливую систему принятия решений в управляемых США всемирных торговых и финансовых институтах.

В последнее время в США многие учёные стали критиковать вышеописанные концепции политики Вашингтона на китайском направлении, ссылаясь на то, что обе теории имеют свои недостатки. Одновременно критики предлагают новый альтернативный курс, сочетающий достоинства обеих теорий - «сдерживание плюс интеграция» или по-другому как «хеджирование и прямое вовлечение». Сторонники нового курса считают главным недостатком «теории вовлечения» отсутствие в ней указаний на ответную реакцию Вашингтона в случае «неординарного» поведения Китая, особенно в перспективе, когда Китай может превратиться в более сильную и враждебную державу. Стратегию «сдерживания» в свою очередь критикуют в основном за то, что она может дорого обойтись США, поскольку от её воплощения в жизнь пострадают американская торговля и инвестиции. Стратегия «сдерживание плюс интеграция», несмотря на присущую ей внутреннюю противоречивость, является более гибкой, поскольку даёт американскому руководству

возможность маневрировать и находить правильный ответ на любые действия КНР. Таким образом, в зависимости от того или иного поведения Китая стратегия США может поворачивать либо в сторону сдерживания, либо в сторону интеграции. Этот комплексный подход, применяемый американским правительством на протяжении последних лет, претерпевает сегодня важные изменения. В связи с усилением националистической риторики Пекина и инициированием последним более агрессивной политики в отношении спорных территорий в регионе Восточная Азия и Юго-Восточная Азия, США в ответ стали проводить более откровенную политику хеджирования, типичным примером которой стал «поворот к Азии».

По мнению японского учёного Т. Ватанабе, на протяжении последних трёх десятилетий любая президентская администрация в США при принятии внешнеполитической линии в отношении Китая, в том числе в области экономических отношений, должна была считаться с мнением четырёх групп интересов (Рисунок 1.1). К ним относятся представители политики максимального сдерживания Китая, призывающие при необходимости к военной конфронтации, представители группы политики вовлечения Китая, представители линии активного коммерческого сотрудничества с Китаем, а также представители группы, борющейся за права человека и за протекционистские меры в отношении Китая [194]. От взаимодействия между этими группами интересов и зависит, будут ли США сотрудничать и вовлекать КНР в мирохозяйственную систему или будут проводить политику сдерживания Китая. Помимо этих четырёх групп интересов очень сильное влияние на политическую линию в отношении КНР имеют две политические школы, а именно «школа Киссинджера» и «школа Маршала», которые по сей день консультируют американские власти по всем вопросам, касающихся политического и экономического сотрудничества с КНР [194].

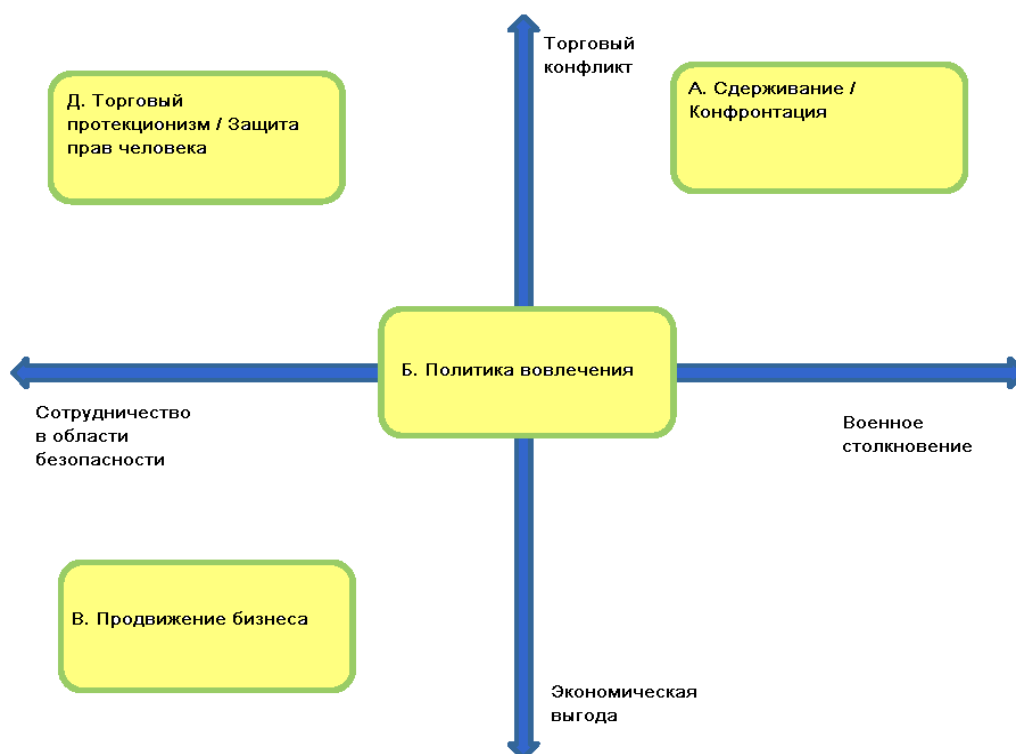

Рис. 1.1 - Основные группы политики США в отношении подъема Китая

Источник: Составлено автором на основе [194]

Таким образом, политика США и её отношение к развитию экономических отношений с Китаем во многом зависит от идеологических и политических соображений американского истеблишмента, а также разных групп интересов. Эти соображения явно противоречивы, часть истеблишмента придерживается консервативной политики реализма, призывает сдерживать Китай путём разных экономических мер и усилением военных союзов со своими союзниками. Другая часть американского истеблишмента призывает больше интегрировать Китай в международные экономические и политические структуры и, таким образом, заставляет Китай подчиняться правилам этих институтов, поскольку они ему приносят личную выгоду.

В Китае вопрос развития экономических отношений с США рассматривается в рамках общей внешнеполитической стратегии Пекина. Хотя сегодня китайские лидеры неустанно повторяют мысль о необходимости создания «гармоничного мира совместного процветания», эта концепция в

Китае появилась лишь относительно недавно. Ещё в 2003 году китайские лидеры заговорили о концепции «мирного подъёма», а уже в 2004 году эта политика была практически дезавуирована китайским правительством и в прессе вместо словосочетания «мирный подъем», в котором слово «подъем» ассоциировалось с китайской угрозой, стало просто использоваться сочетание «мирное развитие» («хэпин фачжань»). Посредством этой политики Китай пытается повысить свою репутацию как более ответственного международного актора и улучшить отношения с другими мировыми державами, с целью предотвращения объединения их усилий против китайского подъёма. По мнению Ф. Саундерса, китайские лидеры проводят в жизнь долговременную «Большую стратегию», основанную на поддержании мирной международной обстановки, которая предоставляет Китаю возможность создать экономические и технологические основы, необходимые для превращения страны в богатую державу [153]. Повышенная активность Китая в разных регионах мира проявляется в двух ипостасях, стратегической и экономической. Что касается стратегического направления, то ключевое партнерство Китая с Россией, крупными европейскими странами и поднимающимися державами, такими как Индия, усилилось в особенности в начале XXI века. Это можно объяснить стремлением Пекина не допустить создания антикитайской коалиции во главе с США, которая бы сдерживала усиление Китая. С другой стороны, экономическая составляющая этой стратегии КНР определяется в основном потребностями Китая в развитии и его меняющейся роли в мировой экономике. По мнению Саундерса, повышенный спрос Китая на зарубежные инвестиции и стремление получить доступ на мировые рынки преследует определённую логику, независимую от стратегических соображений внешней политики. Таким образом, внешняя политика КНР по Саундерсу определяется как результат взаимодействия между двумя независимыми политическими линиями, одна из которых акцентирует стратегическое партнерство, а другая - обеспечение потребностей экономического развития [153].

В апреле 2005 года Председатель КНР Ху Цзиньтао на афро-азиатском саммите впервые выдвинул идею создания «гармоничного мира совместного процветания». После неудачи с концепцией «мирного подъёма» и возвращению к концепции «мирного развития», Пекин решил приступить к формированию позитивного образа Китая за рубежом, привлекая для обоснования новой внешнеполитической концепции традиционные конфуцианские ценности, такие как «гармония» или приверженность «золотой середине» [25]. Данная концепция не только воплощает в жизнь китайские ценности, а именно гармонию и единство, но еще и отвечает современным реалиям, для которых характерны процессы глобализации, расширения диапазона общих интересов и укрепления сотрудничества с другими странами. С приходом к власти нового руководителя Си Цзиньпина в Китае появилась концепция «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». В продолжение теории гармоничного мира, новая концепция призывает к более активному движению к созданию в Китае общества «среднего достатка». В основном линия по построению «гармоничного мира» и «китайской мечты» отвечает интересам «прагматиков» в рамках китайского правительства. Однако, как в своей статье утверждает российский ученый Я. Бергер, в Китае помимо прагматиков - реалистов, имеются и представители национализма [20, с. 23]. На Западе ещё в 90-е гг. появлялись опасения по поводу подъёма Китая и постепенного ужесточения его политики, что привело к появлению известных «теории угрозы» или «теории упадка». Сегодня опасения западных специалистов приобретают ещё более реальные контуры в высказываниях некоторых китайских националистов и военных кругов КНР.

К наиболее ярким представителям китайского национализма можно отнести авторов монографии «Китай недоволен» [29], которая вышла массовым тиражом в 2009 году. К авторам этого неоднозначного сборника относятся видные китайские журналисты с хорошими связями в военных и идеологических кругах современного Китая: Сун Сяоцзюнь, Сун Цян, Хуан

Цзису, Лю Ян и Ван Сяодун. По мнению Ю. Галеновича книга «Китай недоволен» является примером «управляемой народной дипломатии» Китая, когда власти высказывают свои истинные мысли не публично, а при помощи группы частных лиц, которые доводят эти мысли до населения страны [29, с. 6]. Такую же точку зрения высказывает и Я. Бергер [19]. Интересно, что именно один из самых ярких представителей китайского национализма Ван Сяодун утверждает, что КПК никоим образом не поддерживает националистов, более того, на протяжении долгого времени китайские националисты могли высказывать свое мнение лишь в Интернет-блогах [27, с. 86]. Китайские националисты отличаются ярким антизападничеством и антиамериканизмом. Так, военный аналитик и полковник ВВС КНР Дай Сюй считает, что США применяют целый набор разных методов по сдерживанию Китая и что Пекину нельзя избежать войны с Вашингтоном, который преследует стратегическую цель создания глобальной империи [19]. По мнению же другого видного националиста Лю Яна, США в никоим случае не должны стать образцом для Китая [20, с. 27], у которого есть своя собственная система ценностей и богатая история. Один из самых видных представителей националистического течения в КНР Ван Сяодун, опираясь на понятийный аппарат геополитики, утверждает, что главным препятствием для превращения Китая в глобальную державу является отсутствие у него достаточного жизненного пространства [27, с. 89]. Всех представителей националистического течения объединяют антиамериканские настроения и стремление усилить оборонную способность Китая. Тем не менее, следует отметить, что официальные власти КНР декларативно придерживаются линии на строительство конструктивного и стратегического партнерства с США и усиление с ними торгово-экономического обмена.

Рассмотренные теоретические подходы учёных двух стран наглядно демонстрируют многообразие существующих концепций в рамках изучения экономических отношений двух стран. Особенно важным является осмысление

таких отношений в контексте теории «догоняющего развития» и глобального экономического управления. По мере комплексного усиления КНР вновь становится актуальным вопрос о невозможности страны перейти на новый этап своего экономического развития лишь с помощью экстенсивного или мобилизационного типа развития. Особое значение для превращения КНР в мировую державу имеет доступ к новейшим технологиям развитых стран Запада, в том числе из США. Таким образом, несмотря на появление националистических настроений в китайском обществе и в некоторых кругах правящего истеблишмента, вектор на сотрудничество с технологически более развитым Западом, который вполне логично вписывается в предлагаемую Китаем теорию «гармоничного мира», а также концепцию «возрождения Китая», имеет определяющее значение для будущего развития экономики Китая.

1.2 Институционально-правовая основа для развития экономического сотрудничества между КНР и США

Если анализировать институционально-правовую основу для развития китайско-американского экономического сотрудничества, то необходимо обратить внимание на определенную специфику, присущую отношениям этих двух стран. Несмотря на принятие целого пакета рыночных преобразований, в китайской экономике сохраняется значительное присутствие государственного сектора и проблемы, связанные с отсутствием реформы в этом секторе, вместе с относительно неразвитой природой инструментария макроэкономической политики, привели к созданию особой модели экономического роста, которая значительно отличается от американской модели. Кроме того, нельзя забывать и о том, что КНР и США представляют собой еще и разные цивилизационные ареалы с соответствующим набором черт, традиций и других факторов, которые в немалой степени влияют на политическую и социальную культуру в этих государствах.

При анализе теоретических основ и предпосылок китайско-американских экономических отношений, необходимо уделить особое внимание изучению институционально-правовой базы этих отношений. Отправной точкой для начала сотрудничества двух стран следует считать установление дипломатических отношений КНР и США в 1979 году, хотя этому предшествовало признание КНР в качестве члена СНБ ООН в 1971 году и целый ряд встреч государственных представителей двух стран. С момента заключения дипломатических отношений двух стран и до сегодняшнего дня экономические отношения КНР и США регулировались целым пакетом юридических документов. К первым из них можно отнести такие документы, как *«Соглашение о торговых отношениях»*, *«Соглашение о морском транспорте или «Закон о совместных предприятиях»*[43]. Большую роль в развитии взаимопонимания и создания основы торгово-экономических отношений сыграли регулярные встречи «Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству» [43].

Сегодня институционально-правовая система, регулирующая торгово-экономические отношения КНР и США, состоит из трех блоков. Во-первых, эту систему составляют существующие механизмы диалога и площадки для обмена мнениями между представителями разных уровней КНР и США, которые были созданы с целью усиления экономического взаимодействия и углубления взаимного доверия двух стран. Во-вторых, - это договорно-правовая база, регулирующая экономические отношения стран на двустороннем уровне. И в третьих, - это институциональная база и внутренние правила международных организаций и неформальных институтов, в которые входят обе страны и которые регулируют экономическое и иное поведение стран участников.

При рассмотрении первого блока вышеупомянутой системы нужно отметить, что основной платформой для обмена мнениями правительств КНР и США по взаимным стратегическим и экономическим вопросам с сентября 2006 года служил «Китайско-американский стратегический экономический диалог»

(SED). Его первопроходцами были министр финансов США Г. Полсон и заместитель премьера Госсовета КНР У И (кит. Wu Yi). С момента образования этого формата диалога прошло всего пять встреч. В 2009 году в соответствии с проводимой США политикой вовлечения в отношении Китая был этот механизм встреч преобразован в “Китайско-американский стратегический и экономический диалог” - S&ED [183]. Если сравнивать его с прежним механизмом, нынешний формат проводится на более высоком уровне и по содержанию обсуждаемых тем намного шире своего предшественника. 1-й раунд “Китайско-американского стратегического и экономического диалога” проходил летом 2009 года в Вашингтоне, 2-й раунд диалога состоялся в мае 2010 года в Пекине. Работа в рамках Китайско-американского стратегического и экономического диалога ведется по двум направлениям: стратегический блок и экономический блок.

В ходе проведения 5-го раунда “Китайско-американского стратегического и экономического диалога” в июле 2013 года были достигнуты важные договоренности и увеличено количество форматов для обмена мнениями. Если до проведения этого раунда двустороннего диалога между правительствами двух стран существовало около 90 двусторонних механизмов общения, после нынешнего раунда эта цифра увеличилась до 100. Однако, что более важно, многие из этих механизмов будут работать круглый год, а не эпизодически, как это было раньше. Были созданы такие новые рабочие группы, как “Рабочая группа по кибернетической безопасности, Китайско-американская рабочая группа по вопросам изменения климата, Консультативная группа по международным экономическим делам, Диалог в области глобального развития, Диалог по экологическому партнерству, Инициативная группа по утилизации авиационных отходов и сокращению выбросов [181].” В то же время, некоторые уже работающие совместные рабочие группы были повышены до уровня встреч заместителей министров как например “Консультативная группа по борьбе с терроризмом” или до уровня встреч министров – “Диалог в области

энергетической политики”. С 2009 года по 2013 год под совместным председательством вице-премьера Госсовета КНР Ван Цишаня и министра финансов США Тимоти Гейтнера прошло пять раундов экономических диалогов в рамках этого механизма. Было достигнуто множество договоренностей в таких областях, как макроэкономическая политика, финансы, торговля, инвестиции, международные правила и глобальное управление экономикой.

В ходе встречи в 2013 году был достигнут стратегический прорыв во взаимоотношениях КНР и США, когда обе стороны согласились начать переговоры по важному “Двустороннему договору об инвестициях” (Bilateral Investment Treaty). Положительная динамика этого формата общения сохранилась и во время 6-го раунда диалога в 2014 году, который проходил в Пекине, и на котором была продолжена дискуссия по имплементации договора об инвестициях и по другим вопросам взаимодействия двух стран [158]. Во время этого раунда диалога, проходившего под председательством министра финансов США Джейкоба Лью и вице-премьера Госсовета КНР Ван Яна, американская сторона пообещала ослабить экспортный контроль над поставками высокотехнологичной продукции в КНР, а также создать у себя оптимальные условия для китайских инвесторов. Обе стороны также заявили, что будут впредь укреплять сотрудничество по вопросам макроэкономической и финансовой политики [158]. Представители США в ходе встречи отметили, что приветствуют политику КНР по усилению роли рынка в экономике, делая акцент на внутреннее потребление. В частности, Китай пообещал создать специальные механизмы для предотвращения избытка производственных мощностей в ключевых отраслях экономики, главным образом в области выплавки сырой стали. Важным с точки зрения обеспечения эффективности распределения ресурсов является обещание КНР ускорить процесс принятия реформ по рыночному образованию цен на энергоресурсы. Такая мера должна ограничить возможности государственных компаний КНР по закупке

энергоресурсов ниже рыночной стоимости. Вместе с этим китайские представители готовы привести политику финансовой поддержки китайских экспортеров в соответствие с международными стандартами открытости, что может помочь в деле создания справедливой конкуренции между американскими и китайскими экспортерами. Кроме того, как заявил министр финансов США Дж. Лью, США считают важнейшим шагом для Китая реформирование системы образования курса национальной валюты и проведение реформ в финансовой области КНР. В ходе обсуждений была также достигнута договоренность об ускорении процесса подготовки текста договора о взаимных инвестициях, который должен обеспечить инвесторам двух стран равный доступ на рынки друг друга. Стороны договорились продолжить переговоры по либерализации и снятию некоторых ограничений для американских инвестиций на китайский рынок. Несмотря на большой диапазон обсуждаемых вопросов, главным недостатком Стратегического и экономического диалога США и КНР, по-прежнему, является отсутствие первых лиц в непосредственном обсуждении важных вопросов двустороннего взаимодействия.

Институциональные изменения, касающиеся создания новых и работающих круглый год механизмов общения и обмена мнениями по торгово-экономическим вопросам между двумя странами, свидетельствуют об усилении двустороннего сотрудничества и углублении взаимного доверия КНР и США. Институционализация экономических отношений является прямым следствием взаимозависимости и проявления сотрудничества и все эти три элемента служат ограничителями конкуренции во взаимоотношениях двух стран. На самом деле, конкуренция и недоверие, существующие на стратегическом, экономическом, военном, дипломатическом, политическом и идеологическом уровнях будут и впредь иметь место, однако их очень сложно полностью устранить. В то же время, такие платформы, как “Китайско-американский стратегический и экономический диалог” являются проявлением стремления

обоих государств управлять процессом конкуренции и налаживания сотрудничества в тех областях, где это возможно и необходимо.

К другим механизмам диалога, которые занимаются вопросами экономических и торговых отношений Китая и США, относится “Китайско-американский совместный экономический комитет”, созданный в 1979 году после установления дипломатических отношений между Пекином и Вашингтоном. Данный комитет, образованный и управляемый министерством финансов США, работает при помощи рабочих групп в таких областях, как финансовая реформа или система обмена иностранных валют. Комитет был впервые созван в 1980 году и долгое время служил как форум на высшем уровне для обсуждения важных двусторонних, региональных и глобальных экономических проблем. Изначально его главной задачей было установление экономических отношений между США и КНР. В последние годы этот комитет собирается ежегодно на уровне депутатов и министров финансов.

В 1983 году была создана китайско-американская “Совместная комиссия по коммерции и торговле” как платформа на высшем уровне для обсуждения вопросов двусторонней торговли и как инструмент для расширения торгово-экономического сотрудничества. Деятельность данной комиссии направлена на разрешение проблем, представляющих интерес для обеих стран, а также на предоставление технической помощи в рамках программ ВТО. Комитет состоит из трех рабочих групп, которые занимаются вопросами торговли и инвестиций, развития бизнеса и промышленного сотрудничества, а также коммерческим законодательством. Комиссию возглавляют Министр торговли США, торговый представитель США и вице-премьер КНР. Комиссия пользуется большой межведомственной поддержкой с обеих сторон. Пленарные заседания на самом высоком уровне проводятся ежегодно, в то время как меж-пленарные сессии и встречи отдельных рабочих групп комиссии проводятся более часто. С момента учреждения комиссии в 1983 году до сегодняшнего дня были проведены 24 заседания, которые сыграли очень важную роль в деле укрепления

двустороннего торгово-экономического сотрудничества и создания прочной базы китайско-американских торгово-экономических отношений.

Самым полезным фактором данных механизмов (Приложение А), возможно, является то, что они помогают создавать определенную базу предсказуемости и структурируемости в сложных китайско-американских отношениях [111]. Кроме того, относительная постоянность и регулярность встреч представителей двух стран на самых разных уровнях не дает КНР и США возможность отпускать свои дипломатические отношения ниже определенного уровня [111]. Сегодня существует более чем 90 механизмов для обмена мнениями между КНР и США, что необычно много даже по меркам близких союзников США [195]. Такое взаимодействие предоставляет двум странам возможность для транслирования своего одобрения или недовольства относительно поведения другой стороны, что очень полезно в деле снижения напряженности во взаимных отношениях.

В 2000 году Конгрессом США была также создана “Комиссия по проверке американо-китайских экономических связей и безопасности”. Целью данной комиссии является наблюдение, изучение и анализ последствий двусторонней торговли и экономических отношений между США и КНР для экономики и национальной безопасности США. Комиссия представляет Конгрессу США отчет о таких последствиях, а также рекомендации для принятия Конгрессом США соответствующих мер или законодательных актов. Работа Комиссии должна проводиться в следующих областях: практика распространения, экономические переводы, энергетика, рынки ценных бумаг в США, региональные экономические вопросы и вопросы безопасности, китайско-американские двусторонние программы, соблюдение правил ВТО и последствия ограничений на высказывание и доступ к информации в КНР. Двухпартийная комиссия состоит из 12 членов-комиссаров, трое из которых выбираются соответственно лидерами большинства и меньшинства в Сенате США [178]. В своем ежегодном докладе Конгрессу США в 2013 году комиссия

представила 41 политическую рекомендацию, включая такие рекомендации как необходимость вести учет ПИИ от китайских компаний в американскую экономику, необходимость вести учет о субсидиях Китая в области с/х и о дискриминационных пошлинах, а также отчет о кибернетических атаках китайских хакеров [179].

Есть и другие американские организации, которые регулируют, в том числе и отношения с КНР по определенному кругу вопросов. В рамках “Комиссии по ценным бумагам и биржам” имеется группа, которая занимается вопросами продажи китайских ценных бумаг и акций на американских биржах [187] и в рамках Министерства казначейства и Федеральной Резервной Системы США работают группы, которые оказывает Китаю консультационную поддержку по вопросам банковского регулирования и имплементации монетарной политики. Некоторые неправительственные организации такие как “Американская ассоциация адвокатов” [77] также принимают участие в процессе создания институциональной базы для китайско-американских экономических отношений.

Вторым, очень важным блоком в системе институтов экономического взаимодействия двух стран является блок двусторонних соглашений. За время существования китайско-американских экономических отношений была разработано или принято множество двусторонних соглашений и договоров, меморандумов, намерений о сотрудничестве и рамочных соглашений, регулирующих отдельные аспекты торгово-экономического взаимодействия КНР и США. Также в настоящее время на стадии согласования позиций или разработки имеются многие документы, которые призваны в будущем расширить нормативно-правовую базу для систематизации и регулирования двусторонних китайско-американских экономических отношений.

В деле развития торгово-экономических отношений и сотрудничества в области сельского хозяйства большую роль играет созданная еще в 1980 году “Китайско-американская рабочая группа по научно-техническому

сотрудничеству», а также другие смешанные комитеты обеих стран. Взаимодействие двух стран на данном направлении началось еще в 1979 году, когда КНР и США с целью укрепить исследовательские обмены в области сельского хозяйства подписали «Договор о научно-техническом сотрудничестве» [1]. Данный договор был продлен обеими странами в 2011 году. Профильные министерства Китая и США на протяжении 30 лет развивают совместные проекты по научно-техническому сотрудничеству, что играет положительную роль в деле развития китайско-американских отношений на данном направлении. В 2012 году был правительствами двух стран принят «План стратегического сотрудничества в области сельского хозяйства» [5], который определяет основные направления сотрудничества двух стран в области сельского хозяйства на ближайшие 5 лет с 2012 года по 2017 год. Этот план, имеющий важное значение для развития сотрудничества двух стран в области сельского хозяйства, выявляет 8 ключевых областей кооперации, а именно «продовольственную безопасность, безопасность продуктов питания, устойчивое сельское хозяйство, сельскохозяйственные науки и технологии, агро-товарные рынки, торговлю сельско-хозяйственной продукцией, а также крупные совместные проекты». Обе страны договорились принять меры и развивать проекты для реализации данного плана, что должно принести взаимовыгодную пользу.

В последнее время очень актуальным направлением сотрудничества двух стран, которые являются самыми большими потребителями энергии в мире, становятся зеленые технологии. В ноябре 2009 года президент США Б. Обама и председатель КНР Ху Цзиньтао сообщили об образовании «Американо-китайского исследовательского центра по изучению экологически чистых источников энергии» (CERC) [176]. Для создания и работы центра обе страны выделили 150 миллионов долларов США, и центр официально заработал в 2011 году. CERC ускоряет развитие и повсеместное применение передовых технологий для более экологически чистого использования угля, повышения

энерго-эффективности в зданиях и чистых транспортных средств в Соединенных Штатах и в Китае. Работа центра направлена на создание диверсифицированных поставок энергии и ускорения перехода к низкоуглеродной экономике, избегая при этом самых тяжелых последствий для изменения климата. Центр также служит в качестве двусторонней платформы для расширения доступа к специализированной экспертизе и знаниям о чистой энергии [177].

Не менее важными двусторонними соглашениями КНР и США являются «Китайско-американский рамочный договор о сотрудничестве в области интеллектуальной собственности» [10], «Меморандум о взаимопонимании и укреплении сотрудничества в области энергетики, охраны окружающей среды и борьбы с изменением климата» (2009) [3], «Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в энергетике» [93].

Для усиления двусторонних торгово-инвестиционных отношений КНР и США особое значение имеет принятие широко обсуждаемого «Двустороннего договора об инвестициях» ВІТ (Bilateral Investment Treaty), о котором уже шла речь выше. Переговоры по этому соглашению возобновились во время проведения 6-го раунда «Китайско-американского стратегического и экономического диалога» в июле 2014 года. Принятие такого соглашения играет важную роль в деле создания рабочих мест для американцев, увеличения доходов от налогов и в целом он будет способствовать экономическому росту в США. В соответствии с данным соглашением правила инвестирования в США не меняются, но меняются правила для вхождения американских инвесторов в китайскую экономику. Двусторонний договор об инвестициях в значительной степени облегчит доступ американских компаний на рынок Китая, прежде всего в те сферы, в которых раньше работали исключительно китайские компании.

Третьим, не менее важным направлением сотрудничества КНР и США, является взаимодействие на глобальном уровне, в рамках международных

формальных и неформальных организаций и институтов. К ним относятся такие механизмы, как ВТО, АТЭС, Большая 20-ка, МВФ, Всемирный Банк и ООН.

Осенью 2000 года президент США Билл Клинтон подписал «Закон об американо-китайских отношениях» [11], который проложил дорогу Китаю для вступления во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). После вступления КНР в ВТО в 2001 году, институциональный уровень экономических отношений двух стран также получил определенное развитие. Являясь участником такого механизма как ВТО, КНР должна осуществлять свою экономическую политику в рамках международных правил, что в значительной степени упорядочивает торговые и экономические отношения Китая с другими странами. Кроме того, инструменты ВТО предназначены для того, чтобы упростить и увеличить эффективность торговли между экспортерами и импортерами - членами организации. По вопросу членства Китая в ВТО и его последствиям для китайской экономики написано много работ, но в целом можно говорить больше о преимуществах такого политического решения Пекина. Это отразилось, прежде всего, в невиданном увеличении доли экспорта Китая на мировых рынках. Если говорить об отношениях с США, Китай перестал опасаться за свой статус наибольшего благоприятствования, поскольку этот статус подвергался ежегодному рассмотрению в Сенате США и присуждался Китаю в зависимости от состояния дел с правами человека внутри страны. Поскольку в рамках ВТО не могут действовать торговые ограничения наподобие поправки «Джексона Венника» США, Китай получил стабильный статус страны наибольшего благоприятствования, что послужило значительным стимулом для развития торговых отношений между КНР и США. В то же время, со вступлением КНР в ВТО, США получили возможность влиять на экономическую политику КНР в рамках правового поля, регулируемого правилами и нормами этой организации. Таким образом, китайские власти с целью сохранения выгод от членства в ВТО вынуждены

считаться с этими правилами и принимать на себя роль ответственного участника мирохозяйственных связей. Раньше торговые противоречия Китая и США разрешались исключительно в рамках двусторонних отношений [139]. Сегодня благодаря институциональному развитию существует механизм разрешения торговых споров двух стран в рамках ВТО. Тем не менее и здесь имеются свои проблемы, связанные, прежде всего, с прозрачностью выполнения Китаем правил этой организации. Кроме того, как отмечает американский специалист С. Кеннеди, на фоне отсутствия прогресса Дохийского раунда переговоров ВТО наблюдается общая тенденция кризиса многосторонних организаций, с чем связано увеличение количества региональных организаций и зон свободной торговли (ЗСТ) [121].

На протяжении последних лет ведется широкая дискуссия по поводу усиления роли и права голоса развивающихся стран, включая КНР, в таких международных институтах как Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд (МВФ). У США вместе с ЕС в МВФ на сегодняшний день имеется наибольшее количество голосов, что конечно не устраивает страны члены группировки БРИКС и прежде всего Китай, поскольку это значительно ограничивает его возможности в принятии решений этим фондом. Помимо этого, в настоящее время ресурсы МВФ находятся на исходе и для пополнения резервов необходимо провести его реформу. Основная суть реформы сводится к повышению роли развивающихся стран в рамках МВФ и тем самым к увеличению резервов фонда. Решение о реформе системы управления фондом в пользу развивающихся стран было принято еще в 2009 году на встрече “Большой двадцатки” и было утверждено МВФ в 2010 году. Как известно, КНР в результате реформы квот может стать третьим самым большим держателем акций фонда [70]. Тем не менее, США почти четыре года активно противостоят проведению реформы и до сих пор не ратифицировали это решение в Конгрессе. Такое положение дел, конечно, не устраивает страны-члены БРИКС. По мнению последних, МВФ и Всемирный банк выступают в первую очередь в

интересах их главных акционеров – США и ЕС, которые активно пользуются своими привилегиями и правом вето. В ответ на несправедливое распределение голосов в МВФ и во Всемирном банке страны БРИКС заявили о создании альтернативных организаций, таких как “Пул валютных резервов” и “Банк развития стран БРИКС”.

С самого начала XXI века Китай и США все активнее взаимодействуют и обмениваются мнениями и опытом в рамках саммита Азиатско - Тихоокеанского Экономического Сотрудничества – АТЭС. Страны члены этого института производят 80% мирового ВВП, причем самая большая доля в произведенном ВВП приходится как раз на Китай и США. В настоящее время ведется обсуждение по вопросу создания в рамках АТЭС «Транс - Тихоокеанского Партнерства» (ТПП) на основе углубления свободной торговли в АТР, а также зоны свободной торговли. Однако КНР и Россия пока не получили приглашение для участия в этих переговорах. Кроме того, КНР подписала соглашение о создании ЗСТ со странами АСЕАН. Многие специалисты рассматривают «ЗСТ КНР-АСЕАН» как противовес проекту ТПП, за создание которого активно выступают США [48]. Помимо этого, по мнению некоторых ученых, АТЭС становится больше местом для соперничества, чем площадкой для углубления китайско-американских торгово-экономических отношений. На последнем саммите АТЭС, который проходил в ноябре 2014 года в Пекине, КНР и США подписали целый ряд соглашений, в том числе исторически важный договор о сокращении выбросов парниковых газов, а также два договора, которые касаются вопросов доверия и безопасности. Один из этих договоров предусматривает создание специального механизма взаимного оповещения двух стран о проведении крупных маневров, например военных учений. Второй договор регламентирует правила поведения при возможной встрече военных двух стран на суше и море. Подписание этих соглашений важно с точки зрения предотвращения возможной военной эскалации между двумя странами. Кроме того, подписание такого рода

документов имеет определенное значение для укрепления стратегического доверия двух стран. КНР и США во время проведения этого саммита также договорились об отмене торговых тарифов на некоторые виды электронной продукции.

Рассмотренные в настоящем разделе действующие механизмы для обмена мнениями, а также двусторонние договоры между США и КНР, создают необходимую институционально-правовую основу для взаимодействия двух стран в разных областях экономического сотрудничества. Увеличивается количество двусторонних механизмов диалога, которые играют важную роль в укреплении доверия двух стран. Несмотря на довольно эффективную работу механизмов двустороннего взаимодействия, между США и КНР все чаще возникают противоречия по вопросам глобального регулирования в рамках таких организаций как ВТО, МВФ или Большая Двдцатка (G20). Это вызвано комплексным усилением Китая, а также неготовностью США делиться своим статусом единственной сверхдержавы.

1.3 Особенности развития экономики КНР и США на современном этапе и факторы взаимозависимости двух экономик

Будучи активными участниками мирохозяйственных связей и потоков в международной торговле, КНР и США вынуждены развивать свои экономики в рамках происходящих процессов в мировой экономике. Современная экономическая модель КНР является уникальной мировой системой, которая сочетает в себе элементы плановой экономики и рыночных механизмов. Появившись в результате внедрения рыночных элементов в конце 70-х годов прошлого века, после принятия реформ Дэн Сяопина, китайская модель экономики, прошедшая долгий путь эволюции, призвана обеспечить сегодня высокие темпы экономического роста, так необходимые для развития всей

страны и построения общества «сяокан».³ Как отмечают российские китаеведы Лукьянов и Переломов, строительство социализма с китайской спецификой представляет собой формальное обозначение построения в Китае «конфуцианского социализма» [53].

Экономическая модель, существующая сегодня в Китае, является результатом длительной по времени эволюции и реформирования плановой экономики. Следует учитывать, что китайским властям удалось создать довольно эффективную модель управления экономикой, во многом, благодаря правильно подобранной стратегии проведения реформ. Как уже известно, в Китае при осуществлении экономических реформ отказались от применения “шоковой терапии” и сплошной приватизации [58]. Реформы проводились поэтапно и во многом отражали дух известного высказывания китайского лидера Дэн Сяопина «Переходя реку, нащупывая камни». Процесс к построению социализма с китайской спецификой начался с сельскохозяйственной реформы и создания первых свободных экономических зон (СЭЗ), где апробировались новые рыночные методы ведения экономики. Активно применялся так называемый «двухколейный подход» [30]. Успешные формы управления экономики затем распространялись на всю экономическую систему.

В недавнем времени появилась интересная точка зрения, что китайского «особого пути» вовсе и не существует. По мнению китайского профессора экономики и финансов Сюй Сяоняня, особой китайской модели экономического развития нет и все экономическое развитие Китая после 1978 года было лишь повторением модели А. Смита или Дж. Кейнса [209].

Не вдаваясь в подробное описание эволюции рыночной экономики с китайской спецификой после 1978 года, необходимо отметить, что современная модель китайской экономики, если рассматривать ее очертания до кризиса 2008

³ Сяокан – это «общество среднего достатка». Построение конфуцианского социализма в противовес конфуцианскому капитализму в Японии. Или социализм с китайской спецификой. Всестороннее построение общества "сяокан", как отмечается в докладе Цзян Цзэминя на открытии XVI съезда КПК 8 ноября, -- задача Китая на первое двадцатилетие нынешнего века.

года, базируется на нескольких основных характеристиках. Это «привлечение зарубежных инвестиций, высокий уровень внутренних сбережений населения, ориентация производства на экспорт, дешевизна рабочей силы и быстрый рост производительности труда». По мнению Александра Габуева, главными локомотивами китайского роста помимо зарубежных инвестиций и экспортной выручки являются еще и огромные «инфраструктурные и девелоперские проекты» [28]. Эти факторы помогли Китаю добиваться на протяжении практически всех нулевых годов беспрецедентных темпов экономического роста, которые превышали уровень 10%. Однако сами по себе эти факторы ничего не значили бы, если бы не существовало прочной экономической системы.

К основным признакам экономической модели Китая относятся: существование пятилетних планов, значительное присутствие госсектора в экономике страны, наличие специальных экономических зон (СЭЗ) с особыми условиями ведения бизнеса, сильный первичный и вторичный сектор экономики (Рисунок 1.2) и другие. В.Г. Гельбрас отмечает еще одну важную особенность китайской экономики, а именно ее экстенсивную модель развития [30], которая является симбиозом других азиатских моделей экономики [12].

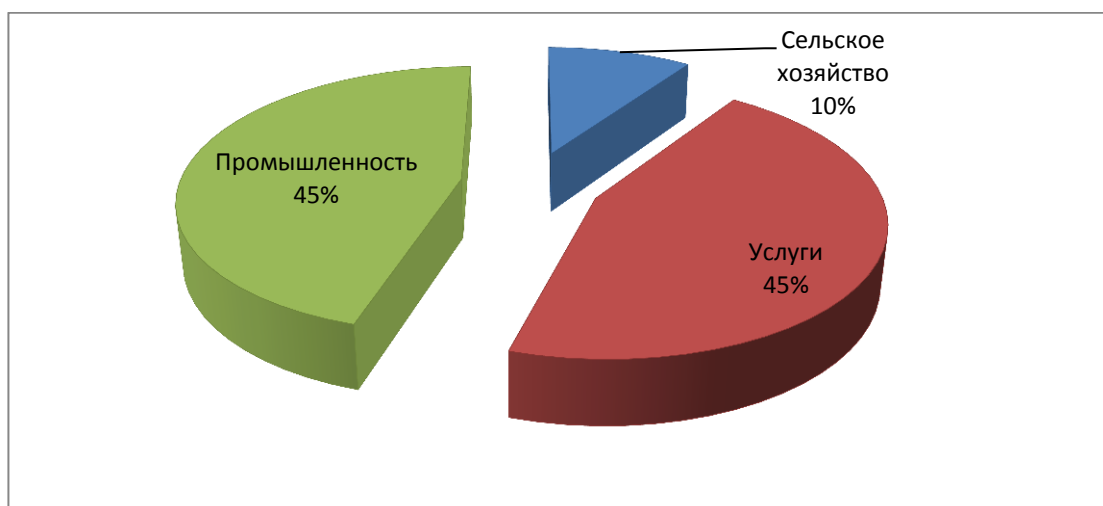

Рис. 1.2 - Структура ВВП КНР по секторам экономики (в %)

Источник: Составлено по [88]

До финансового кризиса ориентированная на экспорт модель китайской экономики обеспечивала стране высокие темпы экономического роста, ежегодно превышая отметку 9-10%. Однако мировой кризис очень сильно ударил по всей мировой хозяйственной системе, не исключая китайскую экономику. Наиболее сильно пострадали восточные провинции Китая, которые в значительной степени ориентированы на экспорт. В результате резкого падения экспорта китайской продукции, официальный Пекин вынужден был задуматься над новой стратегией экономического развития, так как прежняя модель слишком зависела от экспорта. Лидеры Китая приняли свой пакет антикризисных мер, который должен был смягчить последствия мирового финансового кризиса. Эти меры в значительной степени отражены и в нынешней экономической стратегии Китая. Как было отмечено на XVIII съезде КПК в конце 2012 года, «значительное внимание в стране будет уделяться необходимости развития Китая с ориентацией на построение более гармоничного общества» [217]. В соответствии с итогами этого съезда, КНР продолжит проводить экономические реформы, способствующие ускорению перехода к новой модели экономического развития и к построению общества «среднего достатка» к 2020 году.

В то же время следует отметить, что общая суть антикризисных мер в КНР была направлена на решение трех задач: поддержание высоких темпов экономического роста, недопущение социального взрыва вследствие банкротства многих отечественных компаний и сохранение конкурентоспособности китайских производителей. Для решения этих задач государство должно было внести определенные коррективы во всю модель экономики с китайской спецификой. Приведут ли в будущем эти изменения к созданию новой экономической модели в Китае пока неясно, однако определенные признаки того, что экономика КНР постепенно трансформируется, уже имеются. Естественно та модель экономического развития, которая была очень эффективной в Китае до 2008 года и которая

обеспечивала стране стабильный рост ВВП в 10% ежегодно, в силу изменений на глобальном рынке должна была быть изменена. Необходимо понимать, что для Китая очень важно сохранять высокие темпы экономического роста, поскольку падение даже на несколько процентов может обернуться ему значительными социальными потрясениями. Речь идет о самой многонаселенной стране мира, где любое даже незначительное падение в темпах роста может вызвать цепную реакцию с непредсказуемым результатом. Банкротство многих отечественных компаний, которые всю выручку получали от экспорта своих товаров, вынудило Пекин к поиску новой модели, которая бы не была полностью ориентирована на экспорт. В такой ситуации, по мнению американского ученого Стивена Роуча, Китай принял решение поменять свою модель экономического развития с экспортно-ориентированной на модель, при которой основная ставка делается на увеличение внутреннего спроса и потребления [72]. При этом, как отмечает Р.И. Хасбулатов, такая переориентация на внутренний спрос активно происходит в Китае уже с 2008 года [72].

Существенной чертой антикризисного плана в Китае стало значительное увеличение финансовых вливаний во все сферы китайской экономики. В рамках стимулирования китайской экономики были выделены огромные средства на строительство жилья, городской и сельской инфраструктуры, новых дорог и современных технологий [34]. Всего на пакет антикризисных мер, рассчитанный на два года, правительство КНР потратило около 4 триллиона юаней, что в долларовом эквиваленте составляет 600 миллиардов долларов [214, с. 7]. В начале 2009 года властями КНР был также принят план по реструктуризации 10 важнейших отраслей экономики. Такая помощь оказалась необходимой в условиях, когда многие государственные компании потеряли свои заказы и попросту простаивали.

С целью увеличения внутреннего спроса и платежеспособности населения, властями КНР был принят целый ряд мер. К этим мерам можно

отнести создание новых рабочих мест за счет инвестирования в масштабное строительство, повышение заработных плат и улучшение трудового законодательства. С целью улучшения жизненных условий сельского населения увеличиваются закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и повсеместно вводится система социального обеспечения. Одновременно китайское правительство уделяет большое внимание поддержке отечественного производителя путем предоставления выгодных кредитов для широких слоев населения.

Важной чертой новой экономической политики стала также поддержка негосударственного сектора и частных инвестиций [57]. Несмотря на то, что большинство предприятий в Китае составляют государственные компании или компании со значительным присутствием государства, как показывает статистика, такие предприятия малоэффективны. В такой ситуации китайское правительство делает ставку на поддержку малого и среднего бизнеса [52], прежде всего, путем проведения налоговой реформы, а именно в сторону понижения налогов. По мнению профессора Йельского университета О. Цывинского, именно рост производительности негосударственного сектора является залогом успеха китайской модели экономики [73].

Что касается финансовых показателей КНР, следует обратить внимание на довольно высокий уровень коэффициента монетизации или отношения денежной массы M2 к ВВП, который достиг на конец 2014 года показатель 195%. В США этот показатель был в прошлом году на уровне 90%. По объему денежной массы Китай занимает первое место в мире и коэффициент монетизации стабильно выше уровня инфляции. Ставка рефинансирования при этом находится на уровне 3,5% и инфляция в 2014 году составила всего 2%. Это, однако, не касается сферы недвижимости, где в последние годы заметна тенденция резкого повышения цен. Тем не менее, проводимый курс на увеличение потребления внутри Китая сопровождается мерами, направленными на снижение инфляции и устранения пузырей в сфере

недвижимости. С этим связан курс по постепенному ограничению роста денежной массы в экономике и объема выданных кредитов госкорпорациям на непрофильные проекты. Одной из мер по борьбе с инфляцией в Китае является также увеличение норм резервирования для коммерческих банков, что ведет к снижению денежной массы в экономике.

Беспрецедентно высокий и продолжительный рост китайской экономики в последние годы все чаще привлекает внимание многих экономистов из всего мира. На фоне общего падения экономического роста стран ЕС, США и Японии, где вообще особого роста практически нет, экономика КНР с темпами роста в 8-9% вызывает как минимум уважение и огромный интерес. Многие специалисты сходятся во мнении, что, несмотря на увеличение экономического потенциала КНР, последняя сталкивается с огромными проблемами [38], которые могут отдалить планы «Поднебесной» на превращение в экономического лидера мира на неопределённый период. Многие экономисты и аналитики при подсчетах того, сколько лет потребуется Китаю на то, чтобы обогнать США, однако, упускают с виду проблему сильной социальной и имущественной поляризации китайского общества, экологические проблемы, рост безработицы, нерешенную демографическую ситуацию в деревнях и другие моменты, связанные с политической модернизацией страны, но, тем не менее, оказывающие сильное воздействие на экономику страны [67, с. 29]. Китайское руководство в свою очередь эти проблемы вполне осознает и по вопросу китайского лидерования в мировой экономической системе оно занимает осторожные позиции. Здесь нечему удивляться, так как в соответствии с планом построения «всестороннего общества сяокан», Китай должен подойти к этой отметке лишь в 2020 году [21, с. 30].

Вместе с этим следует отметить, что традиционное преимущество КНР в дешевой рабочей силе теряет свою значимость, так как затраты на рабочую силу в стране продолжают расти. В связи с этим, многие западные производители вынуждены перенести свои производства в Юго-Восточную

Азию и другие места с более дешевой рабочей силой. Особенно это касается производства с широким применением неквалифицированной рабочей силы.

Анализ общего развития экономики США в настоящее время приобретает большую значимость. Это вызвано многими факторами, в том числе тем, что впервые после развала биполярной системы международных отношений на горизонте появилась страна, которая готова бросить экономический вызов американцам и занять их место мирового экономического лидера. Речь идет о КНР. В то же время сегодня как никогда раньше необходимо вновь проанализировать эффективность капиталистической модели Вашингтонского консенсуса, которая сложилась в США, и которую при всяческой поддержке американцев приняло много стран мира. Дело в том, что эффективность капиталистической модели США после известных событий 2008 года все больше подвергается критике. Таким образом, в данной части диссертации попытаемся взглянуть на развитие экономики США в настоящее время, выявить основную суть экономической модели Америки и подвергнуть ее тщательному анализу в увязке с экономическими отношениями с КНР.

После развала СССР и после «неоспоримой победы экономического и политического либерализма» Ф. Фукуямы [71], США укрепили свою позицию единственной супердержавы, которая свое мировое превосходство проецирует практически во все сферы жизни от экономики вплоть до научных достижений. Тем не менее, та модель экономического развития, которая позволяет США быть мировым экономическим лидером, возможно, не является панацеей для всех других экономик мира и что более важно, она показала, что она тоже не идеальная и может давать сбои. В силу процессов глобализации и взаимного перерастания национальных экономик финансовый кризис должен был проверить все экономики мира на прочность. И хотя последствия финансового кризиса еще до конца не изучены, существующие модели экономик разных стран по-разному справлялись с последствиями этого пагубного процесса.

Будучи самой сильной экономикой в мире, США должны были создать

такую систему, которая бы это мировое превосходство страны поддерживала и укрепляла. По мнению американского политолога Збигнева Бжезинского, США свое глобальное превосходство усиливают с помощью сложной системы военных союзов и коалиций, подкрепленной технологическим превосходством Америки и ее военным присутствием в мире, созданием сети регионального и международного экономического сотрудничества, где главную роль выполняют региональные и всемирные финансовые институты, а также с помощью культурного превосходства [22]. Сегодня США тратят на военные расходы больше денег, чем какое-либо другое государство в мире. Как утверждается в докладе Стокгольмского международного института исследования проблем мира «SIPRI», расходы США на военные цели в 2014 году составили 610 миллиардов долларов или 34% от совокупных мировых военных расходов, причем расходы Вашингтона больше, чем расходы 10 стран следующих за США вместе взятых [157]. Даже несмотря на увеличение военных расходов Китая, по оснащенности и сложности оружия, а также средним расходам на одного солдата, китайская армия в существенной степени уступает развитым странам, включая США [208, с. 147]. Продолжая тему проецирования превосходства США в мире, начатую Зб. Бжезинским, другой американский политолог Джозеф С. Най в своей книге «Будущее власти» [56] отмечает, что в XXI веке позиция мирового лидера будет определяться не только и не столько наличием военной мощи. В новом веке очень большое значение приобретает так называемая “умная сила”, включающая в себя как твердую, так и мягкую силу.

Понимая свое отставание от США в военном плане, китайское руководство в последние десятилетия активно проводит политику “мягкой силы” или построения «гармоничного мира». Китай уделяет большое внимание привлечению иностранных студентов в китайские университеты, по всем миру открывает институты Конфуция для преподавания китайского языка и культуры, а также инвестирует огромные материальные ресурсы для

формирования позитивного образа страны за рубежом [56, с. 158]. Для усиления “мягкой силы” Поднебесной китайское правительство прибегает также к таким мерам, как участие в международных миротворческих операциях, активное участие в политике нераспространения, решение территориальных споров со своими соседями и т.п. [56] Тем не менее, как отмечает сам Джозеф С. Най, “мягкая сила” Китая значительно уступает мягкой силе США, так как многие ценности китайского мира не разделяются большинством других стран [56]. Все эти моменты, о которых говорит Зб. Бжезинский и Джозеф С. Най, прежде всего, “умная сила” и военное превосходство, имеют, безусловно, большое значение, однако без существования эффективной экономики, обеспечивающей стабильное социально-экономическое развитие страны, сами по себе эти факторы, можно предположить, не смогут гарантировать США статус единственной супердержавы. Таким образом, возникает необходимость в более тщательном изучении американской экономической модели развития.

После начала глобального финансового кризиса появилась многочисленная публикация на тему того, что вызвало мировой финансовый кризис и почему он начался в США. Тем не менее, несмотря на инициирование политики количественного смягчения при одновременном существенном увеличении госдолга, экономика США, по-прежнему, является сильнейшей в мире. В то же время оценки Всемирного банка о том, что ВВП Китая к 2020 году будет больше, чем у США, с учетом замедления темпов роста в Поднебесной, могут оказаться неверными и слишком опережающими реальными событиями. В данном контексте нужно отметить, что администрация Обамы начинает принимать некоторые меры по усилению своей экономической модели, в числе которых имеет место и возвращение некоторых видов производства и услуг на собственную территорию с целью понижения безработицы. Важное значение имеет и призыв американского президента увеличить расходы на НИОКР до 3% ВВП в сочетании с применением налоговых стимулов [33]. Поэтому для того, чтобы объективно оценить

эффективность модели экономического развития США на современном этапе, необходимо принять во внимание многие факторы и не списывать заранее эту модель как порочную. Китай со своим «экономическим чудом» прочно влился в мировую экономическую систему и бросил вызов США, однако у него много своих внутренних проблем и собственно, как декларирует официальный Пекин, его задачи на ближайшую перспективу не связаны с достижением мирового экономического лидерства. Это необходимо понимать при дальнейшем рассмотрении темы данной диссертации. КНР в настоящее время позиционирует себя как региональный «игрок», а не как глобальная супердержава. Глобальная супердержава в мире пока только одна – и это США.

Вслед за обвалом на финансовых рынках США в ходе кризиса появились лозунги и статьи о закате американской мечты и крахе американского доллара. Система дешевых займов и экономика с огромным весом потребительских кредитов, другими словами экономика, которая живет в долг, должна была потерпеть крушение, но этого не произошло и не происходит. Следовательно, для оценки того, является ли та или иная экономическая модель эффективной, необходимо использовать определенный набор инструментов, позволяющий объективно взглянуть на изучаемый объект анализа. Интересную точку зрения в контексте исследования американской модели экономики высказывает российский ученый Е. Ю. Медведева. По мнению Е.Ю. Медведевой, очень часто при рассмотрении экономической модели государства упускаются с виду такие важные особенности, как «соотношение частного и государственного сектора в экономике, доля ВВП, которая перераспределяется через бюджет, особенности трудовой этики населения, а также традиционные черты, присущие той или иной экономике» [54]. По мнению ученого, кризис американской экономической модели эксперты связывают с огромным внешним долгом, с дефицитом торгового и платежного баланса, что, однако, не является отличительной чертой той или иной экономики или не обязательно ведет к плохой кондиции экономики [54]. Е.Ю. Медведева приходит в своей

статье к выводу, что главными особенностями американской модели экономики являются – «особая роль предпринимательства, преобладание частного сектора в экономике, сравнительно малая доля государства в перераспределении ВВП, а также высокая трудовая этика населения, которое нацелено на успех при отсутствии в стране многих бюрократических и иных барьеров» [54].

В плане рассмотрения американской модели экономики интересную точку зрения высказывает российский ученый А. Порохоровский, отмечая, что одним из главных преимуществ американской модели экономики является высокий уровень производительности труда, который превышает тот же показатель в странах большой семерки, а также всех развитых стран. Кроме того, А. Порохоровский особенно подчеркивает такую важную экономическую категорию, как человеческий потенциал, который становится действительным конкурентным преимуществом развитых стран, включая США. Под человеческим потенциалом А. Порохоровский понимает уровень «образованности, квалификации и предприимчивости, а не численность населения» [60]. Одновременно он обращает внимание на то, что с точки зрения экологии, американская модель экономики наносит ощутимый удар по глобальной окружающей среде, являясь крупнейшим производителем парниковых газов в мире. Очень важным признаком американской модели экономики является «единство экономического рыночного пространства на всей территории страны» и наличие высокоразвитой инфраструктуры. С другой стороны, США часто для отстаивания своих интересов прибегают к неэкономическим методам, таким как «настойчивая защита национальных интересов». То же самое можно сказать об участии США в МВФ и Всемирном банке [60]. Так, например, В.Б. Супян выделяет две основные группы особенностей социально-экономической модели США – «традиционные и новые» [64]. К первой группе В.Б. Супян относит типичные для США черты экономики, о которых упоминала Е.Ю. Медведева, такие как «всемерная поддержка предпринимательской деятельности, небольшой уровень

перераспределения ВВП страны через госбюджет, малая доля госсектора в общем произведённом ВВП, а также высокая трудовая мораль американцев и общественная установка на успех» [64]. В.Б. Сूपян одновременно выделяет семь новых экономических трендов в американской модели экономики, к которым относятся, прежде всего, «увеличение научного потенциала экономики и расходов на НИОКР, создание масштабной ИТ инфраструктуры, рост доли сферы услуг в произведенном ВВП и развитие человеческого фактора, предпочтительное развитие мелкосерийного производства, понижение роли профсоюзов, укрепление позиции корпоративной собственности как наиболее эффективной формы собственности, а также усиление вектора финансирования социально-экономических проектов из бюджета США» [64]. Умелое сочетание рыночной экономики и ограниченного государственного вмешательства, по мнению В.Б. Сूपяна, помогли США выстроить весьма эффективную социально-экономическую модель в начале XXI века. В то же время нужно учитывать тот факт, что данная статья была опубликована в 2007 году, накануне кризиса, и в последствии «невидимому» государству пришлось активно вмешаться в экономическую жизнь страны. Кроме того, уже в начале XXI века в США активно обсуждались такие проблемы как «тройной дефицит» или огромный государственный долг, превышающий в 2014 году сумму 18,1 триллионов долларов США.

Одновременно с появлением нового взгляда на американскую модель экономики усиливается общественный дискурс на тему нового мирового экономического порядка. С 1989 года в мировой экономике все чаще стали говорить о преобладании «Вашингтонского консенсуса». Однако этот либеральный экономический порядок западного образца с доминированием рыночных структур не был принят в Пекине, что было продемонстрировано во время жестокого подавления студенческих волнений на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. КНР отказавшись от шоковой терапии нового либерального порядка, избрала путь гармоничного сочетания государственно-плановых и

рыночных механизмов регулирования экономики, которые и стали фундаментом так называемого «Пекинского консенсуса». Последний, по мнению специалистов, помимо прочего призывает правительства к протекционистским мерам для защиты своих экономических интересов. Джозеф С. Най, однако, отмечает, что Пекинский консенсус может быть одобрен лишь в авторитарных странах, но никак не в демократических государствах.

В то же время, по как отметил в 2011 году тогдашний председатель МВФ Доминик Стросс-Кан, «Вашингтонский консенсус» как система экономических взглядов и рецептов регулирования экономики потерпел крах во время всемирного финансового кризиса [17]. Таким образом, получается, что главные инициаторы «Вашингтонского консенсуса», убеждающие весь мир в необходимости его универсальности на протяжении двух десятилетий, сами признали ошибочность этой либеральной политики западного образца. Во время всемирного финансового кризиса практически все мировые державы приняли протекционистские меры и «Пекинский консенсус» перестал казаться какой-то теорией.

По мнению экспертов, американская экономика сегодня «остается в неопределенном состоянии». Американская администрация принимает меры по преодолению финансового кризиса. Эту политику начал еще Дж. Буш-младший, который после запуска политики снижения налогов инициировал в сентябре 2008 года «план Полсона», предусматривающий выдачу кредитов большим корпорациям. Его линию продолжил Б. Обама, во время президентского срока которого был принят закон об экстренной стабилизации. Д.А. Дегтерев считает, что США вместе с Евросоюзом «слишком опрометчиво провели деиндустриализацию и монополистом мирового производства постепенно становится Китай». Кроме того, центр промышленного производства переносится в КНР и другие азиатские страны. Одновременно следует отметить, что по объемам производства высокотехнологических разработок США все еще

занимает первое место в мире [182].

Если посмотреть на структуру экономики США (Рисунок 1.3), то мы увидим, что практически 77,7% ВВП страны приходится на сектор услуг, 20,7% ВВП производит промышленный сектор и 1,6% ВВП - сельскохозяйственное производство. Промышленный сектор сильно диверсифицирован и технологически очень развит [182]. Интересно, что сфера услуг в 2003 г. производила только 58% ВВП [60], но уже в 2010 году в секторе услуг в США работало 80% занятых.

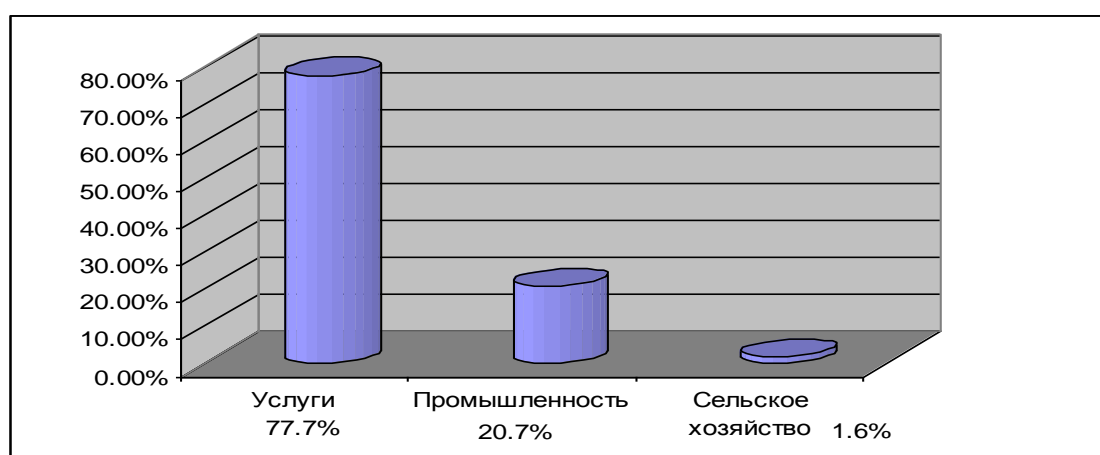

Рис. 1.3 - Структура ВВП США по секторам экономики в 2014г. (%)

Источник: Составлено автором по [182]

США с 1960 года играли роль донора глобальных сбережений. США остаются самым большим получателем инвестиций в мире, в том числе китайских инвестиций, причем ПИИ в 2014 году составили 3,6 триллионов долларов [88]. США также являются самым большим мировым инвестором: в 2014 году они инвестировали около 5,3 триллионов долларов за рубежом [88].

Существенной проблемой США является безработица, которая особенно возросла после начала финансового кризиса. В этой связи даже появились разговоры о том, что китайцы захватывают рабочие места американцев. Если в 2009 году доля безработицы выросла почти в два раза с 5,8% до 9,3%, то в 2010 году она еще поднялась до 9,6%. В 2011 и в 2012 годах доля безработицы

частично упала соответственно до 8,9% и 8%, в 2013 году она упала еще до уровня 7,4. Тем не менее, при наличии третьей самой большой трудовой силы в мире, которая составляет около 155 миллионов человек, безработица на уровне 7% означает, что государство вынуждено проводить социальную политику для 11 млн. населения. Особую роль в социальной политике Б. Обамы играет реформа системы здравоохранения, суть которой заключается в создании новой системы медицинского страхования [44]. Большим вызовом для американской экономики помимо высокой доли безработицы является и тенденция снижения среднего дохода домохозяйств за последнее десятилетие. Если в 1999 году средний доход домохозяйств составлял около 53,000 долларов, то в 2009 году он упал до 50,000 долларов [169]. В 2009 году был принят закон «ARRA», основной целью которого было немедленное сохранение и создание рабочих мест. Вторичной, но от этого не менее важной целью акта, являлось обеспечение временных программ помощи для тех, кто больше всего пострадал от рецессии, а также инвестирование в инфраструктуру, образование, здравоохранение, а также в программы возобновляемых источников. В период с 2009 по 2019 на эти программы должно быть выделено около 831 миллиардов долларов США. В принятом акте прослеживается Кейнсианская макроэкономическая теория, в соответствии с которой во время рецессии правительству следует компенсировать снижение частных расходов увеличением государственных расходов в целях экономии рабочих мест и остановить дальнейшее ухудшение экономической ситуации.

Принятые меры администрацией Обамы свидетельствуют об усилении роли государства в экономике и активном применении протекционистских мер. Кроме того, можно предположить, что политика Обамы, направленная на всестороннее использование зеленых технологий, борьбу с изменением климата, а также на активное и повсеместное внедрение трудового законодательства, направлена против Китая, который забирает у американцев рабочие места. Демпинг, субсидирование отечественных производителей, несоблюдение

трудовых прав рабочих и зачастую их грубейшие нарушения, занижение юаня и другие неэкономические меры делают китайские товары более конкурентоспособными на мировом рынке, что не может вызывать симпатий у США. Таким образом, можно предположить, что США будут и впредь поддерживать свое мировое лидерство, в том числе и экономическое (Таблица 1.1), путем активного отстаивания своих интересов в рамках международных экономических, торговых и финансовых организаций, а также путем усиления своего военного и финансового присутствия в АТР.

Таблица 1.1

Доля отдельных стран и групп стран в ВВП, в экспорте товаров и услуг и в населении мира (октябрь 2014 г.) (%)

	Число стран	ВВП		Экспорт товаров и услуг		Население	
		Развитые экономики	Мир	Развитые экономики	Мир	Развитые экономики	Мир
Развитые экономики	36	100.0	50.4	100.0	61.0	100.0	14.8
США		37.7	16.4	16.1	9.9	30.5	4.5
Страны зоны евро	18	28.2	12.3	40.4	24.8	32.0	4.7
Германия		7.9	3.4	12.0	7.4	7.8	1.2
Франция		5.7	2.5	5.7	3.5	6.1	0.9
Италия		4.6	2.0	4.5	2.7	5.8	0.8
Япония		10.5	4.6	5.9	3.6	12.3	1.8
Великобритания		5.2	2.3	5.6	3.4	6.2	0.9
		Развив. ст. *	Мир	Развив. ст. *	Мир	Развив. ст. *	Мир
Страны развивающиеся и со становящимся рынком:	153	100.0	56.4	100	38.8	100.0	85.3
Китай		28.1	15.8	26.4	10.2	22.7	19.4
Индия		11.8	6.6	5.3	2.0	20.8	17.7
Бразилия		5.2	3.0	3.1	1.3	3.4	2.9
Мексика		3.6	2.0	4.5	1.7	2.0	1.7
Россия		6.1	3.4	6.6	2.6	2.4	2.0

Источник: Составлено автором по [197]

Кроме того, помимо сдерживания, США будут стараться превратить Китай от получателя внешней помощи к активному ответственному участнику мирохозяйственных связей. Американцы также выступают за расширение действующих международных торговых соглашений за счет включения в них

более жестких критериев в отношении трудового законодательства и защиты окружающей среды. В рамках ВТО американцы будут выступать за больше инициатив в деле сдерживания «несправедливых» торговых действий главных торговых партнеров, прежде всего КНР. Вместе с тем следует отметить, что китайско-американские экономические отношения отличаются сложной системой взаимозависимости, которая непосредственным образом обуславливает как будущее развитие обеих экономик, так и принятие той или страной важных решений в двустороннем взаимодействии. Хотя в последнее время в Китае наблюдаются такие объективные закономерности экономического цикла, как падение экономического роста или увеличение средних доходов населения, что способствовало удорожанию рабочей силы, именно дешевизна рабочей силы КНР и наличие СЭЗ играли важное значение в деле переноса на территорию КНР производства большинства ТНК из США. В результате этого процесса, а также в силу удешевления всей производственной цепочки, США превратилась в крупнейший экспортный рынок для КНР. Вместе с тем рынок Китая способен поглотить огромные энергетические, с/х и промышленные ресурсы, и поэтому неудивительно, что КНР является третьим крупнейшим экспортным рынком для США (Таблица 1.2).

Таблица 1.2

Взаимозависимость экономик США и КНР

<p>Китай – это:</p> <ul style="list-style-type: none"> - второй самый большой торговый партнер США - самый большой источник импортной продукции США - третий самый большой рынок сбыта для США - первый/второй самый большой собственник долговых облигаций США 	<p>США - это:</p> <ul style="list-style-type: none"> - самый большой торговый партнер Китая - самый большой экспортный рынок для Китая - четвертый самый большой источник импорта для Китая - один из крупнейших инвесторов в китайскую экономику
--	--

Источник: Составлено автором по [173]

Не менее важным фактором для сближения двух стран после установления дипломатических отношений и начала осуществления политики реформ и открытости в КНР стала готовность США передать своему партнеру необходимые технологии и управленческий опыт, которые существенно помогли КНР на определенном этапе своего развития. Важнейшее значение для усиления взаимозависимости двух стран играет и ситуация вокруг американских долговых облигаций, крупнейшим владельцем которых является как раз КНР. В целом можно отметить, что КНР часть своих огромных золотовалютных резервов тратит на покупку американских долговых бумаг, что помогает США поддерживать в стране низкие процентные ставки и предупреждает риск повышения инфляции в КНР вследствие выброса этих денег на рынок. Более подробно об этой проблеме говорится в разделе 2.3 настоящей диссертации. Как КНР так и США в большой степени влияют на мирохозяйственные процессы по крайней мере в силу объема своих экономик и это непосредственным образом должно сказаться и на развитии взаимных торгово-экономических отношений.

Анализ экономических моделей США и КНР на современном этапе наглядно демонстрирует существенные отличия и особенности экономического развития двух стран. Однако, в условиях роста взаимозависимости стран в рамках мировой торговли и глобальных финансовых и инвестиционных потоков, КНР и США, несмотря на различия своих экономических моделей, все больше нуждаются друг в друге как в надежном торговом и инвестиционном партнере. Всемирный финансовый кризис и продолжающаяся рецессия стала определенным толчком для реформирования экономической модели в КНР, а также для большего вмешательства государства в рыночную экономику в США. Несмотря на это, выявлено, что КНР и США продолжают оставаться важнейшими торгово-экономическими партнерами, о чем свидетельствует множество факторов взаимозависимости двух экономик и непрерывный рост их взаимного товарооборота.

Глава 2. Особенности развития торгово-экономических связей и инвестиционного сотрудничества

2.1 Торгово-экономическое сотрудничество Китая и США: структура и динамика

В силу определенных изменений в динамике мировой торговли и других частных процессов, происходящих в отдельных странах, в последние годы мы являемся свидетелями спада американской экономики и наоборот подъема экономики КНР, не учитывая конечно падение роста ВВП Китая в 2013-2015 годах. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что борьба за достижение мирового экономического лидерства будет на многие годы вперед подпитывать здоровую конкуренцию этих двух стран.

Если говорить о китайско-американских торгово-экономических отношениях, то они на протяжении последнего десятилетия отличались положительной динамикой, включая уверенный рост взаимного товарооборота и укрепление экономического сотрудничества во многих областях. Особенно следует отметить невероятные темпы роста взаимного товарооборота. Если в кризисном 2008 году взаимный товарооборот КНР и США составлял 409 млрд. долларов США [184], и в 2010 году 457 миллиардов долларов США, то в 2014 году объем товарооборота двух стран превысил уже 592 миллиардов долларов США (Рисунок 2.1), что свидетельствует о беспрецедентном улучшении атмосферы в торгово-экономических отношениях двух стран. При анализе китайско-американских отношений приходится считаться с особенностями ведения статистики государственных статистических органов США и КНР. Они применяют разные методологии расчета объема товарооборота, поэтому данные в этих статистиках значительно отличаются друг от друга [107]. Кроме того, в связи с тем, что многие товары из Китая реэкспортируются через территорию Гонконга, то они не учитываются в балансе китайской таможни.

Американцы, наоборот, применяют методологию расчета на основе страны происхождения товара, поэтому их данные, как правило, превышают данные китайской статистики. Более подробно этот вопрос будет освещен ниже.

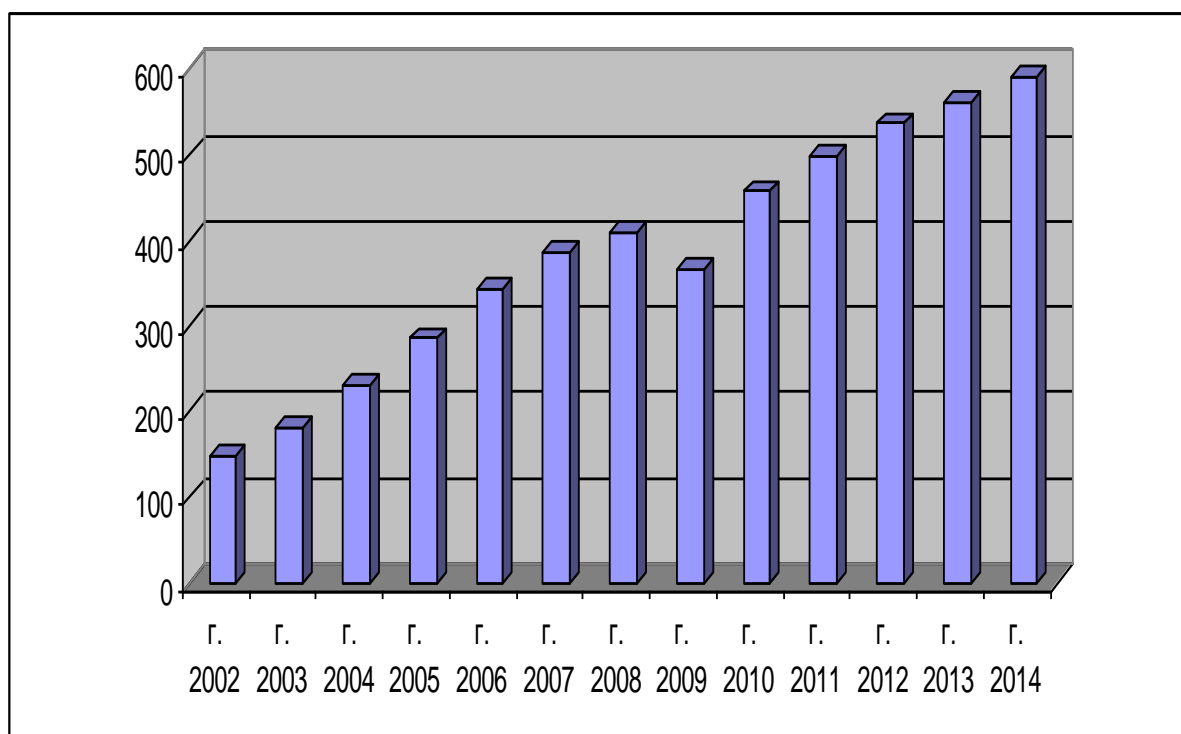

Рис. 2.1 - Объем товарооборота между КНР и США с 2002 по 2014 гг. (в млрд. долл. США)

Источник: Составлено автором на основе данных [184]

Перед тем как рассмотреть структуру товарооборота между США и КНР, следует отметить несколько важных моментов. США сегодня являются крупнейшим экспортным рынком для Китая, в то время как в импорте Китая Соединенные Штаты Америки занимают лишь 5-ое место, уступая по объему ЕС, Южной Кореи, Японии и Тайваню. В процентном выражении доля американских товаров составляет всего 7% от всех товаров, поставляемых в “Поднебесную”. Китай является вторым самым большим торговым партнером США после Канады, а также самым большим кредитором США.

При этом в торговле двух стран продолжает сохраняться значительный дисбаланс в пользу Китая. Это, однако, не мешает развитию двусторонних торгово-экономических отношений, которые отличаются высокой степенью

взаимозависимости. Китай производит огромное количество трудоемкой продукции, необходимой для удовлетворения большого американского спроса, создавая тем самым хорошие условия для реструктуризации американской экономики. Одновременно американский рынок является самым важным рынком для сбыта китайских товаров. Этот рынок дает стабильный спрос на китайские товары, а также позволяет КНР наращивать свои золотовалютные резервы. Помимо этого, США, а также и Европа, являются важнейшим источником современных технологий, в которых КНР нуждается для своего развития.

В 2014 году торговый дефицит США с КНР достиг уровня 342 млрд. долларов США [184]. При этом дефицит США в двусторонней торговле с КНР на протяжении нескольких лет остается значительно выше, чем дефицит в торговле США с какой-либо другой страной или группой стран. В то же время, если посмотреть на рынок услуг, то США имеет положительное сальдо в торговле с КНР [167]. По объему экспорта товаров США в другие страны Китай занимает третье место после Канады и Мексики, причем объем экспорта американских товаров в Китай вырос по сравнению с 2013 годом на 2% и достиг суммы 124 миллиардов долларов США. (Таблица 2.1) Экспорт США в Китай в 2014 году рос большими темпами, чем экспорт США в какую-либо другую страну. Нужно отметить, что в период с 2004 года по 2014 год экспорт США в Китай вырос почти на 357%, что больше, чем рост экспорта США в другие страны, включая самых больших торговых партнеров американцев по НАФТА - Канаду и Мексику. Одновременно среднегодовой рост экспорта США в КНР превышает аналогичный параметр экспорта КНР в США на протяжении последних восьми лет [204]. Тенденция роста экспорта американских товаров на китайский рынок, по мнению специалистов, продолжится и в будущем. Как отмечается в докладе Китайско-американского совета по делам торговли, Китай продолжает оставаться важным стимулятором экономического роста США [174].

Таблица 2.1

Двусторонняя торговля между США и КНР. 2000-2014гг. (в млрд. долл. США)

Год	Экспорт из США	Импорт в США	Торговый баланс США
2000	16.3	100.1	-83.5
2001	19.2	102.3	-83.1
2002	22.1	125.2	-103.1
2003	28.4	152.4	-124
2004	34.7	196.7	-162
2005	41.8	243.5	-201.7
2006	55.2	287.8	-232.6
2007	65.2	321.5	-256.3
2008	71.5	337.8	-266,3
2009	69.6	296.4	-226.8
2010	91.9	364.9	-273.0
2011	103.9	393.3	-289.4
2012	110.6	425.6	-315.0
2013	121.7	440.4	-318.7
2014	124.0	466.7	-342.7

Источник: Составлено автором по [184]

В структуре американского экспорта на китайский рынок самой важной товарной позицией продолжают оставаться соевые бобы и зерновые, на которые приходится около 13,4 % от всего экспорта США в Китай. Соевые бобы используются для производства соевого масла, а также для вскармливания животных. Повышенный спрос Китая на соевые бобы и другие зерновые связан с увеличением спроса на мясо в стране [138]. Другой важнейшей товарной позицией в американском экспорте в КНР являются гражданские самолеты, двигатели и запчасти к самолетам. Эта товарная позиция по статистическим данным на 2014 год составляет 11,2% от всего экспорта США в Китай и в денежном выражении равна 12,6 млрд. долларов США. Следующей крупнейшей товарной позицией являются автомобили, экспорт которых в КНР 2013 году вырос по сравнению с 2012 годом почти на 50%, и в 2014 году рост составил около 30%. Любопытно, что компания «Дженерал Моторз» (General Motors - GM) продала на протяжении трех последних лет год больше легковых машин и грузовиков в Китае, чем в США

[136, с. 8]. К другим важным товарным позициям в структуре экспорта США в Китай относятся электронные интегральные схемы, лом и отходы металлов, интегральные компоненты и полупроводники, навигационное, измерительное и другое оборудование (Таблица 2.2).

Таблица 2.2

Основные товарные позиции экспорта США в КНР в 2014 году. (млрд. долл. США)

№	Товарная позиция	2013 год	2014	2014-2013 изменение (%)
1	Соевые бобы и зерновые	15,7	16,9	5,6%
2	Гражданские самолеты, двигатели, их части	12,6	13,9	10,6%
3	Автомобили	8,6	11,2	29,5%
4	Отходы и лом	8,7	7,1	-19%
5	Полупроводники и другие электронные компоненты	5,7	6,5	13,2%
6	Навигационное, измерительное, электро-медицинское оборудование	5,7	5,4	-5,2%
7	Основная химическая продукция	5,1	4,5	-12,2%
8	Резина, синтетический каучук, синтетическое волокно	4,2	4,3	1,4%
9	Другое оборудование общего назначения	3,2	3,4	6,9%
10	Мясные продукты	2,8	2,4	-14,6%

Источник: Составлено автором по [184]

На динамику экспорта США в Китай в 2013 году и в 2014 году большое влияние оказали результаты первого визита председателя КНР Ху Цзиньтао в 21 веке в США в 2012 году, во время которого обе страны подписали около 70 контрактов на сумму 45 миллиардов долларов США, что свидетельствует о большой взаимной заинтересованности в развитии сотрудничества [31]. В соответствии с договоренностями, достигнутыми во время этого визита, США должны были поставить Китаю 200 гражданских самолетов Боинг на сумму 19 млрд. долларов США. В 2012 году Боинг продал китайским компаниям 80 гражданских самолетов, а в 2013 году уже 120. На этом Боинг не будет останавливаться и планирует в дальнейшем расширять свое присутствие в Китае [81]. Кроме того, во время упоминаемого визита с Китаем подписали соглашения такие американские гиганты как “Ю-ПИ-ЭС, Навистар, Вестингауз,

Дженерал Электрик, Алкоа, Ханивел” и другие. Эти сделки должны привести к созданию около 235, 000 рабочих мест в США.

Следует отметить, что с точки зрения больших товарных групп товары с большей добавленной стоимостью, такие как легковые автомобили или самолеты, уже в 2013 году заменили на первом месте по объему поставляемых американских товаров в КНР с/х продукцию. Что касается американских легковых автомобилей, то в 2013 году прирост продаж на китайском рынке составил 49%, что связано, скорее всего, с увеличением внутреннего спроса и ростом среднего дохода китайцев. В то же время, несмотря на сниженные темпы роста экономики КНР в 2013-2014 гг., важную роль в экспорте США в Китай продолжает сохранять вторичное сырье, такое как лом меди или алюминия. Вторичное сырье, а также энергоресурсы важны для постоянно увеличивающихся потребностей китайской промышленности, с чем связан рост экспорта США в эту страну (Таблица 2.3).

Таблица 2.3

Объем экспорта США в разные страны, 2004-2014 гг. (в млрд. долл. США)

Страна	Экспорт в 2004 г.	Экспорт в 2014 г.	% Изменение 2004-2014
1. Канада	188	312	166%
2. Мексика	111	240	216%
3. Китай	35	124	356%
4. Япония	54	67	124%
5. Великобритания	36	54	150%
6. Германия	31	49	158%
7. Южная Корея	26	45	173%
8. Нидерланды	24	44	183%
9. Бразилия	14	42	300%
10. Гонконг	16	41	256%

Источник: Составлено на основе [184]

Также следует отметить экспорт США в Китай сельскохозяйственной продукции, объем которой достиг в 2014 году почти 24,5 млрд. долларов США, что примерно равно 18% всего экспорта сельско-хозяйственных товаров США [137]. Таким образом, Китай является вторым крупнейшим потребителем

американской с/х продукции, включая, прежде всего, соевые бобы, кукурузу и зерновые. Большинство мяса курицы Китай также поставляет из США. На фоне постепенного увеличения поставок данного вида продукции в КНР, Пекин все еще применяет различные меры нетарифного регулирования импорта, которые сдерживают доступ иностранных сельско-хозяйственных товаров, в том числе американских, на свой рынок. В 2013 году продолжал действовать запрет на импорт некоторых видов мяса из США в связи с обнаружением в нем возбудителей губчатой энцефалопатии и некоторых запрещённых стимуляторов роста [167].

Важно отметить, что для Китая помимо сельско-хозяйственных культур очень важны, прежде всего, современные технологии из США. Помимо компьютеров, плат и схем, к ним следует отнести двигатели, самолеты, ядерные реакторы, космическую технику. Очень важны технологии и «ноу хау» для добычи сланцевого газа, которых у китайцев на данный момент не хватает, несмотря на смелые намерения Пекина увеличить добычу сланцевого газа к 2020 году в 150 раз [218].

Весьма перспективной для американских компаний и в последнее время активно развивающейся областью китайской экономики является сфера услуг и телекоммуникаций. Сегодня Китай производит самое большое количество телефонов в мире, однако США недовольны политикой китайского руководства по ограничению допуска в свою программу госзакупок американских компаний. Как отмечается в докладе “Управления торгового представителя США”, к ноябрю 2013 года в Китае получило лицензии 29,000 домашних поставщиков телекоммуникационных услуг, но только 41 зарубежных поставщиков таких услуг [167]. Следует сказать, что США являются только пятым самым большим экспортером товаров в КНР. Таким образом, США еще могут нарастить свое присутствие на китайском рынке путем принятия определенных мер. Они касаются, прежде всего, активизации работы с экспортно-импортным банком

США, с Управлением торгового представителя США, с внешней коммерческой службой, а также с государственными и местными компаниями [174].

В 2014 году Китай оставался крупнейшим экспортером товаров в США. Объем китайских товаров, поставленных в США, составил 467 млрд. долларов, что на 6,6% больше, чем в 2013 году [174]. Доля китайского экспорта в общем импорте США выросла с 8,2% в 2000 году до 20,7% в 2014 году, продолжая сохранять при этом первое место среди остальных стран с 2007 года. В структуре китайского экспорта в США преобладают такие товары как компьютеры, запчасти к компьютерам, мобильные телефоны, телекоммуникационное оборудование, прочие промышленные товары как игрушки, видеоигры и обувь. (Таблица 2.4)

Таблица 2.4

Основные товарные позиции в импорте США из КНР в 1997, 2003, 2010, 2013 и 2014 гг. (в миллиардах долларов США)

Товарная позиция*	1997	2003	2010	2013	2014
Компьютерное оборудование	3,356	18,653	59,762	68,120	67,001
Телекоммуникационное оборудование	1,551	5,863	33,462	58,837	64,154
Прочие промышленные товары	11,794	21,776	34,169	32,433	33,531
Одежда	6,369	9,017	26,602	27,411	27,140
Полупроводники и другие электронные компоненты	2,604	7,438	18,262	19,362	22,439
Обувь	7,295	10,415	15,672	16,678	16,884
Аудио и видео оборудование	3,500	9,873	19,509	13,827	14,648
Бытовая и офисная мебель	1,229	6,826	11,123	13,228	14,009
Бытовая техника и пр. машины	1,788	5,201	9,088	11,674	12,211
Запчасти для легк. автомобилей	316	1,691	6,966	10,453	12,138

Источник: Составлено автором на основе данных [184] (NAIC) System on a 4-digit level.

На протяжении 80-х и 90-х годов прошлого века практически вся китайская продукция, поставляемая в США, являлась трудоемкой продукцией с низкой добавленной стоимостью. К ней можно отнести, например, игрушки, видео игры, электрооборудование, обувь, текстильную продукцию и одежду (Рисунок 2.2). Тем не менее, на протяжении последних несколько лет в экспорте Китая на американский рынок растет доля технологически более сложной продукции. Так, например в 2013 году США поставили из Китая товары, произведенные с помощью продвинутых технологий (*advanced technology*), на сумму почти 157 млрд. долларов США, что равно примерно одной трети всех товаров, импортированных из Китая в США [136, с. 9]. Одновременно с увеличением доли товаров с большей добавленной стоимостью, наблюдается расширение процесса транс-национализации производства [69]. В рамках этого процесса американские компании и ТНК переносили свои производственные мощности в Китай с целью сокращения себестоимости производства, что и отразилось на изменении структуры экспорта Китая в КНР.

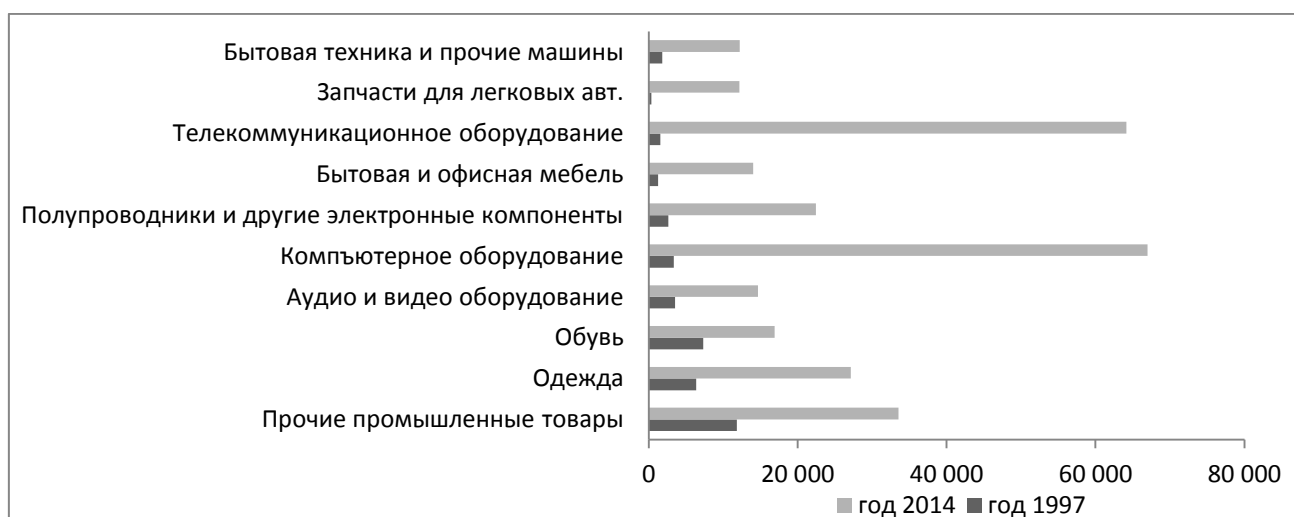

Рис. 2.2 - Товарная структура импорта США из КНР в 1997-2014 гг.

Источник: Составлено автором на основе данных [171;184]

Китайская статистика отличается от американской классификации товаров NAIC (North American Industry Classification), примененной при расчете предыдущего графика, так как похожие товары в ней объединены в большие

товарные группы. Более подробную информацию относительно товарных позиций китайской статистики, поставляемых из Китая в США, можно посмотреть в таблице 2.5, составленной с использованием данных китайской таможни. Таблица составлена на основе суммарного экспорта за период с января по декабрь 2014 года и в ней перечислены наибольшие по объему товарные группы, поставленные из КНР в США.

Таблица 2.5

Экспорт китайских товаров в США (2014 год в долл. США)

№	Наименование	Объем в тыс. долл. США
1	Электрические машины и электрооборудование, аудиовизуальное оборудование, их части и принадлежности	92, 049, 479
2	Ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства, их части	90, 795, 516
3	Текстильное сырье и текстильная продукция	41, 878, 999
4	Разнообразная продукция - мебель, постели, осветительные приборы, игрушки, видеоигры, спортивные принадлежности, их части	39, 706, 270
5	Неблагородный (основной) металл	22, 170, 711
6	Пластик и изделия из него, резина и изделия из нее	17, 933, 045
7	Обувь, шапки, зонтики, шерстяные изделия, искусственные цветы	17, 369, 098
8	Трикотажная и вязаная одежда и аксессуары	16, 232, 068
9	Не трикотажная и не вязаная одежда и аксессуары	14, 292, 080

Источник: Составлено автором на основе данных [40]

По данным китайской таможни, экспорт КНР в США в 2014 году составил 396 млрд. долларов США, и импорт из США в Поднебесную 159 млрд. долларов США. Таким образом, общий товарооборот двух стран за 2014 год составил 555 млрд. долларов США. Эта сумма отличается практически на 40 миллиардов от данных, представленных в статистике американских организаций. Как уже отмечалось выше, многие товары из Китая реэкспортируются через Гонконг, поэтому часть из этих товаров с конечной точкой доставкой в США, не учитывается в китайской статистике (Рисунок 2.3).

В статистике государственной таможни КНР также отмечается, что за 2014 год экспорт Китая больше всего вырос в отношениях с Латинской Америкой. При этом импорт американских товаров в Китай вырос по сравнению с 2012 годом почти на 6,5% [40].

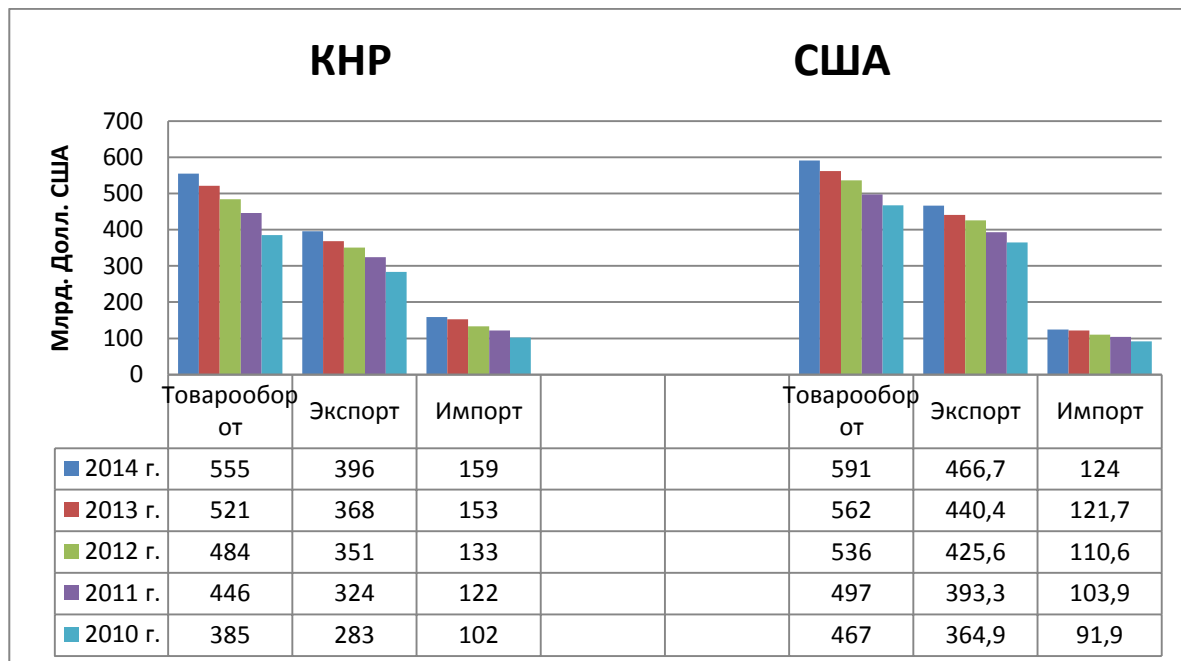

Рис. 2.3 - Отличия статистических данных КНР и США на примере экспорта и импорта КНР в США и общего товарооборота, 2010-2014 гг. (в млрд. долл. США)

Источник: Составлено автором на основе данных [40;184]

В структуре будущего товарооборота двух стран имеет большое значение мера готовности американских властей поставлять Китаю высокотехнологичные товары и продукцию «двойного назначения». Китай сегодня делает большой упор именно на приобретение высоких технологий, которые позволят ему достичь намеченных целей в рамках пятилетних программ и долгосрочной цели достижения общества «среднего достатка». В целом, торгово-экономические отношения двух стран продолжают оставаться весьма несбалансированными. Важными характерными чертами современных китайско-американских торгово-экономических отношений также являются: реэкспортный характер торговли, преобладание трудоемкой и переработанной продукции в экспорте Китая и капиталоемкой продукции в экспорте США,

значительная несбалансированность и в то же время динамичность взаимной торговли, взаимозависимость и взаимная дополняемость торгово-экономических связей.

Таким образом, было установлено, что стремительное и беспрецедентное увеличение товарооборота между КНР и США не приводит к изменению несбалансированного характера двусторонних экономических отношений. Связь и взаимозависимость американского потребительского и китайского инвестиционного рынков усиливаются. Кроме того, стремительными темпами растет и экспорт продукции американских компаний на китайский рынок, прежде всего в области автомобилестроения и производства самолетов. Тенденция беспрецедентного роста продаж американских крупнейших ТНК на рынке КНР связана с объективными процессами увеличения покупательной способности жителей Китая и роста потребительского спроса на фоне многолетних высоких темпов экономического роста, а также в результате политики Пекина по увеличению внутреннего потребления.

2.2 Противоречия в китайско-американских экономических отношениях

Экономические реформы в Китае и беспрецедентные темпы экономического роста, а также неизбежные процессы глобализации, способствовали значительному усилению взаимодействия между экономиками КНР и США. Несмотря на внушительный рост взаимного товарооборота и увеличение притока ПИИ между Китаем и США, в китайско-американских экономических отношениях сохраняется множество противоречий, которые вызваны самыми разными причинами. Целью этого раздела является анализ этой проблемы с помощью методов описательной статистики и обобщения новых тенденций и сдвигов в развитии двусторонних отношений. Это позволит разоблачить имеющиеся стереотипные установки при рассмотрении этих отношений.

2.2.1 Манипуляция с курсом китайской валюты

Одной из стереотипных установок или “традиционных” противоречий в отношениях Китая и США является утверждение о том, что валютная политика правительства Китая приводит к значительным дисбалансам и росту отрицательного сальдо в торговле США с КНР. Американцы обвиняют Китай в сознательном занижении курса юаня и манипулировании рынком с тем, чтобы обеспечить рост своего экспорта. Учитывая это обстоятельство, многие американские политики призывают Пекин к ревальвации юаня и к отказу от демпинга. Проблема манипулирования китайской валютой с целью получения определённых конкурентных преимуществ в китайско-американских отношениях обсуждается во многих работах американских исследователей. Так, по мнению Э. Пикардо, валютная политика КНР является ключевым фактором для увеличения экспорта своих товаров [145]. Как утверждает другой американский специалист Н. Ларди, китайская валюта является постоянно недооценённой [125]. Однако, как отмечает американский экономист Дэйвид Хэйл, «ревальвация курса юаня никак не повлияет на торговый дисбаланс США с Китаем» [106]. По его мнению, за торговым дисбалансом кроется нечто большее, чем валютный курс или двусторонняя торговля США и КНР.

Как отмечено в таблице 2.6, на протяжении последних трех-четырёх лет у КНР сложилось отрицательное сальдо в торговле практически со всеми крупными торговыми игроками Восточной и Юго-Восточной Азии, за исключением, конечно, Гонконга и Филиппин. Дело в том, что Китай сегодня является местом конечной сборки продукции, но составные компоненты и сырьё импортируется из других азиатских стран. Такая «производственная цепочка» приводит к тому, что у Китая имеется отрицательное сальдо в торговле с остальной Азией, а положительное сальдо с США.

Таблица 2.6

Двусторонняя торговля КНР со странами Восточной и Юго-Восточной Азии 2011-2013 гг. (в миллионах долларов США)

Страна	2011			2012			2013		
	Экспорт	Импорт	Сальдо	Экспорт	Импорт	Сальдо	Экспорт	Импорт	Сальдо
Малайзия	2788598	6213671	-3425073	3652528	5830677	-2178149	4593059	6015279	-1422220
Филиппины	1425538	1799166	-373628	1673133	1964413	-291280	1986813	1818181	168632
Южная Корея	8292006	16270629	-7978623	8767768	16873762	-8105994	9116495	18307276	-9190781
Тайвань	3510894	12490866	-8979972	3677743	13220364	-12852621	4063405	15640491	-11577086
Япония	14827049	19456352	-4629303	15162183	17783395	-2621212	15013245	16224540	-1211295
Гонконг	26798308	1549243	25249065	32343062	1788037	30555025	38449489	1620658	36828831

Источник: Составлено автором по: [171]

Все это, по мнению Дэвида Хэйла, является последствием процесса интеграции мирового производства, а никак не результатом действий китайского Центробанка [106]. В докладе Китайско-американского совета по делам торговли под названием «Китайская и американская экономика: расширение положительной торговой повестки дня» отмечается, что влияние курса юаня на корреляцию дефицита США в торговле с КНР минимально. Увеличение торгового дефицита с Китаем связано, прежде всего, с происходящим в последние два десятилетия перемещением производства товаров, которые когда-то производились в Японии, Южной Корее, в Сингапуре или в других азиатских странах, на территорию КНР.

КНР сегодня является крупнейшим импортером промежуточных товаров (по англ. intermediary goods) не только в региональном измерении Восточной Азии, но и во всем мире. В то же время доля экспорта КНР этой категории товаров в региональном измерении упала по сравнению с 1995 годом с 70% до 51%, что свидетельствует о большей интегрированности КНР на мировом рынке. Таким образом, у Китая растет профицит в торговле с США (Рисунок 2.4)., и в то же время торговый дефицит США в торговле с восточными азиатскими странами снизился [91].

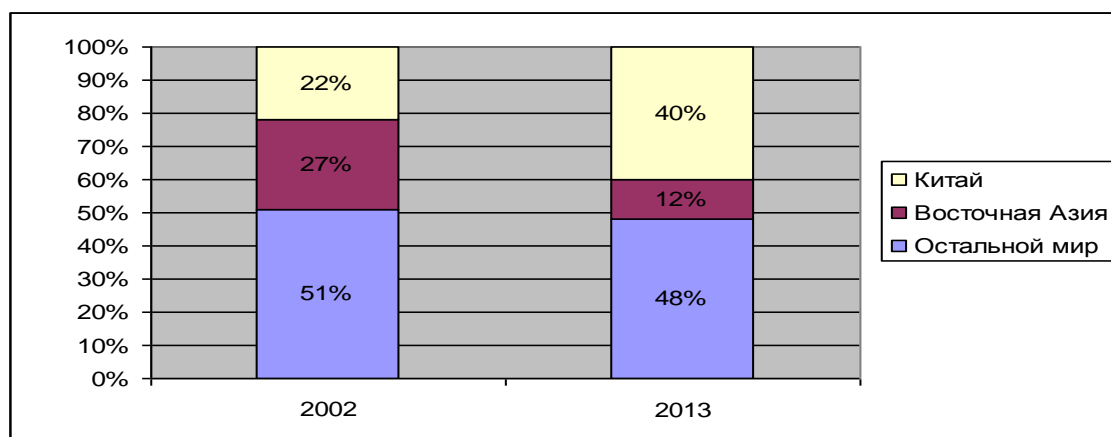

Рис. 2.4 - Процентное соотношение дефицита США с разными регионами мира (Китай, Восточная Азия и остальной мир) в 2002 и 2013 гг.
(в %)

Источник: Составлено автором по [184]

Подобную схему смещения производственных мощностей из азиатских стран в континентальный Китай можно продемонстрировать на примере производства компьютеров, которые являются самой большой отдельной товарной позицией в импорте США из КНР. Несмотря на тот факт, что Китай является крупнейшим поставщиком компьютерного оборудования в США, почти 99% всех экспортированных компьютеров из Китая было произведено иностранными компаниями, работающими на китайском рынке [185]. Другим интересным примером является сборка продукции фирмы «Эппл» в Китае, при которой добавленная стоимость китайской сборки не превышает 3% от конечной стоимости товара, но при этом конечная стоимость товара отражена в статистике импортированных товаров в США [136, с. 12]. Как отмечает главный экономист Азиатского банка развития Шан Цзиньвэй, при производстве одного мобильного телефона «Айфон» от компании «Эппл» (Apple Iphone) добавленная стоимость, созданная китайскими рабочими, равна 6 долларам США, однако в статистике экспорта государственной таможни КНР отражена полная стоимость телефона (358 долларов США) [211]. Данные статистики сложно интерпретировать, поскольку они показывают, откуда был тот или другой товар поставлен, но они не отражают, кто получает реальную

выгоду от торговли с этим товаром. В статистике не указано, что составные компоненты, сырье и технология, необходимые для производства данного товара, имеют большую добавленную стоимость, и они были поставлены в Китай из других стран.

Как утверждает Дэйвид Хэйл, растущее положительное сальдо Китая на самом деле создало многие выгоды для мировой экономики и для американских корпораций и потребителей их продукции в частности. Особенно это отразилось на повышении прибыли таких американских компаний как «Волмарт» и «Холмарк», которые перенесли производство в Китай с тем, чтобы уменьшить себестоимость своего производства, предложив тем самым более низкие цены покупателям и высокие доходы акционерам. Любопытным является и тот факт, что почти 27% китайского экспорта приходится на продукцию, произведенную фирмами, принадлежащим американским корпорациям [106]. В подобном духе высказывается и другой американский экономист Хьюз Нил. По его мнению, курс юаня никак не связан с торговым дефицитом США. Проблема в том, что «от ревальвации юаня хотят выиграть, прежде всего, иностранные валютные спекулянты». В работе российского ученого П. Аксенова отмечается, что ревальвация юаня китайским ЦБ имеет многоаспектное воздействие на американскую экономику, как краткосрочное негативные, так и долгосрочное положительное воздействие [13]. Тем не менее, это не является доказательством того, что заниженный курс юаня способствует увеличению торгового дефицита в отношениях Китая и США. В работе российского ученого А. Поливача отмечается, что не существует прямой взаимозависимости между изменением курса юаня и объемами китайского экспорта или импорта в США [59]. Как доказывает А. Поливач, экспортные поставки из Китая в США росли большими темпами и в годы жесткой привязки китайской валюты к доллару (1994-2005), и в период ревальвации юаня [59, с. 22]. С учетом заключений А. Поливача и данными частной исследовательской «группы Родий» (Rhodium Group) автор диссертационного исследования

попытался построить график (Рисунок 2.5) и посмотреть на рост дисбалансов в китайско-американской торговле в период до и после принятия решения по укреплению китайской валюты.

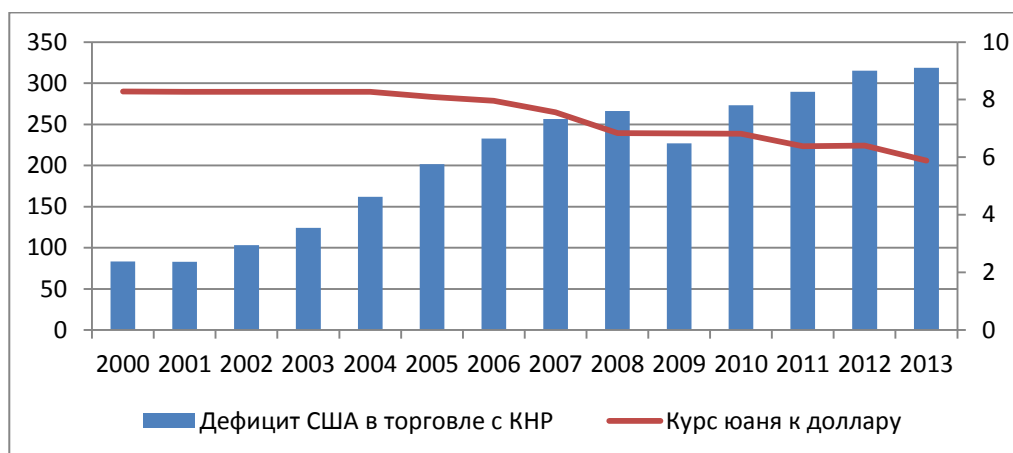

Рис. 2.5 - Динамика роста/падения дефицита США в торговле с США и динамика изменения курса юаня по отношению к доллару.

Источник: Составлено автором на основе данных [144;172]

На рисунке 2.5 можно наблюдать интересную динамику. Во-первых, нужно обратить внимание на значительный прирост дефицита США в торговле с КНР в период с 2000-го по 2008-й год. Этот период, в частности с 2000-го по 2005-ый год, характеризуется средним приростом дефицита США в 25% и жесткой привязкой китайского юаня к доллару (1 доллар США равен 8,2 юаня).⁴ Фиксированный курс юаня был, скорее всего, существенно занижен, что позволило Китаю значительно нарастить свое положительное торговое сальдо с США. В результате валютной реформы в 2005 курсообразование китайской валюты стало более свободным и Китай перешел от фиксированного курса к плавающему регулируемому курсу национальной денежной единицы. В период с 2005 по 2008 год по данным китайской статистики китайская валюта укрепилась на 2,1%, и к августу 2008 года достигла отметки 6,83 юаней к доллару. Мы обнаружили, что на фоне 20% укрепления китайской валюты по отношению к доллару среднегодовой рост дефицита в торговле двух стран

⁴ Китайский юань был привязан к доллару с 1994 г. по 2005 г. на уровне 8,28 юаня за доллар США. В июле 2005 года юань был привязан к основной корзине валют и укрепился на 2,1%. На протяжении трех последующих лет юань укрепился на 21% и ревальвация остановилась только с началом всемирного финансового кризиса.

снизился, однако это можно объяснить предыдущим уже значительным ростом дефицита (24% в 2003 г. и 30% в 2004 г.).

Как это видно на рисунке 2.5, в двусторонней торговле КНР и США в 2009 году произошло заметное снижение дефицита США. Этот период, однако, нельзя рассматривать как определяющий и надежный с точки зрения выявления определенных зависимостей. В ходе кризиса многие китайские предприятия, ориентированные на экспорт, разорилось, большинство стран мира приняло меры по защите своего внутреннего рынка. Это привело к общему падению темпов мировой торговли, а также к снижению резкого дефицита США в торговле с КНР. Тем не менее, нет оснований утверждать, что резкое снижение американского дефицита в это время было вызвано укреплением юаня, поскольку с половины 2008-го года и практически до лета 2010 года курс юаня был относительно стабилен (Таблица 2.7). Он находился на уровне примерно 6,82 юаней по отношению к доллару (6,83 юаней к доллару в августе 2008 года, 6,83 в мае 2009 года и 6,81 в августе 2010 года).

Таблица 2.7

Курс юаня по отношению к доллару Август 2008 – Август 2010

Август 2008	Ноябрь 2008	Февраль 2009	Май 2009	Август 2009	Ноябрь 2009	Февраль 2010	Май 2010	Август 2010
6,8345	6,8349	6,8379	6,8324	6,8312	6,8272	6,8269	6,828	6,8105

Источник: Составлено на основе данных People's Bank of China

Период, начиная с половины 2010 года, был отмечен дальнейшим укреплением китайской валюты и, как ни странно, ростом дефицита США в торговле с КНР. В июне 2010 года Китайский ЦБ возобновил ревальвацию своей валюты и к декабрю 2013 года юань укрепился на 12% до уровня 6,11 юаней за доллар США. Получается, что, несмотря на укрепление китайской валюты в торговле двух стран, дефицит США в торговле с КНР постоянно увеличивался. Если верить американским экономистам, это вызвано тем, что курс юаня после ревальвации все еще не отражает его реальную стоимость. По мнению некоторых специалистов, юань должен укрепиться в диапазоне от 3 до

50%, но общий вывод большинства американских критиков валютной политики КНР сводится к тому, что китайская валюта постоянно недооценена [145]. Российский специалист по китайско-американским отношениям С. Труш отмечает, что у китайцев есть своя точка зрения на американские обвинения. По мнению С. Труша, при формировании курса китайской валюты должен быть учтен весь комплекс факторов ценообразования внутри Китая, включая важные особенности китайской экономики [69]. В то же время нельзя отрицать, что Китайский ЦБ активно применяет валютные интервенции для регулирования курса китайской валюты, покупая доллары и продавая юани. Таким образом, Китай значительно нарастил свой золотовалютный резерв, который к концу 2013 года достиг почти 4 триллионов долларов США. Очевидно, что валютная политика китайского ЦБ, по мнению автора, не является определяющим фактором в росте дефицита США в торговле с КНР. В то же время становится очевидным, что КНР не хотела бы повторить опыт Японии. Последняя также имела большой профицит в торговле с США, но поддалась давлению со стороны Вашингтона и значительно укрепила свою валюту. В результате ряда мер, принятых вместе с укреплением валюты правительством в Токио, в Японии в конце прошлого века и в начале 21. века наблюдалась экономическая стагнация. С подобными проблемами столкнулись в свое время и азиатские тигры. Не менее значительным аргументом в пользу того, что не следует укреплять юань, является опасение китайской властей из-за наводнения Китая спекулятивным капиталом и «горячими деньгами». Однако нельзя также не отметить, что Китай будет применять меры по манипулированию с национальной валютой для достижения краткосрочных макроэкономических показателей, как это произошло в августе 2015 года. Для поддержания экспорта, который значительно снизился за первые два квартала 2015 года, китайская валюта была искусственно занижена Центробанком практически на 2%. Тем не менее, подобные меры валютного регулирования с целью поддержки экспорта принимают и другие страны, включая например Японию или Южную Корею.

Помимо смещения производственных мощностей в Китай и валютного вмешательства китайского ЦБ на повышение дефицита США в торговле с КНР влияет и политика Вашингтона по ограничению экспорта в КНР и слишком строгая система лицензирования [196]. В соответствие с этой политикой, многие американские товары и технологии не могут быть экспортированы в другие страны, в том числе в Китай, пока не пройдут жесткий контроль со стороны американских властей. Это негативно сказывается на конкурентоспособности американских компаний. При рассмотрении дефицита в торговле двух стран следует учитывать и разные модели экономики двух стран, в особенности отличия между внутренними сбережениями и инвестициями.

На основании сравнения данных с применением описательной статистики и компаративного анализа установлено, что искусственное занижение китайским Центробанком курса юаня не является определяющим фактором, который влияет на увеличение торгового дефицита США с КНР. Дисбалансы в торговле двух стран вызваны сочетанием нескольких аспектов, в том числе переносом производственных мощностей ТНК на территорию Китая в силу глобализации и усложнения всей цепочки мировой торговли, а также несовершенством методов подсчета экспортно-импортных операций, которые не отражают в себе аспект реальной добавленной стоимости, созданной страной экспортером товара.

2.2.2 Сокращение занятости в США

Развивая тему манипуляции курса юаня, американцы также упрекают Китай в том, что он, торгуя по заниженным ценам, “захватывает” рабочие места американцев, так как многие американские производители не способны выдерживать конкуренцию со стороны более дешевых китайских поставщиков. Даже в этом обвинении или «стереотипной установке» есть слабые места, на

которых следует остановиться. Как отмечается в докладе Китайско-американского совета по делам торговли, экспорт американских товаров играет существенную роль в экономике США и в деле роста занятости населения [174]. В 2013 году экспорт США в Китай оказал положительное воздействие на развитие многих промышленных секторов Америки, включая транспортные средства, сельско-хозяйственное производство, производство компьютеров и электроники, химическую промышленность и др. Общий экспорт США в Китай поддерживал 11,3 млн. рабочих мест в США [174]. Не менее важную роль в увеличении занятости в США играет привлечение ПИИ из Китая [108]. (Рисунок 2.6) За последние пять лет Китай значительно увеличил объем своих прямых инвестиций в США, что привело к созданию новых рабочих мест в Америке. По данным американской частной исследовательской «группы Родий» (Rhodium Group), на предприятиях, созданных с помощью ПИИ Китая, в настоящее время работает около 70 000-80 000 американцев, что в 7 раз больше по сравнению с 2007 годом [150].

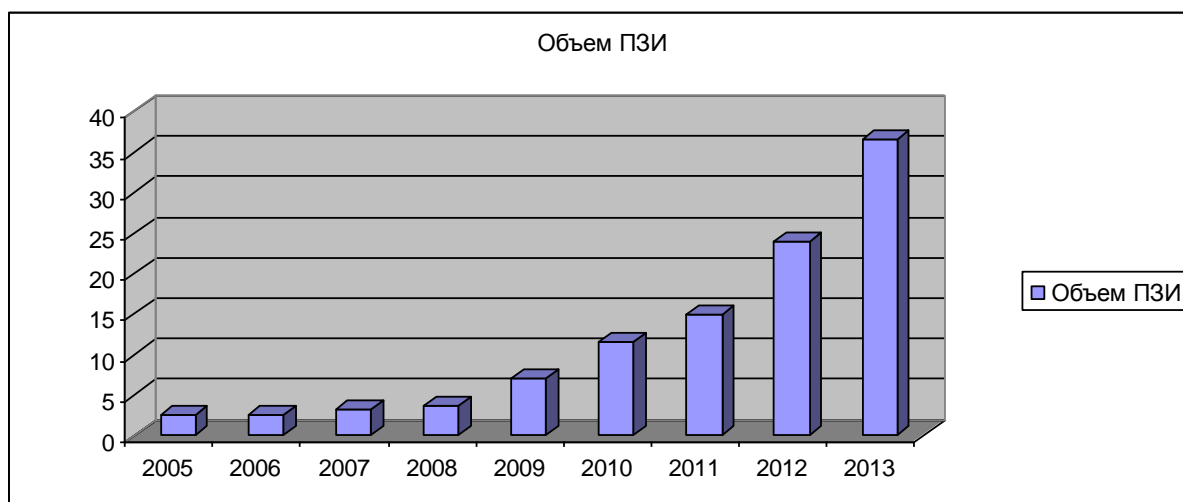

Рис. 2.6 - Объем китайских ПИИ в американскую экономику. 2005-2013.

Источник: Составлено автором на основе данных [151]

Помимо этого, рост покупательной способности Китая и его заинтересованность в современных технологиях приводит к увеличению спроса на американскую продукцию, что непосредственно влияет на повышение занятости в США. Так, например, ожидается, что производитель гражданских

самолетов Боинг в будущем значительно нарастит свои продажи в Китае, которому в ближайшие 20 лет потребуется около 6000 гражданских самолетов [81]. Растет спрос на легковые машины, произведенные в США, а также на двигатели, ядерные реакторы III-го поколения [140], средства связи. Увеличение внутреннего спроса в Китае в будущем будет иметь положительное влияние на поддержание, а также рост занятости в США. Кроме того, дешевые товары, поставляемые из Китая сдерживают инфляцию и усиливают конкуренцию производителей на американском рынке.

2.2.3 Нарушение прав интеллектуальной собственности, трансфер технологий и кибернетическая преступность

В сегодняшних условиях развития мировой экономики по-прежнему трудно переоценить роль современных технологий и инноваций. Для США этот вопрос имеет большое значение, особенно если говорить о ключевой роли современных американских технологий и инноваций в генерировании экономического роста [116]. В связи с этим, нарушения прав интеллектуальной собственности, которые происходят в Китае, являются одним из главных источников противоречий в китайско-американских экономических отношениях. Несмотря на значительное улучшение режима защиты прав интеллектуальной собственности в последние несколько лет, многие американские компании отмечают, что доля нарушений прав интеллектуальной собственности в Китае все еще остается высокой, в результате чего они несут большие экономические потери. Как отмечается в докладе “Комиссии американского комитета по кражам интеллектуальной собственности”, американцы несут убытки примерно 300 миллиардов долларов в год, причем на долю Китая приходится от 50% до 80% от всех убытков [165]. Трудно определить, насколько точна методология расчета ущерба американской экономике в результате нарушения прав интеллектуальной собственности в

мире, однако если согласиться с данными, которые приводят американцы, их экономические потери колоссальны. Можно даже предположить, что они важнее проблем, связанных с регулированием курса китайской валюты.

Одновременно следует отметить определенный прогресс в деле защиты прав интеллектуальной собственности в Китае на протяжении последних несколько лет. Китайское правительство активно работало в сфере принятия соответствующих нормативно-правовых актов еще с конца 70-х прошлого века. В законы, принятые в период до вступления КНР в ВТО, такие как «Закон о патентах», «Закон о товарных знаках», «Закон об авторском праве» и другие, были внесены поправки в соответствии со стандартами, принятыми в рамках ВТО и в международной практике. В 2004 году была создана «Государственная рабочая группа по защите прав интеллектуальной собственности», которая должна была координировать процесс защиты этих прав по всему Китаю. В то же время, учитывая огромное население, большую территорию, неразвитость рыночной экономики и другие факторы, пока в стране еще не сложилась эффективная система по защите прав интеллектуальной собственности.

В декабре 2010 года во время заседания «Китайско-американской совместной комиссии по коммерции и торговле», китайское правительство объявило о нескольких новых инициативах в деле улучшения режима защиты прав интеллектуальной собственности, в частности было объявлено об увеличении закупок законного программного обеспечения государственными органами и 30-ю большими государственными корпорациями [136]. В октябре того же года, китайское правительство запустило «Программу специальной кампании для борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности и с производством и продажей контрафактной продукции и низкокачественных товаров» [188]. Кроме того, в ноябре 2011 года под непосредственным управлением Госсовета КНР было создано «Национальное управление для защиты прав интеллектуальной собственности» как постоянный механизм для соблюдения ПИС и для расследований нарушений в этой области [188]. Эти и

многие другие действия китайского руководства в деле улучшения защиты прав интеллектуальной собственности положительно воспринимаются США, однако этого пока недостаточно. Как отмечается в докладе Управления торгового представительства США от 2014 года, крайне серьезной проблемой, с которой сталкиваются американские компании при ведении бизнеса в Китае, остается кража коммерческой тайны со стороны китайских партнеров и сложности при решении таких нарушений в китайском суде [188]. Кроме того, в докладе отмечаются и другие важные нарушения китайцами прав интеллектуальной собственности, включая использование нелегального программного обеспечения, онлайн пиратство в сети Интернет, производство контрафактной продукции, нарушение прав интеллектуальной собственности для фармацевтической продукции в ходе получения лицензий на китайском рынке и другие [188, с. 35]. Важной проблемой остается нарушение товарных знаков и нарушение авторских прав китайцами.

Несмотря на то, что Китай после вступления в ВТО согласился с тем, что не будет проводить политику “допуска на рынок в обмен на передачу технологий”, такие практики широко применяются. Однако, несмотря на это, как отмечается в докладе Китайско-американского совета по делам торговли [175], передача технологий никогда не происходит на безвозмездной основе и очень часто сопровождается созданием китайского дочернего предприятия с акционерным участием иностранной компании в нем. Иногда такое участие доходит до 100% владения материнской компанией акциями дочернего предприятия.

С проблемой нарушения прав интеллектуальной собственности связан и другой источник китайско-американских противоречий, а именно кибернетическая преступность. По данным американских спецслужб, несмотря на существование “Китайско-американской рабочей группы по кибернетической безопасности”, США постоянно подвергаются нападениям со стороны китайских хакеров, причем нередки случаи поддержки последних со

стороны китайских государственных органов или Народно-освободительной армии Китая (НОАК). В мае 2014 года Министерство юстиции США выдвинуло обвинение в кибершпионаже и в других правонарушениях против пяти членов китайской Народно-освободительной армии (НОАК), которые, по имеющимся данным, подвергли кибератаке пять американских компаний с целью получения коммерческой выгоды [136, с. 39]. Как отмечается в докладе «Кибершпионаж и кража интеллектуальной собственности и технологий США», сегодня существуют доказательства того, что правительство КНР не только поддерживает кибератаки против США, но и активно руководит ими [199]. Как дальше отмечается в этом докладе, китайское правительство активно поддерживает компании с государственным участием, предоставляя им чувствительную информацию, полученную в ходе кибершпионажа против США [199]. Министерство обороны США ежегодно подвергается 50,000 кибератакам, причем большинство из них осуществляется китайцами [178, с. 155]. Таким образом, можно предположить, что кибернетическая преступность становится одним из главных противоречий в отношениях КНР и США. Кибератаки не только нарушают доверительную основу двусторонних отношений и приводят к экономическим потерям США, они еще приносят китайским предприятиям важную информацию для своего развития (Таблица 2.8). Во время встречи руководителей КНР и США в 2013 году, американский президент Барак Обама заявил, что нерешенная проблема кибернетической безопасности значительно осложняет двусторонние отношения КНР и США [46]. Любопытно, что китайцы не признают свою вину в кибершпионаже против Америки, а наоборот утверждают, что КНР также жертва кибершпионажа и что кибератаки ведутся активно против Китая из «ИП адресов», размещенных на территории США [212]. Кроме того, китайская сторона не согласна с заявлением Комиссии по экономике и безопасности США и КНР при Конгрессе США, что Китай является самой большой угрозой для сети Интернет [212].

Независимая американская компания Мандиант (Mandiant) с 2004 года занимается расследованием нарушений компьютерной системы безопасности во многих организациях по всему миру. Большинство этих нарушений связано с деятельностью групп АРТ (Advanced Persistent Threat), причем большая часть из них находится в Китае и об их деятельности прекрасно осведомлено китайское правительство [130]. По данным компании Мандиант, самой сильной и активной из упоминаемых китайских кибернетических групп является АРТ1, которая осуществляет свою деятельность из города Шанхай и которая, учитывая большой объем выполняемых работ, финансируется китайской армией [130, с. 2]. Помимо этого, по данным компании Мандиант, телекоммуникационную поддержку китайской группе АРТ1, оказывает китайская компания «Чайна Телеком» (China Telecom). Следует отметить, что китайская кибернетическая группа АРТ1 направляет свою деятельность в основном в те области, которые Китай рассматривает в качестве стратегических для своего экономического роста, включая четыре области из семи стратегически новых областей, о которых упоминается в 12-ом пятилетнем плане КНР [130]. В целом кибернетическая преступность причиняет большой ущерб мировой экономике, в том числе и США и КНР.

Таблица 2.8

Примеры кибернетических атак Китая против США. 2007-2014 гг.

Год	Субъект, который подвергся кибернетическому нападению:	Какие сведения получил хакер:	Последствия кибератаки:
2014	Westinghouse SolarWorld U.S. Steel ATI USW Labour Union Alcoa	Были зафиксированы попытки войти в систему данных этих компаний	Возможное получение чувствительных данных

Продолжение таблицы 2.8

2012	Главные поставщики по производству американского истребителя F-35: Lockheed Martin Northrop Grumman BAE Systems	Украдены планы дизайна истребителей	Дизайн нового китайского истребителя J-31 похож на американский истребитель F-35
2009	Coca Cola	Был получен доступ к чувствительным документам компании, в частности к принципам переговорной тактики	Сделка по приобретению китайской компании, производящей соки, была отменена
2007	NASA	Получен полный и функциональный контроль по сети, что позволяет копировать, удалять или изменять чувствительные файлы	Возможное управление учетными записями пользователей
2007	QinetiQ	Украдены материалы и дизайн военных технологий	В 2012 году НОАК (Народно Освободительная Армия Китая) представила робота по обезвреженной бомб. Робот имел характеристики, очень похожие на дизайн QinetiQ

Источник: Составлено автором на основе данных [136;94]

По данным Центра стратегических и международных исследований мировая экономика теряет около 500 миллиардов долларов США в год в результате действий хакеров [166, с. 16]. Ущерб от кибернетических преступлений примерно равен ущербу от незаконного оборота наркотиков.

На основании имеющихся данных можно сделать промежуточный вывод о том, что вопрос нарушения прав интеллектуальной собственности в Китае будет актуален и в будущем, несмотря на декларированный китайскими властями значительный прогресс в деле улучшения режима защиты ПИС. Это можно объяснить отсутствием в Китае не столько эффективного государственного механизма, который бы сдерживал рост преступности в

данной области, сколько отсутствием «воли» со стороны китайских властей исполнять свои намерения. Кроме того, китайский истеблишмент относится с «пониманием» к таким нарушениям, так как иностранные технологии необходимы для технологического подъема Китая и для создания общества «среднего достатка» [136, с. 36]. Очень серьезной проблемой в двусторонних экономических отношениях, и даже в отношениях безопасности, становится кибернетическая преступность. При этом нельзя исключить активное участие государственных органов обеих стран в этой деятельности, направленной на получение доступа к чувствительной информации.

2.2.4 Торговый протекционизм в китайско-американских торгово-экономических отношениях

В китайско-американских экономических отношениях как и в двусторонних отношениях других стран по-прежнему актуальна проблема торгового протекционизма. Последний приобретает разные формы от скрытой до публичной, причем его проявления можно обнаружить в действиях обеих стран. В случае с Китаем ограничение доступа на свой рынок иностранных товаров, в частности американских, связано с проводимой политикой китайских властей по поддержке отечественного производителя, в том числе государственных корпораций. Такая политика государственного капитализма связана с рядом правительственных мер как субсидирование, предоставление «дешевых» займов (особенно это касается кредитования госкорпораций), ограничения для ПИИ, ограничения по экспорту редкоземельных ресурсов [135], системы государственных закупок, которая дает предпочтение отечественным компаниям и другие [136, с. 27]. В последнее время США все больше обеспокоены определенным изменением подхода китайского руководства по отношению к технологиям. Еще в 11-ом пятилетнем плане КНР была сделана ставка на развитие своих «собственных» или самостоятельных

передовых технологий. Как отмечают представители американских компаний, это может привести к негативному отношению китайских властей к иностранным технологиям и телекоммуникационным лицензиям, а также к ужесточению режима доступа иностранных инвесторов на китайский рынок [78]. Несмотря на обещания выполнять свои обязательства после вступления в ВТО, Пекин продолжает ограничивать доступ иностранных инвесторов на свой телекоммуникационный рынок [78]. Многие ограничения, такие как требуемый высокий уставный капитал иностранного инвестора или ограничение максимального участия инвестора до 49% в проекте для предоставления обычных услуг и до 50% в проекте для услуг с добавленной стоимостью, очень сильно сдерживают доступ иностранных поставщиков телекоммуникационных услуг на китайский рынок [78]. Кроме того, китайский закон запрещает иностранным инвесторам участвовать в проектах предоставления услуг кабельного телевидения. Не менее серьезным сдерживающим фактором в деле доступа на рынок КНР является требование к иностранным инвесторам создавать совместное предприятие с китайским партнером (joint venture company) для того, чтобы получить лицензию для оказания услуги с добавленной стоимостью (value added service) [78]. Также имеются ограничения на импорт иностранных технологий шифрования или облачных технологий (cloud technology), которые проявляются в сложном процессе получения лицензий и разрешений.

В рамках проводимой КНР политики государственных закупок (procurement policy) действуют протекционистские ограничения, широко распространена коррупция на локальном уровне и локальные сделки, что ограничивает возможности США в участии в конкурсах. Поэтому США предлагают Китаю принять нейтральную систему закупок без предпочтений для своих компаний и призывают Китай присоединиться к Договору «WTO Agreement on Government Procurement» [2].

Как отмечает китайский ученый Ван Бэй, США в торговле с Китаем

проводят политику «двойных стандартов». С одной стороны при экспорте своих товаров США придерживаются принципа либерализации торговли, однако при импорте товаров из других стран применяют меры торгового протекционизма [205]. По мнению китайских властей, одной из форм торгового протекционизма США являются претензии Вашингтона относительно качества продукции, поставляемой из КНР. США стали прибегать к мерам торгового протекционизма особенно после начала всемирного финансового кризиса. В то время началась широко обсуждаться необходимость введения антидемпинговых пошлин против целого ряда китайской продукции от электротехники до труб для бурильных установок. Например, в сентябре 2009 года Президент США Б. Обама ввел 35% пошлину на шины, поставляемые из Китая. Эта мера последовало по просьбе профсоюза сталелитейщиков, который утверждал, что отрасль потеряла 5000 рабочих мест с 2004 года в связи с наводнением рынка дешевыми китайскими шинами. В январе 2010 года США ввели пошлину и на импорт китайской стали, а именно стальных труб, которые используются в основном в газовой и нефтяной отраслях. В ответ на эти меры Китайское министерство коммерции ввело ряд импортных пошлин против производителей американской курицы, которые, как отмечает Пекин, получают субсидии от американского государства. При этом на долю США приходится более 70% от всего объема импорта куриной продукции в КНР.

Одной из форм торгового протекционизма США по отношению к Китаю является строгий контроль над экспортом американских технологий, поставляемых в Китай, причем по отношению к целому ряду высокотехнологичной продукции, в том числе технологий «двойного назначения», существует запрет на экспорт в КНР [213]. Еще с 1979 года в США действует «Закон об экспортном контроле» [7], который регулирует вопросы контроля над экспортом американских товаров в другие страны [101].

На протяжении многих лет США путем жесткого контроля за экспортом высоких технологий в другие страны пытались защитить свое глобальное

лидерство в высокотехнологичных областях, а также обеспечить свою национальную безопасность [207]. 19 июня 2007 года в США вступило в силу новое законодательное правило, регулирующее экспорт технологий в Китай под названием «Изменения и пояснения относительно контроля над экспортом и реэкспортом в КНР» (Revisions and Clarifications of Export and Re-export Controls for the People's Republic of China) [4]. Принятие этого законодательного правила было вызвано опасением американских властей тем, что экспорт коммерческих технологий нарушает положение эмбарго на поставку оружия в Китай. Новое правило состоит из трех частей, а именно из нового требования лицензирования определённых товаров для конечного военного использования, из программы подтверждения конечного пользователя VEU (validated end-user), а также из требования получения заявления от конечных пользователей для некоторых лицензированных продуктов [101]. В список товаров, на которые действует ограничение по экспорту в КНР, включена особенно чувствительная продукция как самолеты и их запчасти, авионики, система ПВО, инерциальные навигационные системы, лазеры, подводные камеры, двигательные установки, отдельное телекоммуникационное оборудование и другие [207]. Как отмечает китайский экономист Ли Янцзэ, принятые меры направлены на сдерживание военного развития КНР [207]. Несмотря на обещание, сделанные американцами во время 2-го раунда Стратегического и экономического диалога в 2010 году смягчить контроль за экспортом высоких технологий в КНР, положения принятого в 2011 году нормативного акта (License Exception Strategic Trade Authorization) [6, с. 1] распространяются на 44 страны или регионы, включая страны ЕС и основных союзников США, но Китай и Россия в этом списке отсутствуют [128]. Тем не менее, в апреле 2014 года Госдеп США объявил, что из списка запрещенных к экспорту товаров военного назначения были вычеркнуты «авиационный» и «газотурбинный двигатели». Однако это не решает дилемму, существующую в отношениях КНР и США, когда США не проявляют желание поставлять Китаю технологии, в которых последний

сильно заинтересован. Как утверждает в своей монографии профессор Хао Юфан, Китай много раз требовал от США изменения своей строгой экспортной политики в отношении высоких технологий, однако эти попытки Пекина не приносят успех [109, с. 148].

С усилением взаимной конкуренции США и КНР, американцы продолжают рассматривать экспорт технологий в Китай как чувствительный вопрос, поэтому в ближайшей перспективе не следует ожидать значительного прорыва в этой области. По данным китайской статистики, в 2001 году доля американской высокотехнологичной продукции в общем импорте КНР составляла 16,67%, в 2010 году она уменьшилась до 7,11% и в 2011 году уже до 6,26% [207]. По этому показателю Китай уступает таким странам как Южная Корея, Тайвань, Япония, ЕС и Малайзия.

2.2.5 Взаимодействие КНР и США в рамках ВТО. Антидемпинговые расследования в рамках ВТО

Нельзя исключить, что появление торговых противоречий между КНР и США напрямую связано со стремительным ростом взаимного товарооборота двух стран. Китайские предприятия вступают в конкуренцию на мировом рынке, полагаясь на низкую себестоимость своего производства, что вызывает торговые противоречия в отношениях с США. Кроме того, многие государственные компании и корпорации пользуются поддержкой государства в виде субсидий, что идет в разрез с положениями ВТО, так как китайские экспортеры находятся в более выгодном положении. В ответ на это США принимают разные меры торгового регулирования по импорту китайских товаров. С 2007 по 2012 году министерство торговли США 17 раз вводило компенсационные таможенные пошлины в отношении китайских товаров [61]. Несмотря на это, в июле 2014 года ВТО поддержала позицию Китая и Индии и заблокировала решение США о наложении дополнительных сборов на импорт

товаров, которое, как оказалось, было принято с нарушениями. Разбирательство длилось с мая 2012 года, когда Китай подал запрос на проведение консультаций в отношении изменения американского таможенного законодательства и введения антидемпинговых пошлин. При этом эти пошлины по правилам ВТО могут применяться только в случае, когда провинившиеся компании связаны с правительством своей страны. Американская сторона не смогла убедить комиссию ВТО, что государственные корпорации выступают в интересах правительства КНР и таким образом потерпела неудачу в ходе рассмотрения этого дела. Тем не менее, это один из тех редких случаев, когда китайцы выиграли подобное дело в рамках ВТО.

Как отмечает китайский экономист Ван Бэй, поскольку США не признают статус рыночной экономики Китая даже после вступления последнего в ВТО, Вашингтон продолжает осуществлять по отношению к Китаю дискриминационную торговую политику [205]. С 2001 года по сегодняшний день американцы подали 15 исков в Комиссию ВТО против действий Китая [198]. В основном они касались таких не соответствующих положениям ВТО действий как поддержка китайской промышленности с помощью льготного налогового режима, монополизм, слабая защита прав интеллектуальной собственности, ограничение на экспорт редкоземельных металлов или субсидирование. Некоторые из этих жалоб были урегулированы путем принятия взаимоприемлемого решения или меморандума о взаимопонимании (МОВ), другие диспуты были урегулированы посредством апелляционных решений или решением третейских групп (специальными группами экспертов). Китай к сегодняшнему дню подал против действий США в рамках ВТО 9 исков. При этом китайские иски касаются исключительно мер США, направленных на сдерживание импорта определенных товаров из КНР. (См. приложение E)

При рассмотрении решений взаимных торгово-экономических противоречий США и КНР в рамках ВТО, мы можем обнаружить некоторые

характерные черты поведения двух стран. США призывают и других членов ВТО, чтобы присоединиться к искам против действий Китая, в то время как Китай подает иски против США в индивидуальном порядке [76]. Кроме того, в китайских иски, как правило, наблюдается стремление защитить так называемые «восходящие отрасли» экономики, в то время как американцы в основном защищают интересы «зрелых» отраслей экономики [76]. Несмотря на разные подходы двух стран и разные намерения, система по разрешению торговых споров в рамках ВТО доказала свою жизнеспособность и эффективность в деле упорядочивания и урегулирования взаимных торговых противоречий двух стран.

Американцы в своих работах часто критикуют КНР за значительное присутствие государства в экономике и неразвитость рыночного сектора, что часто приводит к несоблюдению Пекином своих обязательств в рамках Всемирной торговой организации. Учитывая это обстоятельство, США намерены решать торговые противоречия с Китаем с помощью механизма ВТО по разрешению споров или посредством принятия внутренних законов, в случае если диалог двух стран не дает результаты [142].

Следует отметить, что вопрос торговых противоречий США и Китая очень деликатен и оба государства это прекрасно понимают. Для Китая США представляют «большой рынок для сбыта широкого спектра товаров, гарантию стабильного инвестиционного климата и притока современных технологий». США, в свою очередь, также очень заинтересованы в КНР как торговом партнере, поскольку Китай экспортирует в Америку в основном трудоемкую продукцию, создавая тем самым благоприятные условия для реструктуризации американской экономики. Таким образом, можно сделать вывод о том, что обвинения Вашингтона в отношении Китая в данном контексте носят иногда не совсем обоснованный, и даже противоречивый характер. В то же время, ни у кого не вызывает сомнения, что Китай не справляется с проблемой нарушения прав интеллектуальной собственности. Вместе с ростом товарооборота в

китайско-американских экономических отношениях наблюдается тенденция роста количества противоречий и взаимного недоверия. Это проявляется в росте взаимных протекционистских мер, строгом контроле США над экспортом технологий и активном отстаивании сторон своих позиций в рамках ВТО.

2.3 Роль взаимных инвестиций в экономических отношениях США и КНР

В настоящее время Китай – это крупнейший кредитор США и одновременно один из самых больших владельцев долговых ценных бумаг этой страны. В результате проведения Китаем успешной политики рыночных реформ и значительного увеличения профицита в торговле с другими странами, в том числе с США, в КНР появились большие валютные резервы от экспортной выручки, в основном в американской валюте. Учитывая экономические трудности в странах ЕС и Японии, американский доллар считается одной из самых надежных мировых валют, на которую по-прежнему делает ставку и Китай, который предпочитает хранить свои накопления именно в этой валюте. В связи с этим возникает вопрос, почему китайское правительство с помощью долларов США покупает именно американские долговые облигации? Казначейские ценные бумаги США – это самый безопасный и ликвидный актив, который вызывает огромный интерес со стороны инвесторов во всем мире. Тем не менее, покупка и хранение КНР больших объемов американских долговых облигаций создает в отношениях двух стран определенную напряженность и недоверие. Как отмечено в докладе под названием «Владение Китаем долговых облигаций США: Последствия для американской экономики», подготовленным для Конгресса США, правительство Китая опасается, что политика «количественного смягчения» Федеральной Резервной Системы США может привести к росту инфляции, обесценению доллара и, таким образом, к падению стоимости американских ценных бумаг, которые находятся в собственности Китая [134]. Такие опасения китайских властей вполне объяснимы, но в то же время американские власти

прекрасно осознают необходимость внешних инвестиций для федеральных бюджетных программ, поэтому политика денежного послабления не должна приводить к инфляционным всплескам и к снижению доверия к американским ценным бумагам. Что касается США, то они больше всего опасаются того, что Китай может использовать владение им долговых облигаций для подрыва экономики США или как инструмент воздействия на Вашингтон во время переговоров по взаимным экономическим и другим вопросам [134, с.10].

Несмотря на взаимные опасения и обвинения по этому поводу, экономики обеих стран, также как и их интересы, очень сильно связаны друг с другом, и такая экономическая взаимообусловленность воздерживает Пекин и Вашингтон от необдуманных решений. Как было отмечено в разделе, посвященном структуре торговли КНР и США, рынок США в настоящий момент - это самый важный рынок сбыта для товаров из КНР. Вопреки существованию взаимовыгодных экономических интересов США и КНР, представители американского политического истеблишмента заявляют, что Китай может в определенный момент выставить на продажу все свои ценные бумаги США, что может вызвать падение котировок на рынке и ослабление американской экономики [134, с.10]. Тем не менее, следующим шагом США будет ограничение импорта китайских товаров, что сильно ударит по экономике «Поднебесной». Учитывая это обстоятельство, такое развитие событий маловероятно, особенно в условиях, когда в китайской экономике наблюдается достижение пределов экономического роста и падение темпов экономического роста. Кроме того, реформа в КНР по переходу экономики с экспорто-ориентированной модели на модель, направленную на повышение внутреннего спроса, находится пока в начальной стадии. По мнению некоторых американских экономистов, благодаря валютному вмешательству Центробанка КНР, Китай смог добиться внушительного роста объемов экспорта. Следует, однако, отметить, что для осуществления такой политики нужно иметь достаточные резервы иностранной валюты. Хотя американские власти

критикуют КНР за политику валютных интервенций, похожую экономическую модель можно разглядеть и в экономиках других стран.

В то же время следует обратить внимание на то, что от продажи своих облигаций и ценных бумаг выигрывают и США, так как в результате этого получают финансовые средства, играющие важную роль в деле реализации федеральных бюджетных программ, а также в деле снижения дефицита и поддержания низких процентных ставок [134, с. 1]. Создается сложная система взаимозависимости, в которой каждый заинтересован в получении собственной выгоды. Такая модель сложных китайско-американских отношений, как отмечает американский политолог Джозеф С. Най, очень похожа на отношения США и Японии 80-х гг. прошлого века. Тогда Япония была крупнейшим кредитором США, и Америка, в свою очередь, - самым важным рынком сбыта для японских товаров [56, с. 109].

Вопросу китайско-американского взаимодействия в области продажи американских облигаций КНР посвящена отдельная глава в монографии «Америка пришла. Каким бы хотели видеть Китай американцы?». В данной книге китайские экономисты Сун Чжунпин и Го Шиинь отмечают, что сегодня американский доллар является наиболее надежной валютой и США остаются единственной экономической супердержавой. По мнению китайских экспертов, в мире не существует валюты, которая смогла бы конкурировать доллару США в качестве глобальной резервной валюты. Помимо этого следует понимать, что КНР из-за инфляционных опасений не будет менять долларовые активы в китайские юани и вливать их в экономику страны, поскольку это может привести к непредсказуемым последствиям [208, с.42]. Китайские эксперты Сун Чжунпин и Го Шиинь также утверждают, что китайское законодательство запрещает использование иностранной валюты в целях инвестирования в китайскую экономику, включая доллары США. По имеющимся статистическим данным, приблизительно 30% юаней, вращающихся на китайском рынке – это средства, которые были получены после конвертации долларовых инвестиций.

Одновременно следует отметить, что полученные после конвертации юани не являются собственностью правительства КНР, так как это активы китайских юридических и частных лиц. В таких условиях единственной возможностью для китайских банков получить прибыль от валютных операций, по мнению экспертов Сун Чжунпина и Го Шииня, – это приобретение долговых облигаций США. При этом долги других стран уже проданы своим правительствам, или их нельзя сравнить с более надежными и ликвидными долларовыми долгами [208]. Активная покупка американских долговых облигаций является проявлением доверия Китая экономике США, таким образом, власти КНР должны быть заинтересованы в усилении экономики США [208]. Поэтому утверждения некоторых представителей американского истеблишмента о попытках КНР помешать развитию экономики США маловероятны. В то же время следует признать, что Китай активно занижает стоимость своих товаров и применяет валютные интервенции, однако такие действия часто применяются и в других странах, что не мешает им развивать взаимовыгодные межгосударственные отношения.

Как отмечают американские эксперты, Центробанк КНР – это крупнейший покупатель ценных бумаг и долговых облигаций США. Тем не менее, владение большими резервами иностранной валюты само по себе не приносит Центробанку никакой прибыли, поэтому последний переводит часть из этих средств в американские облигации. В то же время Китай не имеет другой более выгодной альтернативы для инвестирования долларов, чем покупать финансовые активы США. Как отмечает американский политолог Джозеф С. Най, Китай не проявил интерес к превращению юаня в полностью конвертируемую валюту, опасаясь неблагоприятных последствий для своей экономики. Однако, увеличивая свои долларовые резервы, Китай изначально ставит себя в менее выгодное положение по отношению к США [56, с. 112].

Учитывая слабые стороны такой политики и ее объективную ущербность, в Китае сегодня широко обсуждается возможность более активной покупки

золота вместо американских долговых облигаций. Тем не менее, правительство КНР, включая “Государственное валютное управление КНР”, относится к покупке больших объемов золота как альтернативы облигациям США с определенным скептицизмом. Это вызвано тем, что для перехода на режим золотого юаня необходимо приобрести большие объемы золота, однако в настоящее время это непросто. Помимо этого, для такого перехода и для значительного увеличения золотовалютных резервов необходимо подобрать время, когда стоимость этого металла будет дешевле.

Хотя китайский юань по решению МВФ был признан одной из мировых резервных валют, Китаю нужно и впредь укреплять финансовый сектор, главным образом в области укрепления ликвидности долгового рынка и снятия ограничения контроля со стороны государства на внутреннем финансовом рынке [148, с. 27]. Китайские эксперты Сун Чжунпин и Го Шиинь утверждают, что основной причиной для осуществления политики Центрального банка КНР по покупке долговых облигаций США – это обеспечение стабильности финансовой отрасли Китая. Помимо этого, китайские эксперты отвергают утверждение американцев о том, что Центробанк КНР пытается таким образом поддержать экспортирующие компании. [208, с. 253]. По мнению автора, настоящие мотивы такой политики неоднозначны. Естественно, китайская финансовая политика во многом обслуживает интересы экономики КНР, которая ориентирована на экспорт дешевых товаров за рубеж. КНР увеличивает свои золотовалютные резервы для ослабления китайского юаня и занижения его стоимости по отношению к доллару, что делает китайские товары дешевыми и, таким образом, более доступными на мировом рынке. Основным мотивом этой политики кроме поддержки экспорта является также привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в «Поднебесную». Китайское правительство на протяжении многих лет создавало оптимальные условия для больших экспорто-ориентированных предприятий, которые пользовались режимом дешевых кредитов и защитой со стороны государства. В результате

такой целенаправленной политики была образована система, при которой китайские граждане потребляют намного меньше, чем производят. Соответственно китайская модель «мировой фабрики» значительно отличается от модели экономики «потребления», характерной для США.

Вышеописанная модель была эффективной до начала глобального финансового кризиса, а также определенное время после 2008 года. Однако после кризиса и во время последующей рецессии, США и КНР приняли ряд мер по улучшению социально-экономической ситуации внутри своих стран. В США ведутся широкие дискуссии относительно дальнейшего увеличения госдолга, а также продолжения и последствий применения политики денежного послабления или «количественного смягчения». В обеих странах после начала кризиса заметно усиление протекционизма и усиления роли государства в экономике. В то же время в Китае наблюдается падение темпов экономического роста, которое вынуждает китайское правительство скорректировать модель социально-экономического развития из экспорто-ориентированной направленности в сторону усиления внутреннего рынка и потребительского спроса. С последним связана необходимость снижения высоких банковских ставок для потребительских кредитов. Кроме того, в рамках антикризисного плана китайское правительство внесло в экономику страны дополнительные финансовые ресурсы, поддержало крупнейшие китайские корпорации, создало больше возможностей для развития частного бизнеса, а также поддержало компании, которые заинтересованы в продаже своей продукции на внутреннем рынке.

По данным экспертов, почти 70% иностранной валюты Китая составляют американские доллары. При этом рынок долговых облигаций США в силу своей масштабности и привлекательности активов может как единственный во всем мире абсорбировать большинство растущих китайских запасов валюты [134, с. 14]. В отчете Министерства финансов США «Министерство финансов США: Отчет об иностранном портфолио казначейских ценных бумаг США»

[102] можно найти структуру государственного долга США в процентном соотношении по всем государствам, владеющим долговыми обязательствами США (Приложение Ё). По данным статистики Министерства финансов США 2015 года, Китай - это крупнейший владелец казначейских ценных бумаг США, и другим после Японии собственником всех американских ценных бумаг, включающих помимо долговых обязательств и “эквити”. Внушительная динамика роста покупок долговых облигаций США Центробанком КНР на протяжении последних 20-ти лет отражает огромный интерес китайского правительства к активам с большой ликвидностью и надежностью. Кроме того, достаточно уверенная динамика роста этих покупок показывает, что Китай вряд ли пойдет на резкую распродажу долговых облигаций США. Одновременно, однако, нужно отметить, что в краткосрочной перспективе, и это касается в первую очередь последних несколько лет, динамика закупок Китаем долговых облигаций США была относительно нестабильной. Так, например, в июне 2011 года Китай владел американскими долговыми облигациями на сумму 1,568 триллионов долларов, но в июне последующего года эта цифра упала до 1,371 триллионов долларов соответственно (Рисунок 2.7). Возможно, это было вызвано принятием антидемпинговых и компенсационных мер в США в 2012 году после того, как были выявлены попытки вытеснения американских товаров дешевыми китайскими аналогами. По статистическим данным на июнь 2014 года объем долговых облигаций США в собственности Китая достиг сумму 1,474 триллионов долларов США [129]. При этом следует сказать, что из-за меняющейся динамики падения или роста объемов долговых ценных бумаг США в руках Китая, КНР уступила свою позицию крупнейшего долго держателя США своему восточному партнеру – Японии. Одновременно следует отметить, что данные, опубликованные в докладе Министерства казначейства США (Рисунок 2.7), скорее всего не являются абсолютно точными, так как казначейские ценные бумаги США приобретаются юридическими лицами или

частными организациями с трудно определяемым или вовсе неизвестным конечным владельцем.

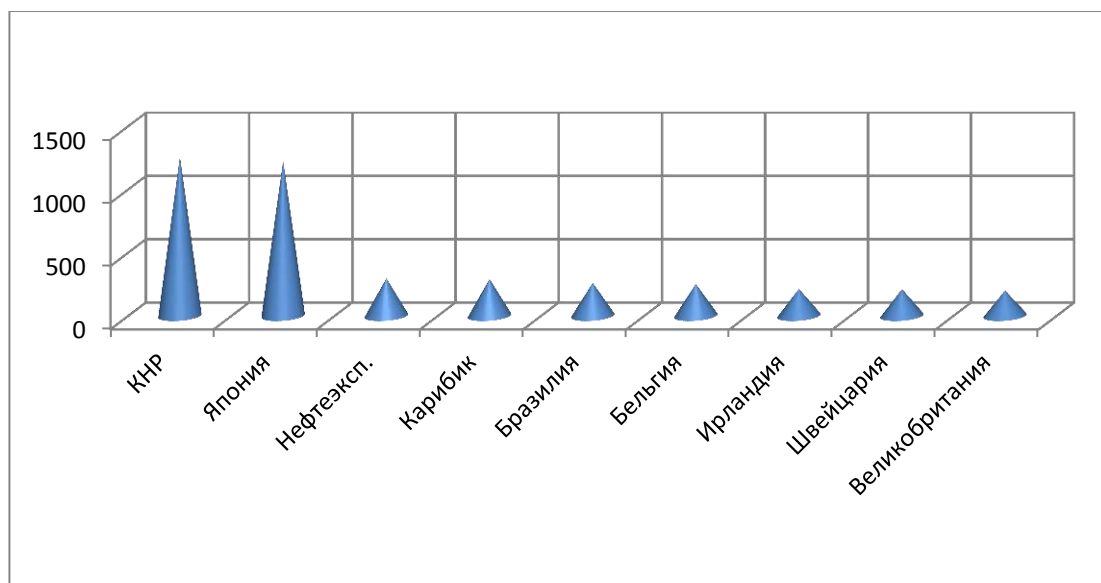

Рис. 2.7 - Структура владения казначейскими ценными бумагами США другими странами. Март 2015 г. (в млрд. долл. США)

Источник: Составлено автором на основе данных [183]

Из всех видов американских долговых облигаций Китай больше всего заинтересован в приобретении долгосрочных долговых облигаций (long-term securities). Последние составляют приблизительно 70% от всех покупаемых КНР ценных бумаг. Помимо долгосрочных долговых облигаций существуют и краткосрочные ценные бумаги, ценные бумаги больших корпораций и бумаги американских агентств США (Фреди Мак, Фреди Мае).

Если брать во внимание рстующую взаимозависимость китайской и американской экономик, следует ожидать, что Китай и в будущем будет активно приобретать долговые облигаций США. Несмотря на объективное снижение покупок КНР казначейских ценных бумаг США в период после 2011 года (Рисунок 2.8), китайские власти помимо частичной диверсификации валютных резервов, пока не имеют другой возможности, чем вкладываться в американские активы.

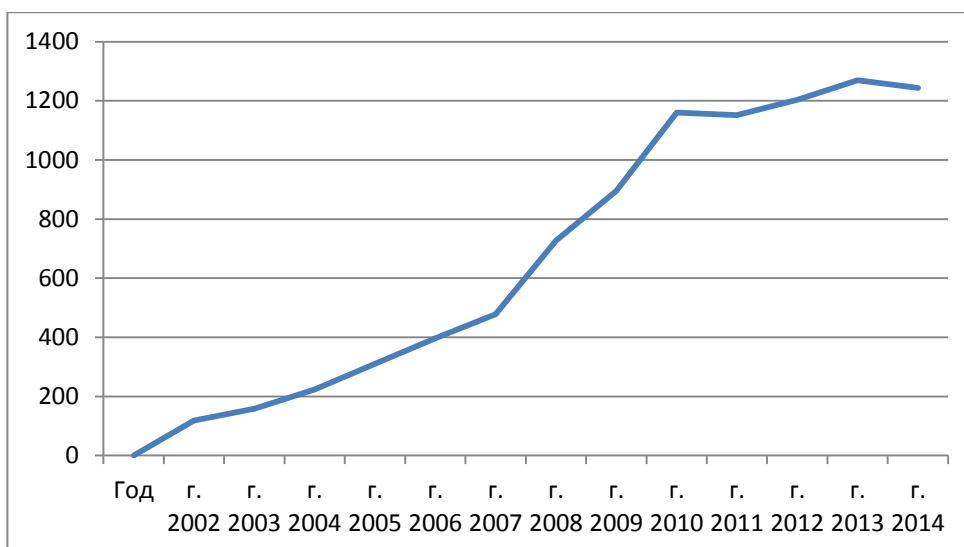

Рис. 2.8 - Казначейские ценные бумаги США, принадлежащие КНР в
годовом измерении (2002-2014, в млрд. долл. США)

Источник: Составлено автором на основе данных [183]

Кроме того, участвовавшие разговоры о начале эпохи «золотого юаня» пока экономически неоправданные, особенно когда власти КНР признают, что американская валюта сегодня не имеет в мире реальной альтернативы в виде другой валюты. В то же время, правительства обеих стран заинтересованы в экономическом процветании друг друга, поскольку только оно гарантирует высокий объем инвестиций в Америку и надежный спрос на китайские товары среди американских потребителей.

В последнее время в китайско-американских экономических отношениях наблюдается интересная тенденция. Китай постепенно превращается из нетто импортера ПИИ в нетто экспортера ПИИ. При этом ежегодный прирост китайских ПИИ в США превышает рост американских ПИИ в КНР на протяжении пяти последних лет. В 2013 году объем китайских ПИИ в США даже впервые был больше, чем объем потока ПИИ в другую сторону [151].

Что касается динамики роста китайских ПИИ в США, как показано в предыдущем разделе, мы наблюдаем резкий скачок вверх на протяжении последних пяти лет. Любопытно, что процесс выхода китайских ПИИ на зарубежные рынки можно условно разделить на два периода. В ходе первого

периода китайские госкомпании активно инвестировали в область энергетики и добычи сырья. Сегодня же мы видим тенденцию инвестирования в инновации и в производство с большей добавленной стоимостью.

Китай сталкивается с определенными трудностями, так как США не пускают иностранных инвесторов в чувствительные отрасли своей экономики. Показательным примером этого был срыв сделки по поглощению китайским гигантом CNOOC американской нефтяной компании Unocal 2005 году. Во многом это связано с тем, что США обвиняют китайские корпорации в несправедливой торговой игре, так как они получают значительную поддержку от государства в форме низкопроцентных займов или прямых субсидий.

Тем не менее, как отмечается в докладе Управления торгового представителя США, на американском рынке активно инвестируют такие китайские корпорации как: «The Dalian Wanda Group Corporation, Suntech Power Holdings Co., Ltd., Sany Group, Wanxiang Group, Pacific Centuries Motor, Tianjin Pipe Corporation, Haier Group, ZTE Corporation, Huawei Technologies, Golden Dragon Precise Copper Tube Group Inc» [136]. В то же время, доля ПИИ в портфеле инвестиций КНР в США остается относительно небольшой, всего 10%, так как 90 % приходится на казначейские бумаги США [136].

При рассмотрении вопроса резервных валют нужно обратить внимание на то, что Китай в последнее время постепенно отказывается от доллара в расчетах с некоторыми странами, применяя так называемые «своповые соглашения». Такие «своповые соглашения» уже подписаны с Японией, Южной Кореей, Россией или, например, с Ираном. В недавнем времени также прозвучал призыв китайских властей к странам нефте-экспортерам продавать нефть за юани. Пока, однако, это всего лишь скромные попытки изменить систему резервных валют, принятой в международной экономике. Даже «пул» созданный в рамках БРИКС не превышает 50 миллиардов долларов. У самого Китая самые большие золотовалютные резервы в мире и доллар в них составляет большинство. Резкая продажа доллара может привести к непредсказуемым проблемам в Китае.

Вопрос усложняется неоднозначным отношением к данным действиям Китая со стороны его самого большого торгового партнера – ЕС.

Для осуществления «китайского экономического чуда» и интеграции КНР в мировую экономику особо важную роль сыграло привлечение ПИИ. Вообще КНР является ярким примером искусного сочетания рыночных реформ и привлечения финансовых ресурсов из других стран. Еще в конце 70-х годов и на протяжении 80-х годов прошлого века Китай активно привлекал ПИИ, в том числе из США, для финансирования многих проектов в рамках специальных экономических зон (СЭЗ) в своих прибрежных провинциях. В конце 80-х годов для увеличения притока зарубежных инвестиций КНР принял стратегию по расширению политики открытости в 14 прибрежных городах КНР. Объем ПИИ в Китай резко вырос после принятия соответствующей законодательной базы, регулирующей вопрос привлечения ПИИ и создания совместных предприятий или предприятий с иностранным участием (Рисунок 2.9). Законодательную базу в области иностранного инвестирования в Китае помимо Конституции составляют три основных специализированные законы «The China Foreign Equity Joint Venture Enterprise Law», «The China-Foreign Cooperative Joint Venture Enterprise Law» и «The Foreign-Invested Enterprise Law».

Рис. 2.9 - Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в КНР в период 1978-2014 гг., мил. долл. США

Источник: Составлено автором по [133]

Особенно резкий прирост ПИИ в Китай был отмечен после вступления последнего во Всемирную Торговую Организацию в 2001 году, поскольку Пекином были сняты многие ограничения на доступ иностранных транснациональных компаний в разные отрасли китайской экономики. Традиционно самый большой объем ПИИ в КНР поступает из Гонконга и восточноазиатских стран, таких как Тайвань, Япония, Сингапур или Южная Корея (Таблица 2.9). Большой объем инвестиций в китайскую экономику приходится и на оффшорные зоны, такие как Виргинские острова и Каймановы острова, в которых зарегистрированы компании, принадлежащие выходцам из Гонконга и Тайваня.

Таблица 2.9

Объем ПИИ в экономику КНР по странам в 2013 г.- 2014г. (без учета оффшорных зон в млрд. долл. США)

№	Страна	г. 2013	г. 2014
1	Гонконг	78.3	85.7
2	Сингапур	7.32	5.93
3	Тайвань	5.24	5.18
4	Япония	7.06	4.33
5	Рес. Корея	3.05	3.97
6	США	3.35	2.67
7	Германия	2.09	2.07
8	Великобритания	1.04	1.35
9	Франция	0.76	0.71
10	Голландия	1.28	0.64

Источник: Составлено автором по [115]

Как отмечается в статистических данных, опубликованных министерством торговли КНР [133], за период с января по октябрь 2013 года самый большой прирост в инвестициях в китайскую экономику был у стран ЕС. Рост достиг отметки 18,1%, что равно сумме инвестиций 7 миллиардов долларов. Инвестиции американских компаний в экономику КНР выросли на 7,1% и составили 3,4 миллиарда долларов США. Один из крупнейших инвесторов в китайскую экономику – Япония, инвестировала на протяжении рассматриваемого периода около 7 миллиардов долларов США, причем рост инвестиций достиг 6,3%. На долю традиционного крупнейшего китайского

инвестора – Гонконга пришлось сумма инвестиций в 78,3 миллиардов долларов США.

Объем ПИИ в Китай за весь 2013 год достиг рекордных 117,6 миллиардов долларов США [133]. В 2014 году по данным китайского министерства торговли объем привлеченных ПИИ в экономику КНР достиг отметки 119,6 млрд. долларов США, что на 1,7% больше по сравнению с прошлым годом. Объем американских ПИИ в экономику КНР упал с 3,4 млрд. долларов США до 2,7 млрд. долларов США. В то же время растет доля **американских инвестиций** в разные сферы производства. Роль привлечения иностранных инвестиций играет важную роль в развитии КНР и на современном этапе.

Что касается распределения (ПИИ) по отраслям китайской экономики, то они направляются в основном в промышленный сектор и в область недвижимости (Рисунок 2.10). В последние годы растет также доля ПИИ в сферу услуг, таких как транспорт, складирование, почтовые и ИТ услуги. Вместе с ростом объема ПИИ растет и их доля в производстве товаров, предназначенных для экспорта.

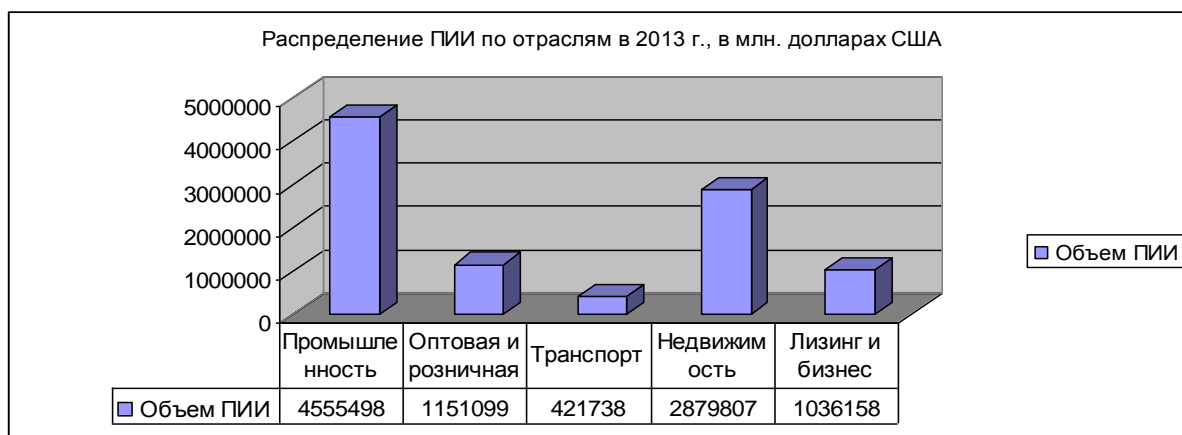

Рис. 2.10 - Распределение ПИИ по отраслям экономики КНР

Источник: Составлено по [219]

Что касается производства высокотехнологичной продукции, то доля предприятий с иностранным участием в этом секторе достигает 80-90% [21]. В соответствии с 12-тым пятилетним планом развития КНР на период 2011-2015 гг. определены ключевые отрасли экономики страны, которые будут получать

поддержку государства и, таким образом, являются очень перспективными областями для приложения иностранных инвестиций. К ним следует отнести такие отрасли как биотехнологии, информационные технологии нового поколения, возобновляемые источники энергии, новые материалы, энергосберегающие технологии, производство высокотехнологичного оборудования и производство транспортных средств, работающих на альтернативных источниках энергии.

КНР продолжает сохранять ряд преимуществ для иностранных инвесторов, включая высокие темпы экономического роста, огромный внутренний рынок, большие инфраструктурные проекты, квалифицированная рабочая сила и относительно стабильная социальная система [150]. В 2014 году Китай стал главным получателем ПИИ в мире (Таблица 2.10), сместив с этого места США, которые являлись крупнейшим нетто импортером ПИИ с 2003 года [105]. И хотя это стало возможным благодаря частному случаю (прим. частная сделка между американской компанией “Verizone Communication” и британской “Vodafone”), это никоим образом не сглаживает очевидную тенденцию: Китай на протяжении последних лет становится самым притягательным местом для привлечения ПИИ.

Таблица 2.10

Крупнейшие получатели ПИИ в 2014г. (в млрд. долл. США)

Китай	128
Гонконг	111
США	86
Сингапур	81
Бразилия	62
Великобритания	61
Canada	53
Австралия	49
Нидерланды	42
Люксембург	36
Китай	128

Источник: Составлено автором по [171]

Если говорить о роли американских инвестиций в росте экономики КНР, то она относительно небольшая в количественном измерении, однако имеет существенное значение для качественного развития китайского производства. В

настоящее время по данным американского “Бюро экономического анализа” объем накопленных инвестиций ПИИ США в Китае составляет около 50 млрд. долларов США (около 2% от всех ПИИ КНР) или около 70 млрд. долларов США по данным Министерства торговли КНР. (Рисунок 2.11) Присутствие аффилированных в Китае американских компаний остается относительно скромным. Американские аффилированные компании в КНР производят всего 2% от общего производства компаний с участием американского капитала.

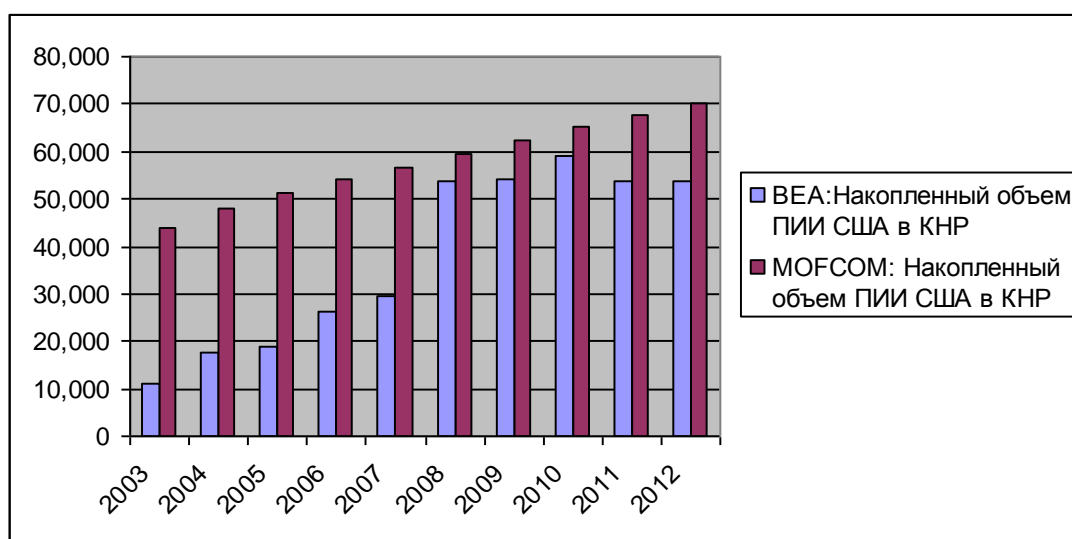

Рис. 2.11 - Накопленный объем ПИИ США в экономике КНР по данным Бюро экономического анализа США (ВЕА) и по данным Министерства торговли КНР (МОFCOM)

Источник: Составлено на основе данных [172;133]

Что касается отраслевой структуры приложения американских инвестиций в КНР, то самыми привлекательными секторами в Гонконге является финансовый сектор, оптовая торговля, холдинговые компании и профессиональные услуги. В остальной части КНР больше всего американских инвестиций направляется в отрасли обрабатывающей промышленности, а именно в пищевую и химическую промышленность, в производство электроники и транспортное машиностроение. Не менее важной с точки зрения приложения американских инвестиций является добывающая промышленность, а также как и в случае с Гонконгом - финансовый сектор, оптовая торговля и холдинговые компании (Таблица 2.11). Кроме того, у части американских компаний объем инвестиций в сельское хозяйство КНР уже превышает 10 млрд.

юаней, при этом американские инвестиции направляются в самые разные сферы от растениеводства до животноводства, от переработки сельхозпродукции до продажи сельхозмашин.

Таблица 2.11

Отраслевая структура прямых иностранных инвестиций США в экономику КНР в 2002, 2012 и 2013 гг. (в миллионах долл. США)

Год	2002	2012	2013
Все отрасли	10,294	53,740	61,534
Добывающая промышленность	1,514	2,649	3,355
Обрабатывающая промышленность.	6,161	28,696	32,118
Пищевая промышленность	392	4,298	4,617
Химическая промышленность	1,196	5,975	6,850
Машиностроение	212	2,760	3,372
Производство металла	121	2,126	2,173
Электроника и компьютеры	1,942	3,985	4,582
Электрические приборы и компоненты	610	360	527
Транспортное оборудование	746	4,320	4,898
Оптовая торговля	536	4,613	5,729
Информации	99	1,365	1,713
Депозитные учреждения	329	3,328	3,667
Финансовый сектор	29	3,233	3,360
Профессиональные, научные и технические услуги	65	1,335	1,393
Холдинговые компании	-	2,735	3,585

Источник: Составлено автором по данным [172]

Следует отметить, что КНР тщательно регулирует доступ иностранных инвестиций в отдельные отрасли своей экономики. Эти отрасли подразделяются на четыре группы: без ограничений (permitted), поддерживаемые (encouraged), с ограниченным доступом (restricted) и запрещенные (prohibited) [92], и они подробно перечислены в каталоге, составленном министерством торговли КНР под названием «Catalogue for the Guidance of Foreign Investment Industries» [87]. В ноябре 2014 года китайское правительство предложило проект поправок к данному каталогу в сторону послабления ограничений доступа иностранных инвесторов в некоторые

сектора экономики КНР. Данный проект предлагает сокращение количества «ограниченных» секторов для иностранных инвесторов более чем в два раза, с нынешних 79 до 35, а также сокращение количества отраслей, предназначенных только для совместных компаний (по англ. joint ventures) и товариществ с 43 до 11 [191].

Практически все крупнейшие транснациональные компании США имеют свои филиалы на китайском рынке. К ним можно отнести: General Electric, GM, DuPont, Hewlett-Packard, IBM, Intel, Johnson & Johnson, Lucent Technologies, Motorola, Nike, Procter and Gamble, Pepsico, Pfizer, Coca-Cola, Xerox, Whirlpool.

Следует отметить, что хотя доля американских ПИИ в общем объеме привлеченных Китаем инвестиций небольшая, американские транснациональные компании (ТНК) активно участвуют в производстве высокотехнологичной продукции на территории КНР. Тем не менее, они вкладывают относительно небольшие средства в развитие НИОКР в Китае. Высокотехнологичные товары, произведенные в КНР, основаны на высокотехнологичных компонентах, которые в Китай импортируются и добавленная стоимость КНР в конечном товаре относительно небольшая. Экспорт КНР высокотехнологичных товаров все еще сильно зависит от импортных комплектующих, иностранных технологий и опыта. Несмотря на небольшой объем привлеченных ПИИ из США, вместе с этими инвестициями КНР получает доступ к современным технологиям, к новым методам производства и продвинутым процедурам управления. Прямые иностранные инвестиции, являются, возможно, самым главным фактором, оказывающим влияние на повышение конкурентоспособности КНР.

В 2013 году на предприятия с участием иностранного капитала в Китае приходилось около 47% объема внешней торговли и 44,8% импорта. Следует обратить внимание на то, что китайские предприятия с участием иностранного капитала (Foreign-invested enterprises, FIEs) играют важнейшую роль в экспорте высокотехнологичной продукции: в 2010 году их доля в этой категории

экспорта составила 82%, причём предприятия со 100% участием зарубежного капитала обеспечили 55% объёма. В 2013 году в КНР работало около полумиллиона предприятий с участием иностранного капитала с больше чем 50 млн. сотрудников.

На основе проведенного анализа основных тенденций инвестиционного сотрудничества двух стран можно сделать несколько выводов. Основная доля в инвестиционном портфеле КНР в США приходится на казначейские ценные бумаги США, главным образом на долгосрочные долговые облигации. Выявлено, что, несмотря на относительное снижение темпов закупок КНР американских ценных бумаг после 2011 года, китайские власти помимо частичной диверсификации валютных резервов и заключения «своповых» соглашений с другими странами, пока не имеют более выгодной альтернативы, чем вкладывать долларовые резервы в американские активы. Автором было также установлено, что вместе с американскими инвестициями в Китай экспортируются новые технологии и современные методы управления, которые имеют большое значение для развития китайской экономики. Инвесторы КНР и США сталкиваются с объективными трудностями при взаимном инвестировании, которые вызваны с одной стороны строгим контролем китайских властей за отдельными отраслями экономики, а также недоверием США к сделкам с китайскими государственными корпорациями.

Глава 3. Основные направления развития двусторонних экономических отношений и их влияние на мировую экономику

3.1 Энергетический фактор взаимодействия Китая и США

Одной из важнейших областей взаимодействия двух стран и в то же время одним из источников экономических противоречий КНР и США является энергетика. Сегодня оба государства являются самыми большими потребителями нефти в мире, а также других видов энергоресурсов. Китай, в частности, является крупнейшим потребителем энергии в мире, вторым самым большим потребителем нефти после США (половина нефти в КНР импортируется), а также крупнейшим инвестором в зеленые технологии и в возобновляемые источники энергии [110]. Ограниченность внутренних источников энергоресурсов (с учетом неоднозначных результатов «сланцевой революции» в США) при повышении спроса на них заставляет США и КНР заняться поиском новых месторождений нефти, газа, угля, урана или редких металлов. В ходе этого поиска оба государства исходят из собственных концепций по обеспечению энергетической безопасности, что приводит к возникновению взаимных противоречий. Разногласия между Пекином и Вашингтоном существуют не только по вопросам энергетической безопасности, но и по вопросам энергетической дипломатии, а также по вопросам климата и выбросов вредных газов [110].

Китайско-американские противоречия в области энергетики во многом связаны с разным подходом сторон к вопросу обеспечения энергетической безопасности и средств ее достижения. Китай, полагаясь на принцип «бизнеса без границ», намеренно устанавливает прямые отношения непосредственно со странами, которые поставляют энергоресурсы, не считаясь при этом с мировым рынком и действующими международными институтами в области энергетики [110]. Это и является проявлением одного из новых направлений его внешней

политики, а именно энергетической дипломатии (нэнюань вайцзяо) [66]. Помимо этого, Китай зачастую сотрудничает в области энергетики со странами, которые входят в американский список «стран изгоев» (pariah states) [190]. Пекин предпочитает вести двусторонний диалог с партнерами вместо многосторонней дипломатии, закрывая глаза на состояние прав человека и демократии в той или иной стране, если дело касается бизнеса и возможности получить доступ к энергоресурсам. И это вызывает недовольство со стороны Вашингтона. Нужно понимать, что энергетическая стратегия Китая направлена на обеспечение Китая достаточными запасами энергоресурсов, позволяющими стране поддерживать высокие темпы экономического роста [152]. Важная роль в обеспечении энергетической безопасности КНР отводится ее национальным нефтяным компаниям, деятельность которых основана на меркантилистской политике, направленной на получение прямого контроля над зарубежными резервами нефти и газа [190]. Китай стремится с помощью своих нефтяных компаний получить доли в зарубежных нефтяных месторождениях для последующей продажи выработанной нефти в Китай, а не на мировой рынок.

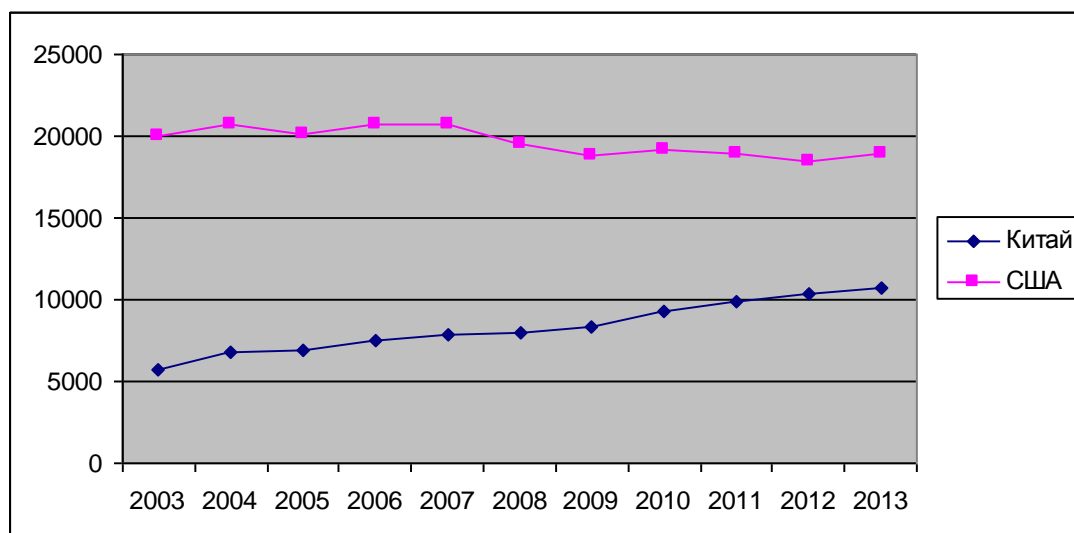

Рис. 3.1 - Потребление нефти (тысяч баррелей в сутки) 2003-2013 гг.

Источник: Составлено автором на основе [97]

В настоящее время около 90% потребляемой энергии КНР покрывает за счет внутренних ресурсов, прежде всего, за счет огромных запасов угля.⁵ Однако, при сегодняшних темпах потребления нефти, Китай в ближайшее время будет вынужден импортировать две трети из общего объема потребляемой нефти. Более того, к 2020 году этот показатель достигнет 72%. Что касается США, то еще в 2004 году зависимость от импортных поставок нефти составляла 60%. Однако, в результате резкого увеличения внутреннего производства сланцевой нефти и газа, эта зависимость снизилась и сегодня достигает около 30%. Кроме того, по данным американской Энергетической информационной администрации (EIA), внутреннее производство жесткой нефти в США увеличилось с 1 миллиона баррелей в день в 2010 году почти до 3 мил. баррелей в 2013 году [97]. Тем не менее, как показали последние события, прогнозы американских экспертов по поводу огромных запасов сланцевых энергоресурсов в США кажутся явно преувеличенными и результаты «сланцевой революции» пока неоднозначны [147]. В связи с этим, Китай и США, по прежнему, работают над диверсификацией поставок и получением доступа к энергоресурсам по всему миру. Особенную активность в последнее время проявляет Китай, причем диапазон приложения этих усилий очень широкий и включает Центральную Азию, Ближний Восток, Латинскую Америку, Юго-Восточную Азию, а также Африку [66]. По мнению экспертов, в силу политической нестабильности на Ближнем Востоке, вызванной военными действиями, одним из перспективных регионов, где в будущем столкнутся интересы США и Китая при получении доступа к энергоресурсам – это Африканский континент. Еще до начала «сланцевой революции» в США, КНР вместе с США в большой степени зависели от поставок сырой африканской нефти, которая составляет почти одну треть поставок нефти в КНР и одну пятую поставок нефти в США [156]. Одновременно следует отметить, что в количественном измерении США до начала сланцевой революции потребляли

⁵ Прим. К 2020 году потребление нефти в КНР вырастет до 400-500 тонн в год. Dannreuther, R. (2011). China and global oil: Vulnerability and opportunity. International Affairs (London), 87(6), С. 1345.

больше африканской нефти, чем Китай, и обе страны были намерены в будущем эти объемы еще увеличить [164]. Крупнейшими африканскими поставщиками сырой нефти для КНР являются Ангола, Конго Браззавиль, Экваториальная Гвинея и Судан. При этом Ангола является вторым после Саудовской Аравии самым большим поставщиком сырой нефти для Китая, обеспечивая по разным источникам от 9% до 14% потребностей последнего в этом ресурсе [96]. Для США крупнейшим африканским поставщиками нефти являются Нигерия, Ангола, Алжир и Габон [156]. Несмотря на то, что в нефтяном секторе Анголы присутствуют американские компании “Шеврон Тексако”, “ЭксонМобил”, английский “Би Пи” и французский “Тотал”, китайско-американские интересы в этой стране практически не пересекаются. Это можно объяснить большими запасами сырой нефти страны, а также тем, что американское присутствие тут значительно превышает китайские инвестиции. Больше вопросов со стороны американского истеблишмента, однако, вызывает активное сотрудничество КНР с “проблемными странами”. К ним необходимо отнести, в первую очередь, Судан, в котором длится уже несколько лет гражданская война с явными нарушениями прав человека. Правительство США в то же время обвиняет Китай в поставках оружия авторитарному режиму Омара Ал-Башира за средства, полученные от поставок «черного золота», что значительно усложняет процесс мирного разрешения суданского конфликта. К другим “проблемным странам”, которые по данным международных организаций закупают оружие от КНР, относятся Зимбабве, Либерия и Нигерия [203]. На примере Судана и других авторитарных стран ярко продемонстрированы те разногласия, которые существуют между КНР и США в области энергетики.

Как уже отмечалось, США и Китай вносят в понятие энергетическая безопасность и в средства ее обеспечения разное содержание. При налаживании сотрудничества с африканскими странами власти КНР в лице своих

национальных нефтяных компаний ⁶ предлагают партнерам выгодные низкопроцентные кредиты и помощь, не вмешиваясь при этом во внутренние дела конкретной страны. Этот подход значительно отличается от подхода западных стран, в том числе США, которые вместе с предоставлением помощи африканским партнерам выдвигают требования по улучшению в той или иной стране социально-экономической ситуации, борьбы с коррупцией или достижения прогресса в области защиты прав человека [113]. Естественно, для многих африканских стран с высоким уровнем коррупции сотрудничество с Китаем является более предпочтительным, чем сотрудничество с обременительными условиями западных стран. Таким образом, китайский подход ведения бизнеса с африканскими партнерами, по мнению американцев, сдерживает прогресс в деле защиты прав человека и борьбы с коррупцией в Африке [113]. В странах третьего мира, к которым относится большинство стран Африканского континента, китайская модель сотрудничества, можно предположить, будет и впредь более успешной, чем слишком транспарантная и содержащая много требований политика поддержки со стороны западных международных структур и государств. В настоящее время Китай уже является крупнейшим торговым партнёром Африки, вытесняя постепенно из «черного континента» страны ЕС и США. Однако если посмотреть на нефтяной сектор, было бы преждевременным говорить о значительных потерях США. Даже в крупнейших странах-поставщиках нефти для КНР, конечно за исключением Судана, западные нефтяные компании являются ключевыми игроками на рынке нефти [32].

В контексте рассмотрения взаимодействия КНР и США на африканском рынке нефти следует обратить внимание на историческое событие, произошедшее в 2014 году, а именно на рекордное падение спроса США на африканскую нефть. Это событие связано со значительным увеличением внутреннего производства сланцевой нефти, похожей по качеству на легкую

⁶ Прим. Национальные нефтяные компании (National Oil Companies – NOCs).

африканскую нефть из Гвинейского залива. В частности в начале 2014 года спрос американской экономики на африканскую нефть упал почти на 90% [141]. Более того, Северная Дакота, где находится самое большое месторождение сланцевой нефти в США, в 2011 году произвела примерно столько нефти как Эквадор [79]. Однако, учитывая историческое падение цен на нефть в конце 2014 года, и связанное с этим закрытие многих компаний, добывающих сланцевую нефть в США, нельзя говорить о полном уходе США из африканского рынка нефти.

Несмотря на то, что Африка является очень перспективным источником сырой нефти для КНР, тем не менее, сегодня все же большинство своей нефти Китай импортирует из стран Ближнего Востока (Рисунок 3.2.).

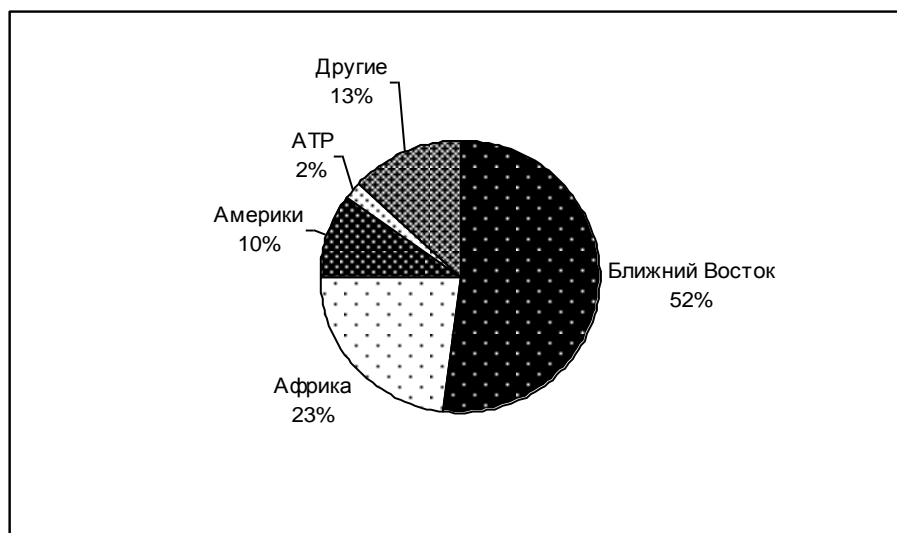

Рис. 3.2 - Доля регионов мира в общем импорте нефти в КНР (в %)

Источник: Составлено автором на основе [97]

На Ближний Восток приходится больше 50% поставок не переработанной нефти для «Поднебесной». Однако, в силу множества факторов риска, включая гражданскую войну в Ираке и Сирии, движение за создание исламского государства «ИГИЛ», а также в силу нехватки нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) для обработки более тяжелой сырой нефти с Ближнего Востока, этот регион не является абсолютно надежным с точки зрения обеспечения энергетической безопасности КНР. Тут существуют две точки зрения. В

соответствии с первой точкой зрения роль ближневосточной нефти в общем объеме импортируемой КНР нефти вырастет до 70% [32]. Это можно объяснить растущей динамикой сотрудничества КНР со странами Ближнего Востока в последние годы и заключением целого ряда долгосрочных контрактов в области энергетики. Другая точка зрения исходит из факторов риска этого региона, значительного присутствия здесь западных нефтяных компаний и понижающейся динамики цен на нефть, которая позволяет Китаю максимально диверсифицировать поставщиков углеводородного сырья. Таким образом, Пекин может закупать больше нефти в странах Центральной Азии и Латинской Америки или в России, что приведет к снижению привлекательности ближневосточной нефти. Для США нефтяной рынок Ближнего Востока теряет значимость по сравнению с рынком Канады или Мексики. Существует мнение, что вместе с разработкой собственных запасов сланцевой нефти и газа, в 2030 году отпадет необходимость США поставлять нефть из Ближнего Востока [68]. Несмотря на снижение поставок углеводородного сырья из этого региона, динамика на региональном рынке нефти по-прежнему оказывает существенное влияние на глобальный рынок нефти, в частности это касается формирования цены на нефть. Это обстоятельство США учитывают при построении своей энергетической дипломатии в этом регионе.

Нефтяная стратегия КНР на Ближнем Востоке основана на принципе «двух импортов и одного экспорта» [66]. Суть этого принципа заключается в том, что кроме импорта ближневосточной нефти, Китай одновременно вкладывает инвестиции в развитие местной инфраструктуры и промышленности [66]. Как показано на рисунке 3.3, крупнейшим поставщиком сырой нефти для КНР сегодня является Саудовская Аравия - традиционный политический союзник США. Следует отметить, что Саудовская Аравия проводит очень сбалансированную политику в отношении зарубежных торговых партнеров. Она развивает сотрудничество, как со странами западного мира, так и с азиатскими странами. В случае непредвиденного понижения

спроса на ее нефть, например в случае значительного прироста добычи сланцевой нефти в США, она, таким образом, может в любой момент переориентировать на азиатские рынки. В последние годы Саудовская Аравия и Китай идут по пути укрепления взаимовыгодного стратегического сотрудничества. Кроме имеющихся долгосрочных контрактов на поставку нефти в КНР, капитал Саудовской Аравии участвует также в строительстве НПЗ в Китае. Сегодня в собственности саудовской нефтяной компания “Saudi Aramco” (Сауди Арамко) находятся два НПЗ в китайской провинции Шаньдун.

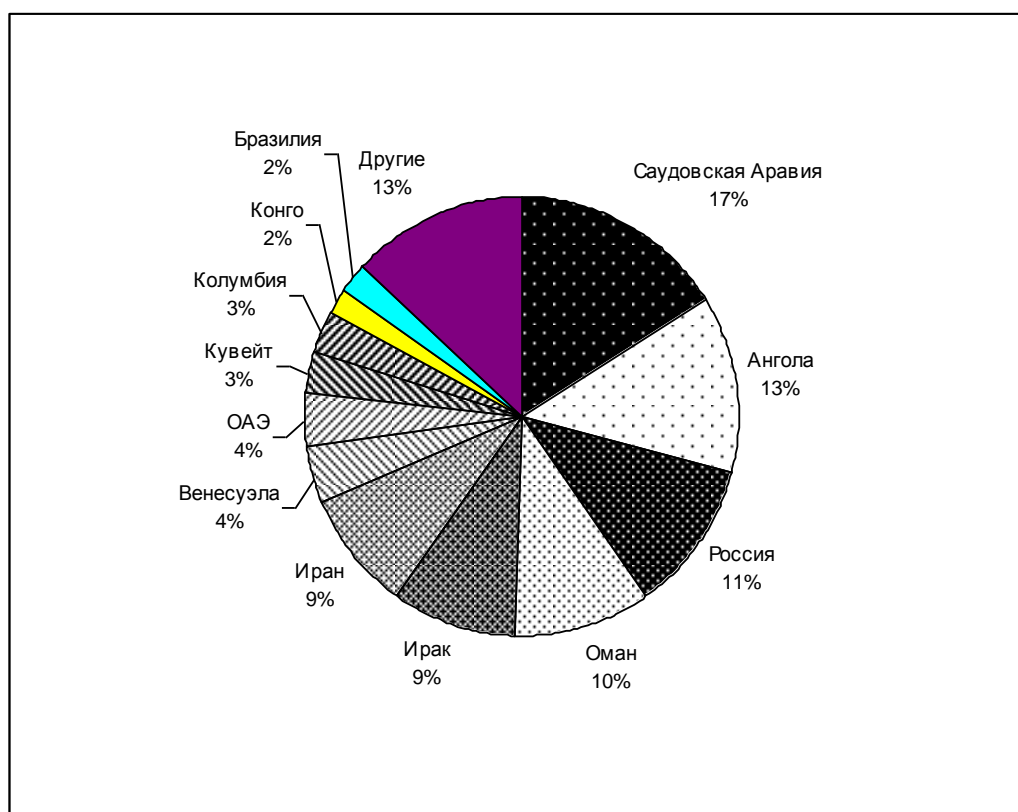

Рис. 3.3 - Доля поставщиков сырой нефти в импорте нефти КНР (в процентном соотношении), 2014 г.

Источник: Составлено автором на основе [97]

Кроме того, «Сауди Арамко» владеет совместно с компанией “Sinopet” (Синопек) и “ExxonMobil” (ЭксонМобил) нефтеперерабатывающим заводом в провинции Фуцзянь [65]. При поддержке саудовского капитала был построен и НПЗ в китайском городе Тяньцзинь и одновременно строятся стратегические резервуары для жидкого топлива на территории Китая. КНР активно

инвестирует в инфраструктурные проекты на территории Саудовской Аравии. Оставаясь главным американским союзником в Персидском заливе, Саудовская Аравия, тем не менее, имеет большие планы с Китаем, так как она не хочет сильно зависеть от рынка США. Некоторые исследователи даже заговорили о своеобразном треугольнике баланса сил, сложившемся в Персидском заливе [192]. Китай, который получает большинство импортированной нефти из Саудовской Аравии, заинтересован в безопасности этих поставок, которые сегодня в районе Персидского залива могут гарантировать только США. В то же время, Пекин не готов в деле энергетической безопасности полностью полагаться на американских союзников и он одновременно развивает отношения в области энергетики с другим важнейшим партнером в регионе, а именно с шиитским Ираном. Последний, в отличие от Саудовской Аравии, относится к «проблемным странам».⁷ Ядерная программа Тегерана является большим раздражителем для Вашингтона и всего западного мира. Расширение сотрудничества Китая с Ираном, который стал одним из ключевых поставщиков нефти для Китая, в свою очередь сказывается на ухудшении политических отношений с США равно как и с суннитской Саудовской Аравией. Китай является крупнейшим торговым партнером Ирана [132]. Кроме того, Иран является единственной страной на Ближнем Востоке, где американцы не составляют конкуренцию китайским нефтяным компаниям, так как они вовсе не присутствуют на иранском рынке нефти. Вашингтону не нравится, что в условиях лишь недавно отмененного режима санкций против Тегерана, Китай активно торговал с Ираном и импортировал его нефть. Не менее важными с точки зрения объемов являются также поставки сырой нефти в КНР из Омана, а также Ирака, на долю которых приходится по 10% и 9% поставок соответственно.

В целом касательно китайско-американского взаимодействия в регионе Персидского залива, а если говорить шире, то всего Большого Ближнего

⁷ Прим. Pariah states – страны “изгой”.

Востока, следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, активная дипломатия Китая в последние годы направлена на обеспечение стабильных энергетических поставок, в частности из территории традиционных американских союзников, каким является, например, Саудовская Аравия, а также из стран, которые подвергались экономическим санкциям запада как Иран, или на территории которых происходила военная интервенция как в Ираке. При этом в укреплении взаимных отношений с Китаем заинтересованы и сами страны региона, поскольку, таким образом они могут диверсифицировать свои экспортные поставки, а также частично избавиться от зависимости на США [104]. Во-вторых, США сегодня являются ключевым игроком и основным фактором обеспечения безопасности в регионе, о чем прекрасно осведомлен Пекин. Можно предположить, что с точки зрения обеспечения безопасности поставок энергоресурсов, такая роль США вполне устраивает китайское руководство. Китай в то же время не имеет ресурсов для вытеснения США из данного региона, однако он налаживает отношения с арабскими странами, искусно используя их недовольство американской политикой или ее отдельными проявлениями. Особенно это проявляется в экономической плоскости. Важно, однако, обратить внимание на тот факт, что наращивая товарооборот с Саудовской Аравией, и, главным образом с Ираном, а также заключая с этими странами контракты на поставку энергоресурсов, Китай, скорее всего, не будет применять стратегию с «нулевой суммой», т.е. не будет это делать в ущерб своих отношений с США. Как отмечает М. Гафури, Китай при развитии отношений со странами Персидского залива не забывает о важности американских технологий и инвестиций, которые играют значительную роль в экономическом росте Китая [104]. Кроме того, от Пекина требуется большая доля дипломатической изворотливости при одновременном развитии отношений стратегического сотрудничества с Ираном и Саудовской Аравией, которые имеют напряженные взаимные отношения. Роль Китая в данном регионе за последние годы значительно выросла и, скорее всего, будет

расти и в будущем. Об этом свидетельствует и тот факт, что практически две трети сырой нефти из данного региона сегодня поставляется в Азию, в частности в Китай. Тем не менее, война в Ираке в 2003 году, поставившая под угрозу китайские инвестиции в этой стране, а также американская гегемония на Ближнем Востоке и в зоне морских транспортных путей, заставляют КНР задуматься над своей уязвимой позицией в отношении этого региона. Выходом из этой ситуации, может быть либо усиление военно-морских сил (ВМС) Китая в Ормузском проливе и по пути доставки нефти в КНР через Малаккский пролив, либо снижение зависимости КНР от ближневосточной нефти посредством развития сети трубопроводов по суше из Центральной Азии [152]. Активное сотрудничество с Ираном логически увязывается с планами по строительству трубопроводов по суше в Китай.

Для США Саудовская Аравия является вторым крупнейшим поставщиком сырой нефти после Канады (Рисунок 3.4), однако она важна для Вашингтона помимо энергетического измерения еще и как проводник своих политических интересов в регионе, что не менее важно.

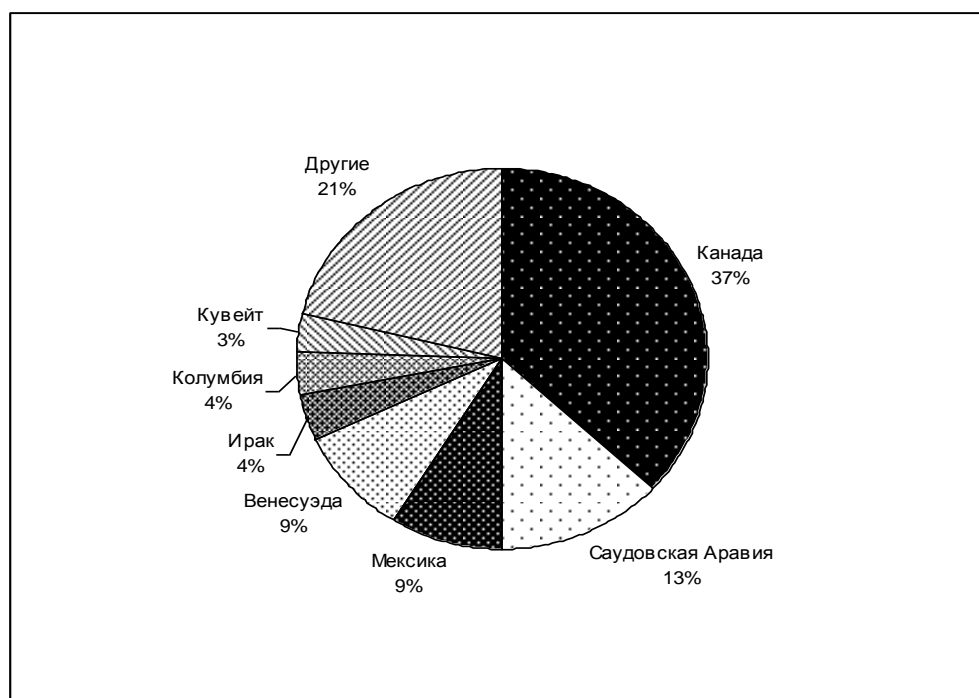

Рис. 3.4 - Доля иностранных поставщиков в импорте сырой нефти в США

Источник: Составлено автором на основе Facts Global Energy, 2014 г.

Можно предположить, что одновременно с развитием энергетического сотрудничества с другими странами, Китай и впредь будет наращивать свое присутствие в данном регионе посредством политики «мягкой силы». Укрепление отношений с Ираном имеет значение не только с точки зрения обеспечения диверсификации поставок и, следовательно, энергетической безопасности КНР, но и как проявление односторонней дипломатии Пекина, выходящей за рамки правил, выработанных международными энергетическими организациями. Подобный пример поведения с «нулевой суммой» мы уже отмечали на Африканском континенте, когда Китай заключал контакты со странами, которые либо подвергались режиму санкций со стороны западных стран, либо от них требовалось выполнение жестких условий МВФ или других структур в обмен на получение кредитов. Если на Западе такое поведение Китая называют нарушающим международные правила поведения, то это, как нам представляется, можно обозначить и как своеобразный пример сотрудничества Китая в рамках концепции стран «Юг-Юг». Американский ученый Элизабет Визерс в результате своего исследования приходит к предположению, что КНР сотрудничает с «проблемными странами» в большей степени из-за политических соображений, чем из-за “энергетической обеспокоенности”, вызванной повышающейся зависимостью китайской экономики от зарубежных поставок нефти [190]. Тем не менее, как утверждают многие специалисты, главным мотивом такого поведения КНР является фактор ограниченного доступа Китая на мировой рынок энергоресурсов, который занят западными компаниями [190]. Падение доли ближневосточной нефти в общем импорте США, а наоборот увеличение этой доли в импорте КНР, может иметь важные геополитические последствия. Если в случае с Ираном можно говорить о нарушении Пекином определенных “моральных правил”, то дипломатическое наступление Китая в традиционной зоне влияния США, в частности в Саудовской Аравии, Венесуэле и Канаде, является вызовом для последних [190]. Латинская Америка вместе с Мексикой продолжают сохранять важное

место в деле энергетической обеспеченности США. Как показано на рисунке 18 доля Мексика и Венесуэлы в общей импортируемой нефти США составила по 9% соответственно. Поэтому активная политика КНР по налаживанию отношений со странами Латинской Америки в последние годы, в частности с Венесуэлой, Бразилией или Колумбией, является шагом, который откровенно идет вразрез с интересами США в данном регионе. Если при сотрудничестве КНР со “странами-изгоями” напрямую не затрагиваются интересы Вашингтона, в случае с Латинской Америкой, а также с Канадой, Китай вторгается в традиционную зону влияния США. И хотя доля стран Латинской Америки в общем импорте нефти КНР невелика, сотрудничество с Латинской Америкой вблизи границ с США дает понять, что Китай усиливается и он уверен в своих действиях.

КНР также пользуется значительной ценовой конъюнктурой на мировом рынке нефти, укрепляя нефтяное сотрудничество с Россией и Казахстаном. Помимо увеличения закупок российской нефти, Китай получил возможность поучаствовать в разработке Ванкорского месторождения.

Очень важным вопросом с точки зрения обеспечения энергетической безопасности США и Китая являются поставки другого вида энергоресурса, а именно газа. Для США вопрос поставок газа не так актуален, как это имеется в случае с КНР. Рост добычи сланцевого газа в последнее время укрепил убежденность США в своей энергетической безопасности и самодостаточности, хотя в последнее время в Северной Америке наблюдается в этой области определенная стагнация. Появились даже прогнозы о нерентабельности добычи сланцев в связи с падением цены на нефть [147]. До начала периода резкого падения цен на нефть в США даже заговорили о готовности поставлять сланцевый газ в Европу и в Азию [162], однако с точки зрения расходов на логистику это предложение является пока экономически необоснованным. По данным “Би Пи”, США в 2013 году произвели 687,6 млрд. кубометров газа, что составило больше 93% от потребностей национальной экономики [82, с. 22].

Ситуация с Китаем выглядит немного сложнее, поскольку Китай за счет внутренней добычи газа не покрывает свои потребности, которые в будущем будут только расти. При этом доля газа в энергобалансе страны не превышает 6%, однако в соответствии с планами китайского руководства по снижению выбросов вредных газов, Китай будет стараться увеличить этот показатель до 8% за счет снижения добычи угля [63], который сегодня обеспечивает 80% выработанной электроэнергии КНР. В рамках энергетической концепции КНР по диверсификации поставщиков энергоресурсов в мае 2014 года был подписан беспрецедентный долгосрочный контракт с Россией по поставкам газа из Восточной Сибири на сумму 400 млрд. долларов [206]. Помимо восточного направления Китай планируются и поставки российского газа и по так называемому «западному маршруту», через Республику Алтай.⁸ Хотя газовое соглашение между Россией и Китаем имеет большое политическое и коммерческое значение для Китая, оно не является определяющим звеном в новом китайско-российском «альянсе», который, по мнению некоторых экспертов, направлен против США [132]. Кроме того, это соглашение не меняет существенным образом динамику газового рынка в Азии [89]. Действительно, сегодня Китай большинство газа для своих потребностей поставляет из Туркмении через газопровод Туркмения-Узбекистан-Казахстан-Китай (Гедайм-Хоргос-Шанхай-Гуанчжоу) [14, с. 74]. В настоящее время практически половину импортных потребностей в газе КНР восполняют поставки голубого топлива из Туркменистана [14, с. 74]. Помимо этого, китайское руководство уделяет большое внимание много-векторности в импорте, поставляя голубое топливо в том числе из Узбекистана и Казахстана. Соответствующие договоры с национальными компаниями этих стран – «Узбекнефтегаз» и «КазМунайГаз» об увеличении поставок газа и прокладки новых веток газопроводов в дополнение к существующим трубопроводам были уже подписаны [90]. В ходе

⁸ Имеется в виду долгосрочный проект поставок газа из Западной Сибири (откуда поставляется российский газ в европейские страны), в соответствии с которым Китай будет получать 30 млрд кубометров природного газа ежегодно.

сотрудничества со странами Центральной Азии Китай применяет свой традиционный набор дипломатических инструментов, включая льготное кредитование и невмешательство во внутренние дела своего партнера [14, с. 43]. Также в сентябре 2013 года заработал газопровод, который будет обслуживать поставки газа из Мьянмы в китайские провинции Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район. Кроме того, Китай по-прежнему уделяет большое внимание поставкам сжиженного природного газа (СПГ), на долю которого раньше приходилось практически 100% поставок газа в страну. Помимо крупнейшего поставщика СПГ Катара (34%), КНР поставляет сжиженный газ также из Малайзии, Индонезии и Австралии [14, с. 43]. Учитывая большое количество поставщиков газа в КНР, России будет очень тяжело выдерживать конкуренцию. Несмотря на несогласие Пекина и Москвы с концепцией однополярного мира, равно как и в случае с Ираном, вряд ли можно ожидать применение Китаем при сотрудничестве с Россией политики с «нулевой суммой», которая бы поставила под угрозу партнерские отношения с США. Это объясняется тем, что при получении новейших технологий Китай очень сильно полагается именно на западные страны и США, а никак не на Россию [89]. Это обстоятельство следовало бы учесть России при выстраивании дальнейшей стратегии энергетического и прочего сотрудничества с КНР.

В газовом вопросе Китая явно прослеживается энергетическая дипломатия Пекина по получению доступа не только к самым ресурсам, но и контролю над системой газопроводов и активами национальных газовых компаний стран-поставщиков. Очень заметно это имеет место в странах Центральной Азии. В то же время в КНР в последние годы в центре экспертного дискурса находится вопрос разработки собственного сланцевого газа. Несмотря на то, что данный проект в Китае находится только в стадии обсуждения, уже сегодня считается, что это одно из самых перспективных направлений [63]. Тем не менее, для разработки сланцевого газа КНР нужны специальные технологии, которые можно приобрести лишь за рубежом, в

первую очередь в США, таким образом, это еще один из мотивов необходимости усиления торгово-экономического сотрудничества с Америкой. В то же время, нельзя с уверенностью утверждать, что проект добычи сланцевого газа применим для КНР, учитывая экологические последствия технологии гидроразрыва пласта. Здесь следовало бы упомянуть, что в США в связи с падением цены на нефть к концу 2014 года и в начале 2015 года добыча сланцевого газа становится нерентабельной и перспективы сланцевой революции неоднозначны, равно как и ее экологические последствия.

Более важным, по мнению автора диссертации, является относительно новое направление КНР по активному строительству своих стратегических резервуаров нефти, которые будут активно задействованы в планах поддержания будущих высоких темпов экономического роста. Так к 2020 году КНР запланировало создать сеть стратегических нефтяных резервуаров с объемом 1017 млн. (баррелей) нефти, которых хватит на 90 дней [152].

В целом следует сказать, что обе страны осознают важность взаимного сотрудничества в энергетической области и по многим вопросам энергетической политики их интересы схожи. Так как Китай и США являются крупнейшими потребителями нефти, они всячески выступают за снижение ее стоимости и за обеспечение безопасных поставок нефти, главным образом в районе взрывоопасного Ближнего Востока. Для достижения таких целей нужна координация действий двух стран на мировом рынке энергоресурсов. В этой связи, Китай и США подписали предварительное соглашение о сотрудничестве в области стратегических резервов нефти. Это соглашение является одним из первых шагов в деле согласования интересов двух стран в этой области. Подписанный в 2007 году в Сан-Франциско китайско-американский меморандум о взаимопонимании по проблемам сотрудничества в области энергетики [93] является первым документом, юридически закрепившим координацию действий двух стран в области энергетического сотрудничества. Помимо этого, возвращаясь к

Ближневосточному региону, становится очевидным, что снижение здесь американского влияния может обернуться нестабильностью, которая, скорее всего, поставит под угрозу и поставки нефти в КНР.

«Несмотря на сильные взаимное недоверие по целому ряду энергетических вопросов мирового значения, остается фактом, что обе страны имеют сильную общую заинтересованность в более стабильных, доступных, надежных и чистых глобальных и домашних поставках» [110]. Выгоду, которую США и КНР могут получить благодаря энергетическому сотрудничеству, выходят за пределы простых экономических соображений и имеют потенциал для усиления двусторонних связей.

Тем не менее, китайская стратегия диверсификации поставок нефти и строительство стратегических резервуаров жидкого топлива является своего рода гибким ответом на «двусмысленное» военное присутствие США на Ближнем Востоке, откуда идет один из основных потоков черного золота в КНР, а также на ограниченный доступ КНР к мировому рынку нефти. В большой степени это связано также с «Малаккской дилеммой» Китая, подразумевающей уязвимое положение китайской экономики в случае перекрытия морского пути доставки нефти в КНР через Малаккский пролив.

Таким образом, в ближайшее десятилетие от того, каким образом Китай и США как крупнейшие потребители энергии будут решать вопросы своей энергетической безопасности, будет зависеть общее развитие и динамика мирового рынка энергоресурсов. КНР, предлагая другим странам новую модель энергетического сотрудничества, основанную на двустороннем взаимодействии в обход мирового рынка и международных энергетических организаций, старается максимально эффективно диверсифицировать поставки энергоресурсов, необходимых для обеспечения своей энергетической безопасности. При этом энергетическая политика с «нулевой суммой», которую предлагает Китай, могут использовать и другие развивающиеся страны. Этот подход может привести к изменению существующей системы управления

мировым энергетическим рынком, в котором главную роль играют такие институты, как Международное энергетическое агентство или ОПЕК, в которые Китай не входит.

Кроме того, в связи с прогнозом роста добычи нефти в Африке на 91% до 2025 года ожидается, что несмотря на транспортные издержки, доля африканских энергоресурсов должна вырасти в импорте Китая, учитывая планы по росту потребления нефти КНР, а также в связи с нестабильной обстановкой на Ближнем Востоке. С другой стороны, в связи с увеличением добычи сланцевой нефти в США ожидается, что доля импорта африканской нефти в страну уменьшится.

В последние годы заметна тенденция усиления энергетического сотрудничества Китая со странами, которые входят в зону “традиционного влияния” Вашингтона. Здесь следовало бы обратить особое внимание на активное сотрудничество КНР с Саудовской Аравией, которая считается главным союзником США на Ближнем Востоке. Кроме того, в последнее время китайские госкорпорации при непосредственной поддержке китайского правительства более активно входят на рынки стран Латинской Америки и Канады, которые находятся в непосредственной близости от США.

Тем не менее, после изучения взаимодействия США и КНР в области энергетики мы пришли к выводу, что Вашингтон и Пекин понимают необходимость взаимных консультаций и сотрудничества для обеспечения своей энергетической безопасности, поскольку обе страны заинтересованы в стабильных и надежных поставках энергоресурсов.

3.2 Главные аспекты взаимодействия КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)

АТР представляет собой крупнейший и важнейший регион в рамках политико-географического разделения мира, который играет все более

возрастающую роль в системе международных экономических отношений (МЭО), а также в рамках системы международных отношений (МО). На АТР приходится 40% населения мира, в нем сосредоточено около половины мировой торговли и почти 60% мирового ВВП [36]. Кроме того, страны АТР относятся к наиболее динамично развивающимся экономикам в мире [80]. Этот регион всегда привлекал внимание мировых держав, в том числе благодаря тому, что через него проходят важнейшие морские транспортные пути, по которым осуществляется мировая торговля, в том числе поставка энергоресурсов.

Китай и США сегодня уделяют особое внимание этому региону при проведении своей внешней политики. Борьба за лидерство в АТР не является чем-то новым в истории. До второй мировой войны этот регион находился в фокусе интересов Японии, проводившей здесь откровенно захватническую политику. После войны США укрепили свои позиции в регионе посредством создания системы двусторонних военно-политических договоров со своими союзниками, включая Южную Корею, Японию, Филиппины или Австралию [24]. После крушения Британской и Французской колониальных систем, американцы усилили контроль над важнейшими морскими транспортными маршрутами, проложенными в регионе АТР. В последние годы укрепление комплексной мощи Китая создало условия для экономической экспансии в АТР. Очевидно, что, будучи заинтересованным в укреплении своих геоэкономических позиций, Китай, и в будущем не будет упускать из сферы своего влияния этот регион. Исходя из этих соображений, динамика многоуровневых процессов, происходящих сегодня в АТР, приобретает очень большую значимость, как для США, так и для КНР.

США преследуют в регионе АТР несколько целей. Самой главной из них является сохранение своего лидерства на глобальном и региональном уровнях. С этим связаны усилия Вашингтона по сдерживанию усиления КНР в регионе и по сохранению сложившегося на данный момент баланса сил. Не менее важной

целью для США является и доступ на рынки стран АТР, создание общей зоны свободной торговли (ЗСТ) и привлечение дополнительных инвестиций из стран региона в США. Сегодня на страны АТР приходится большая часть экспорта американских компаний. Растут объемы инвестиций. За последние десять лет размеры взаимных потоков ПИИ между США и странами АТР удвоились [86]. Следует отметить, что важность этого региона в глазах США особенно возросла с приходом к власти президента Б. Обамы, с которым связано вошедшее в общее употребление выражение «Поворот к Азии» (Pivot to Asia). «Поворот к Азии» можно воспринимать и как своеобразный ответ США на усиление КНР в АТР.

Для КНР первоочередной задачей сегодня является изменение в свою пользу баланса сил в регионе и расширение своего влияния в Восточной и Юго-Восточной Азии, которые являются наиболее динамично развивающимися подсистемам в рамках АТР.

В начале XXI. века политика США с целью обеспечения своих интересов в регионе становится более сложной и комплексной. Проведение США политики «Поворота к Азии» предполагает не только обновление уже имеющихся двусторонних отношений со своими союзниками [45], но и установление партнерских отношений сотрудничества с другими важными региональными игроками как Вьетнам или Сингапур, а также участие США в разных форматах диалога в рамках региональных интеграционных группировок, как например США – АСЕАН [45]. При этом представители американского истеблишмента утверждают, что политика «Поворот к Азии» (Pivot to Asia) не преследует цель ослабления КНР, а наоборот стремится к более продуктивным отношениям с Пекином [86].

Существующие китайско-американские противоречия в области доступа на мировые рынки товаров, услуг, энергоресурсов или технологий, дополняются разным пониманием Вашингтона и Пекина вектора интеграционных процессов в АТР. Помимо важнейших интеграционных

проектов в данном регионе, таких как АСЕАН, ШОС, Восточноазиатский саммит, СНГ и других, главное противостояние в области интеграционных процессов между КНР и США сегодня идет в рамках форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). КНР и США предлагают отличные друг от друга модели экономической интеграции в данном регионе, преследуя при этом, естественно, свои экономические интересы. США продвигают идею создания Зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках формата Транс-Тихоокеанского партнерства (ТПП) [161] под руководством Вашингтона и без участия КНР и России, где основной упор деятельности группы будет сделан на либерализацию торговли и на максимальной отмене барьеров для инвестиций, товаров и услуг [23]. КНР, в свою очередь, поддерживает идею создания общей зоны свободной торговли во всем регионе - ФТААП (Free Trade Area of the Asia Pacific) [16]. Последняя стала бы логическим продолжением интеграционного процесса в рамках зоны свободной торговли между АСЕАН и КНР, созданной еще в 2011 году [47, с. 7]. Создание ЗСТ АСЕАН-КНР (CAFTA) привело к ослаблению экономических позиций в регионе Южной Кореи и Японии, а также их главного союзника в лице США. Помимо этого, существует еще один проект интеграции в регионе, продвигаемый странами АСЕАН и ее партнерами по ЗСТ как Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Новая Зеландия и Австралия. Речь идет о Региональном Комплексном Экономическом Партнерстве, РКЭП (Regional Comprehensive Economic Partnership) [119], которое исходит из объединений двух форумов АСЕАН+3 и АСЕАН+6. Данный проект экономической интеграции распространяется пока лишь на членов этой группы и выступает как альтернативный проект идеям ТПП и ФТААП [42].

Что касается Транс-Тихоокеанского партнерства, то этот проект был задуман ещё в 2003 году, и он должен был создать конкуренцию наиболее успешной интеграционной группе АСЕАН в регионе АТР и соединить вместе неазиатские страны с азиатскими странами. Модель, в рамках которой

руководящая роль отводится США без присутствия КНР, должна была ограничить влияние «Поднебесной» и сдерживать ее экономический подъем. Кроме того, проект ТПП выступает еще и как альтернатива платформе АСЕАН + 3 или «азиатизации Азии», которая наносит ущерб интересам США в данном регионе [42]. На данный момент ТПП, как известно, находится в стадии формирования и реально действует в составе 4 стран-учредителей [146] (Новая Зеландия, Сингапур, Чили и Бруней). Остальные страны являются всего лишь участниками переговоров по выработке новых правил ТПП. В начале октября 2015 года был подписан договор о создании ТПП, однако для вступления в силу договор должен быть ратифицирован законодательными органами стран участников механизма.

В ходе 22-го саммита АТЭС, который проходил в ноябре 2014 года, лидеры стран участниц поддержали идею Китая о совместной разработке Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли - АТЗСТ (ФТААП – Free Trade Area of the Asia Pacific) [16]. По мнению российского президента В. Путина, который также высоко оценил проект Китая, Транс-Тихоокеанское партнерство (ТПП), очевидно, является стремлением США создать интеграционную группу в регионе, которая бы исключала Россию и Китай, и которая бы в наибольшей степени отвечала интересам Вашингтона [16]. В ходе упоминаемого саммита АТЭС в Пекине был также подписан важный договор о борьбе с климатическими изменениями между КНР и США, однако в целом саммит стал дипломатической победой КНР.

Российский ученый Е. Арапова обращает внимание еще на одну важное измерение ТПП, которое изначально задумывалось как проект обще-региональной зоны свободной торговли. Это дилемма, существующая внутри самих США между профсоюзами или организациями по защите окружающей среды с одной стороны, выступающих против открытия рынка для дешевой рабочей силы, которое сулит увеличение безработицы в США, и корпорациями с другой стороны, которые заинтересованы в снижении издержек за счет

переноса производств в другие страны ЗСТ [15]. Кроме того, в ходе многочисленных переговоров по созданию Транс-Тихоокеанского партнерства между участниками блока выявились неодинаковые мнения по широкому спектру вопросов от либерализации торговли разнообразной продукцией до регулирования вопросов защиты окружающей среды [37, с. 27]. Это связано с довольно явно выраженной неоднородностью стран-участников этого объединения, что приводит к тупиковой ситуации и усложнению переговорного процесса между отдельными участниками ТПП (Таблица 3.1).

Таблица 3.1

Страны-учредители и участники переговоров по созданию Транс-Тихоокеанского Партнерства (ТПП)

Страна	Статус	Дата присоединения
Бруней	Страна-учредитель	июнь 2005
Чили	Страна-учредитель	июнь 2005
Новая Зеландия	Страна-учредитель	июнь 2005
Сингапур	Страна-учредитель	июнь 2005
США	Участник переговоров	февраль 2008
Австралия	Участник переговоров	ноябрь 2008
Вьетнам	Участник переговоров	ноябрь 2008
Перу	Участник переговоров	ноябрь 2008
Малайзия	Участник переговоров	октябрь 2010
Мексика	Участник переговоров	октябрь 2012
Канада	Участник переговоров	октябрь 2012
Япония	Участник переговоров	март 2013
Вопросы, по которым у стран участников переговоров по ТПП имеются разные мнения		
<ul style="list-style-type: none"> - доступ на рынки с/х товаров стран участников; - защита прав интеллектуальной собственности; - вопрос по разрешению инвестиционных споров между компаниями и государством; - регулирование государственных и правительственных закупок; - вопрос ужесточения трудового законодательства; - вопрос хранения компьютерных данных; - либерализация торговли текстилем и одеждой, автомобилями, экологическими товарами; - регулирование деятельности государственных компаний (SOEs) 		

Источник: Составлено автором по: [101]

По мнению некоторых ученых, в проекте ТПП просматривается намерение США ослабить экономический подъем Китая и сплотить вокруг себя

все страны АТР против Китая.⁹ Из 12 участников группы всего 5 стран относятся к азиатским странам - Бруней, Вьетнам, Малайзия, Сингапур и Япония, причем все они имеют территориальные споры с Китаем. В состав ТПП также входят партнеры США по интеграционной группе НАФТА (Канада и Мексика), традиционные союзники США в АТР (Австралия и Новая Зеландия) и еще две страны Латинской Америки (Перу и Чили). Учитывая такой состав группировки, неудивительно, что данный проект имеет явно проамериканскую направленность. Несмотря на неудачу проекта в ходе последнего саммита АТЭС, проект ТПП нельзя сбрасывать со счетов и как показали последние события, он может оказаться вполне удачной идеей. По имеющимся оценкам, участники такого реально действующего механизма будут производить 2/5 мирового ВВП и 1/3 мировой торговли [146]. Кроме того, американское руководство понимает, что с помощью только военной «ребалансировки» в рамках политики «Возвращения в Азию» невозможно поддерживать лидерство страны в АТР, и поэтому осуществление всех намеченных целей в рамках проекта ТПП является сегодня одним из важнейших приоритетов политики США.

Что касается Китая, получение поддержки его идеи на саммите АТЭС в ноябре 2014 года является очередной дипломатической победой, которая стала возможной благодаря применению «мягкой силы» в регионе, прежде всего, в Юго-Восточной Азии, и представления Пекином модели сотрудничества, которая более привлекательна для экономик развивающегося мира. Как представляется автору, это еще одно подтверждение усиления сотрудничества Китая со странами по линии «Юг-Юг». Общая зона свободной торговли, учитывающая интересы всех стран региона без исключения, всех экономических и политических моделей, создает конкурентоспособную альтернативу проекту ТПП, который очень много внимания уделяет либерализации экономик стран-участниц и взаимной торговле (Таблица 3.2).

⁹ По мнению некоторых авторов, **Транс-Тихоокеанское партнерство** (ТПП) – это вид экономической политики США по сохранению своих позиций в АТР.

Таблица 3.2

Торговля товарами США со странами ТПП, 2014 г. (в мил. долл. США)

Страна	Экспорт	Импорт	Сальдо	Товарооборот
Канада	312,125	346,063	-33,938	658,188
Мексика	240,326	294,157	-53,831	534,483
Япония	66,964	133,939	-66,975	200,903
Сингапур	30,532	16,463	14,069	46,995
Малайзия	13,136	30,448	-17,312	43,584
Австралия	26,668	10,670	15,998	37,338
Вьетнам	5,725	30,584	-24,859	36,309
Чили	16,630	9,491	7,139	26,121
Перу	10,070	6,079	3,991	16,149
Новая Зеландия	4,261	3,980	281	8,241
Бруней	550	32	518	582
Итого	726,987	881,906	-154,919	1,608,893

Составлено автором по: [184]

Для КНР, которая активно применяет в регионе «мягкую силу», развитие интеграционных процессов на основе организации АСЕАН (АСЕАН + 3 и АСЕАН + 6) имеет большое значение, поскольку это позволяет ей укрепить свое геополитическое и экономическое положение в АТР. Некоторые источники обращают внимание на чересчур жесткие требования положений договора ТПП в отношении его участников, что вызывает споры даже между самими участниками переговоров [146]. Например, некоторые страны группы выступают против принципа снижения поддержки государственных компаний, которые создают большую долю ВВП в таких странах как Вьетнам или Малайзия [23, с. 12]. В связи с этим уместно предположение, что в силу неразвитости многих стран в АТР, применение жестких правил ТПП ставит западные компании, включая японские корпорации, в более выгодное положение по сравнению с менее развитыми странами объединения. В свете последних событий, связанных с подписанием договора об образовании экономического союза в рамках ТПП, России следовало бы проводить более сбалансированную политику в отношении интеграционных проектов США и

КНР и не делать ставку только на один проект. Тем более, что основные принципы ТПП как либерализации взаимной торговли или отмена пошлин, несмотря на декларированную официальную позицию Пекина, могут вполне заинтересовать и сам Китай, который не захочет остаться в стороне от существенных изменений в интеграционном пространстве АТР. Как нам представляется, Россия должна более активно участвовать в процессе интеграции в регионе АТР, поскольку от участия в нем можно получить дополнительную экономическую отдачу, нежели полагаться только на сотрудничество с одной страной – КНР.

Следует отметить, что помимо интеграционных проектов, не менее важное значение в рамках китайско-американского противостояния в регионе АТР приобретают в последнее время события вокруг территориальных вопросов в Южно-китайском и Восточно-китайском морях.

Южно-Китайское море скрывает в себе колоссальные запасы энергоресурсов, по оценкам экспертов, превышающие запасы углеводородного сырья Ближнего Востока [208]. В Южно-Китайском море находится около 180 месторождений нефти и газа, причем в основном нефть находится на глубоководном шельфе. Помимо больших запасов нефти в акватории Южно-Китайского моря также имеются огромные запасы рыбы. Этот регион важен и с точки зрения глобальной торговли, поскольку через него проходят важнейшие морские транспортные пути. Учитывая это обстоятельство, в конфронтацию вокруг оспариваемых Параселльских островов и архипелага Спратли в этом регионе помимо непосредственных участников территориальных споров¹⁰ в последнее время очень активно вмешиваются и США.

Китай, сегодня обладающий контролем над всей территорией Параселльских островов и частично и над архипелагом Спратли, считает большую часть акватории Южно-Китайского моря своей эксклюзивной зоной

¹⁰ Прим. Участниками территориального спора вокруг Параселльских островов являются Китай, Вьетнам и Тайвань. На острова архипелага Спратли претендуют Китай, Вьетнам, Филиппины, Тайвань, Малайзия и Бруней.

влияния. Большая настойчивость КНР в отношении Южно-Китайского моря в последнее время объясняется его уязвимым положением, поскольку большинство импортированных энергоресурсов из Ближнего Востока и Африки доставляется в Китай именно через Малаккский пролив в Южно-Китайском море. Кроме того, большинство судов с китайским экспортным товаром тоже следует через акваторию Южно-Китайского моря. США, в свою очередь, прекрасно понимают уязвимость КНР или так называемую «Малаккскую дилемму» [163], и под предлогом сохранения свободы навигации на морях активно вовлечены в процесс сдерживания агрессивного поведения КНР в регионе. При этом Вашингтон делает ставку на сотрудничество со странами или группами стран, активно выступающими против территориальных претензий Китая в регионе. Немаловажную роль в этом играет сближение США с организацией АСЕАН и ее членами по отдельности, особенно с Вьетнамом. По мнению китайских властей, именно Вьетнам с 1975 года начал в водах «Наньша» - (Прим. Наньша - это китайское название архипелагов Спратли) проводить тендеры на разработку ресурсов. При этом большая часть территории, которая упоминается в тендерной документации, находится, по мнению Пекина, внутри эксклюзивной зоны Китая. Вьетнам, опираясь на разработку нефти и газа в Южно-Китайском море, превратился из нетто импортера нефти в важного экспортера нефти и газа в регионе Юго-Восточной Азии (ЮВА) [208]. Одновременно ресурсами в эксклюзивной зоне Китая в Южно-Китайском море занимаются и другие страны как США, Япония, Индия, Англия, Франция и Россия [208].

В акватории Южно-Китайского моря периодически обостряется обстановка. В последний раз эскалация конфликта наблюдалась в мае 2014 года, когда Китай установил в спорном Парасселском архипелаге платформу для глубоководного бурения под названием «Хайян шию 981» (海洋石油-981). Как считает Светлана Лурье, это произошло в эксклюзивной экономической зоне Вьетнама. Это естественно вызвало большое недовольствие со стороны

Вьетнама, который опирается на поддержку США. В этой связи важно обратить внимание на высказывания китайских исследователей Сун Чжунпин и Го Шиинь, которые уверены в необходимости ведения войны КНР с США и его союзниками за этот регион в Юго-Восточном море [208]. Появление такой риторики следует рассматривать с большой осторожностью, особенно на фоне последних событий в системе МО. Используя сложную международную обстановку, которая сегодня отличается появлением новых очагов напряженности (Украина, Ближний Восток, ИГИЛ), Китай может воспользоваться этим для более агрессивного поведения в районе спорных территорий в Южно-Китайском море. В китайских работах отмечается, что в случае возможного военного конфликта в спорных территориях этого региона, США не будут вмешиваться в военные действия. США могут принять решение о замораживании китайских активов или принять торговые санкции против Пекина. Тем не менее, для обеспечения энергетической безопасности Китая, как считают некоторые китайские эксперты, ключевым решением все-таки будет применение силы [208].

В контексте рассмотрения данного вопроса важно посмотреть и на ситуацию в Восточно-Китайском море. Здесь, как и в Южно-Китайском море, существует ряд спорных территориальных вопросов, прежде всего вокруг островов Дяоюйдао (Сенкаку). Китай и Япония рассматривают эти острова как свои исключительные экономические зоны, что в условиях обнаружения здесь крупных запасов углеводородного сырья приводит к эскалации противостояния. Ситуация осложняется тем, что новый лидер КНР Си Цзиньпин уже заявил о том, что КНР надо готовиться к победам в локальных войнах на море и превратить в реальность «китайскую мечту» [49]. Кроме того, Китай при новом китайском лидере создал в акватории Восточно-Китайского моря зону воздушного патрулирования (Air defense identification zone), несмотря на то, что такая зона в данном регионе имеется уже у Японии.

Рассмотренные нами процессы, происходящие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, свидетельствуют о большой заинтересованности США и КНР в укреплении здесь своих геополитических и экономических интересов. Важную роль для достижения такой цели помимо «жесткой силы» имеет успешное претворение в жизнь предлагаемых США и КНР интеграционных проектов в АТР. Помимо мирных интеграционных процессов в регионе наблюдается усиление агрессивной политики КНР в отношении спорных территорий, ресурсный потенциал которых вместе с проходящими здесь морскими торговыми путями мирового значения играет возрастающую роль как минимум для стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

3.3 Новые контуры мировой экономики и перспективы китайско-американских экономических отношений

Следует отметить, что на фоне сложной динамики международных отношений в начале XXI века, включая события «Арабской весны», кризиса на Украине и создания угрозы в форме исламского государства на Ближнем Востоке (ИГИЛ), развитие китайско-американских экономических отношений будет, вероятно, в определенной степени зависеть и от этих событий, равно как и от эволюции непростого характера взаимных экономических противоречий. На развитие двусторонних отношений большое влияние окажет борьба за мировое лидерство, в которой США приложат максимальные усилия для того, чтобы не потерять статус мировой экономической державы в пользу КНР. Несмотря на уверенный рост взаимного товарооборота и активизацию экономических отношений двух стран, сегодня Китай как никогда раньше заинтересован в получении доступа к новым источникам энергоресурсов и новым рынкам сбыта с целью поддержания высоких темпов своего экономического роста. В ходе этого процесса Китай вынужден считаться с тем, что США будут любыми силами стараться сохранить свое мировое лидерство и не допускать усиления своего конкурента. Последнее достигается

Вашингтоном за счет поддержания глобального военного превосходства и укрепления международных экономических структур, созданных и возглавляемых США, таких, как МВФ, Всемирного Банка и других. В таких условиях КНР, казалось бы, остается лишь постепенно укреплять потенциал и наращивать свои силы. Однако такая пассивная роль Китая может обернуться для него тем, чем в свое время закончила свой бурный рост японская экономика, а именно затяжной экономической стагнацией. Многие эксперты обращают внимание на поразительное сходство китайской экономики с моделью экономики Японии 80-х годов прошлого века, в частности на такие общие факторы двух экономик как дешевая рабочая сила, ориентация производства на экспорт, высокая норма сбережений или заниженная национальная валюта. В то же время, несмотря на все сходство этих двух экономических моделей, как нам представляется, Китай значительно отличается от Японии. После соглашения между правительствами западноевропейских стран, США и Японии об искусственном понижении доллара к иене и марке, произошло значительное увеличение внешнего долга и экономическая стагнация в Японии. Китай, в отличие от Японии, не является союзником США, на его территории не находится военная база США и в его конституции нет пункта, ограничивающего обороноспособность страны [62]. Учитывая этот фактор, можно предположить, что Китай будет принимать максимальные усилия для того, чтобы не повторить японский путь. Более того, экономическая стагнация в стране с населением около 1,5 млрд. человек могла бы обернуться для нее колоссальной социальной катастрофой, а также серьезными последствиями для всей мировой экономики. Китайское правительство прилагает большие усилия для того, чтобы не попасть в «ловушку среднего дохода» и чтобы бороться с «плохими» долгами. Также Китай очень осторожно проводит политику по допуску горячих денег в страну. В то же время в области недвижимости в КНР появляются «пузыри», растет корпоративный внутренний долг. Сценарий возможного экономического кризиса в КНР, естественно, может сказаться и на

России, которая в свете последних событий на Украине делает ставку на сотрудничество с КНР.

Одной из возможных действий Китая в будущем является продолжение линии по укреплению сотрудничества со всеми странами мира, независимо от политического режима или состояния прав человека в нем. Как уже было отмечено в первой главе диссертационного исследования, в качестве ответа на вызовы глобализации, либерализации и демократизации КНР предлагает свою концепцию «гармоничного мира», которая учитывает все разнообразие политических систем, режимов и путей экономического развития. Такая модель особенно пользуется успехом в развивающихся странах по линии «Юг-Юг».

В этой связи возникает вопрос, как будет вести себя Китай в случае спада своей экономики, который может вызвать для него большие социально-экономические потрясения? Особенно такие прогнозы актуальны сегодня на фоне падения общего объема экспорта Китая, снижения деловой активности и темпов его экономического роста. Усиление агрессивной политики КНР в акватории Южно-Китайского моря вместе с активизацией энергетической дипломатии в странах «традиционной» зоны влияния США свидетельствует о том, что Китай имеет потенциал проводить независимую внешнеполитическую линию. В то же время, этот процесс не всегда будет равен политике с «нулевой суммой», так как Китай сегодня очень сильно зависит от Америки. Тем не менее, отношения «стратегического партнерства» двух стран, которыми они обозначались после 2001 года, постепенно превращаются в отношения, которые динамично развиваются в экономическом измерении, но в геополитическом измерении они довольно неоднозначны. Более того, крах идеи «Большой Двойки» и практически переход американской администрации к применению стратегии «сдерживания» экономического роста КНР стал сигналом потери взаимного доверия двух стран. Особенно это проявилось после принятия Вашингтоном концепции «Поворота к Азии» и более жестких высказываниях в адрес Пекина относительно его валютной политики.

Концепция создания «Большой двойки» основывалась как на объективном признании того, что в настоящее время Китай и США – две главные мировые экономические державы, так и на некоторых успехах, достигнутых в рамках усиления китайско-американского сотрудничества. Большое значение для усиления взаимного доверия имели регулярные встречи КНР и США на высшем уровне, встречи представителей военных кругов обеих стран и совместные военные учения. Все это создавало необходимые предпосылки для еще большего сближения Китая и Соединенных Штатов. Сама идея США создать «Большую двойку» была изначально довольно противоречивая. В 2002 году американцы заявляли, что будут любой ценой добиваться сохранения своего лидирующего положения в мире [8], а сегодня уже готовы поделить с Китаем ответственность за мировые дела. Идея Збигнева Бжезинского [84] о совместном китайско-американском урегулировании ближневосточного, иранского и корейского вопросов дает, однако, понять, что Америке в этих вопросах будет сложно справиться одной. В условиях международного финансового кризиса и после него, потребность США в ответственном партнере еще больше усилилась. Однако возникает вопрос в необходимости такого союза для КНР. У Китая и без того много обязательств как в рамках ВТО, так и в отношении к странам развивающегося мира. В то же время, нынешнее положение Китая без обременительных союзов вполне устраивает его руководство, которое к 2020 году хочет построить общество «среднего достатка». В данной инициативе можно усмотреть стремление США наделить Китай дополнительными обязательствами, что, возможно, будет сдерживать его рост в глобальных масштабах. Помимо этого, эта концепция вполне соответствует мысли Дж. Айкенберри о стратегической необходимости вовлечения Китая в систему, которая управляется западным миром [114]. По мнению американского руководства, страны, которые могут бросить вызов нынешней системе международных отношений, управляемой Вашингтоном,

должны быть интегрированы в нее в качестве «стейкхолдеров» (ответственных государств) [202].

Об образовании союза «Большой Двойки» говорилось очень много, но более важно то, что его инициатором были США, а китайские власти, заняв сначала выжидательную позицию, в конечном счете эту идею отвергли [117]. Китайцы восприняли предложенный проект как проявление слабости американцев, которые поняли неизбежность усиления Китая в мире и пошли на сближение с целью еще большего встраивания последнего в глобальную систему управления [51].

Исходя из своей теории «гармоничного мира» и «мирного развития», Пекин старается всем показать, что страна ставит перед собой исключительно мирные цели и что внешняя политика по построению гармоничного мира направлена на обеспечение условий для стабильного внутреннего развития. Тем не менее, по мнению А. Лукина, экономические успехи последних несколько лет и укрепление статуса КНР привели к очевидному усилению национализма среди элит и к появлению довольно жестких высказываний военных аналитиков по применению военной силы. Само появление таких высказываний российский исследователь связывает с тем, что политическое руководство Китая, скорее всего, разделяет мнение представителей армии о неизбежности конфликта с США и подобные высказывания используются для зондирования реакции как внутри КНР, так и за ее границами» [51]. Новая политика Пекина, которую в печати называют «самоуверенной» или «напористой» уже включает в себя признаки некоторых из предложений военных аналитиков КНР. Таким образом, можно предположить, что с усилением националистических тенденций в Китае его руководство вряд ли согласится пойти на сближение с Вашингтоном. Этим можно объяснить и более агрессивную политику Пекина в регионе Восточной Азии, а прежде всего в Южно-Китайском море. Кроме того, Китай все более уверенно чувствует себя в странах, которые традиционно являются союзниками США и всячески

использует в свою пользу недовольство этих стран политикой США или ее отдельными проявлениями.

В экономической области независимость китайской политики проявляется в проектах создания новых по формату и содержанию международных объединений с участием стран, не находящихся в узком кругу влияния Вашингтона. В первую очередь речь идет о таких проектах как “Банк развития” в рамках БРИКС и “Азиатском банке инфраструктурных инвестиций” (АБИИ) [70]. Следует отметить, что, несмотря на критическое отношение Вашингтона и Токио, китайскую идею создания “Азиатского банка инфраструктурных инвестиций” активно поддержали и присоединились к нему многие западные страны, в том числе Великобритания, Германия, Франция и Италия [210]. “Азиатский банк инфраструктурных инвестиций” со штаб-квартирой в г. Пекин может помочь Китаю стать главным спонсором инфраструктурного развития во всем регионе Азии [98]. Как понятно из названия банка, его основной целью является кредитование и финансирование инфраструктурных проектов в Азии. КНР уже вложила в уставный фонд банка 50 миллиардов долларов США. Банк помимо прочего может стать дополнительным механизмом для кредитования к уже существующим Азиатскому банку развития, а также Всемирному банку и МВФ. Как отмечают китайские авторы, США не поддерживают идею создания нового банка, в котором большинство голосов принадлежит Пекину.

В конце 2013 года Китай предложил новую стратегию сотрудничества с другими странами под названием «Один пояс и один путь» (“One belt, one road“ – OBOR). В рамках этой стратегии выделяется Экономический пояс «Нового шелкового пути» и так называемый «Морской путь». Концепция «Нового Шелкового пути» подразумевает собой строительство широкой сети автомобильных дорог, телекоммуникационных сетей, трубопроводов, железных дорог и портов, с помощью которой Китай надеется укрепить свое положение центра торговли в регионе, а также расширить торгово-экономические

отношения со странами Африки и Европы. Сухопутный путь вышеописанной концепции представляет собой строительство инфраструктуры вдоль исторического «Шелкового пути», который когда-то соединял Европу с имперским Китаем через Центральную Азию и Ближний Восток. Китай вложил в специально созданный под данную концепцию Инфраструктурный фонд «Нового шелкового пути» уже 40 миллиардов долларов США [200]. При этом Инфраструктурный фонд (Silk Road Company) финансируется из средств валютных резервов КНР, Китайской инвестиционной корпорации, Экспортно-импортного банка Китая и Банка развития Китая. Вторая часть концепции «Один пояс и один путь» - Морской путь представляет собой строительство портов, в частности в акватории Индийского океана. Эта масштабная концепция (Прим. «Один пояс и один путь») должна обеспечить огромные бизнес возможности для многих государственных компаний КНР. Прежде всего, речь идет о больших компаниях, работающих в области строительства и инжиниринга как напр.: State Construction Engineering Corporation Limited (CSCEC), China Communications Construction Company Limited (CCCCL) или CAMCE Engineering Co., Ltd. (CAMCE). Ожидается также, что большие контракты в рамках концепции «Нового Шелкового пути» получают гиганты-производители ИТ и телекоммуникационного оборудования из КНР, всемирно известные компании Хуавэй и ЗТЕ (Huawei and ZTE). Новые контракты в странах Центральной Азии, Восточной Европе и Африке должны получить и крупные строители скоростных ж/д дорог – Чайна Норд Рэйлвей Корпорейшн (China North Railway Corporation) и Чайна Сауз Релвей Корпорейшн (China South Railway Corporation) [123]. Проект «Один пояс и один путь» в последнее время упоминается представителями КНР на каждой официальной встрече с партнерами из других стран, и это означает, что ему уделяется в КНР особое значение. Не исключено, что прогнозируемые экономические результаты от данного проекта должны восполнить потери от падения темпов экономического роста КНР. Важно сказать, что концепция «Один пояс и один путь» тесно

связана с идеей создания общей зоны свободной торговли в АТР, которую продвигает КНР как альтернативу Транс-Тихоокеанскому Партнерству (ТПП). Для того, чтобы не потерять свое влияние в АТР, США следует убедить страны региона, что они смогут предоставить им такие же экономические выгоды как КНР. Следовательно, очень много будет зависеть от перспектив претворения в жизнь двух американских проектов: ТПП в АТР и Транс-Атлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП) с Европой.

Китай усиливает свое влияние и в традиционной зоне интересов США – Латинской Америке (ЛА). Важным механизмом сотрудничества с ЛА стало подписание соглашений о свободной торговле с рядом стран региона - Чили, Перу и Коста-Рикой. Такие страны как Аргентина, Эквадор или Венесуэла получили от КНР кредитные линии на несколько миллиардов долларов [200]. В период с 2000 по 2013 год товарооборот между КНР и странами Латинской Америки увеличился в 22 раза. В июле 2014 года было также объявлено о создании форума Китай - Сообщество латиноамериканских и карибских государств (CELAC). Эти и другие факторы, в том числе активное инвестирование китайских компаний в развитие инфраструктуры Латинской Америки, способствуют вытеснению отсюда влияния США. Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, усиливающееся влияние КНР можно наблюдать и на африканском континенте. В настоящее время КНР является крупнейшим торговым партнером «черного» континента. При этом основные инвестиции и кредиты направляются в сферу добывающей промышленности, энергетики и строительства.

Учитывая вышесказанные обстоятельства, существует угроза перерастания недоверия и растущего количества китайско-американских противоречий в неизбежное столкновение. Как отмечает китайский исследователь Пей Минсинь, с момента, когда отношения США и Китая характеризовались как отношения «ни друзья, ни враги», в мире произошли большие изменения. Они заключаются, прежде всего, в том, что на фоне

ослабления США постепенно на первый план выходит КНР [143]. Следует, однако, отметить, что в среднесрочной перспективе Китай не готов бросить Америке откровенный вызов и занять ее место глобальной супердержавы. Для претворения в жизнь своих планов по построению общества «малого и среднего достатка» Китаю нужна мирная международная обстановка. Таким образом, официально декларируемая точка зрения Пекина по созданию гармоничного мира без применения силы, возможно, в наибольшей степени отвечает национальным интересам Китая на современном этапе его развития. Кроме того, по утверждению американского эксперта Джона Айкенберри, США, по-прежнему, являются единственной сверхдержавой во всем мире, и КНР не имеет возможность изменить это [114].

Тем не менее, в условиях усложнения российско-американских отношений на фоне украинского кризиса и ситуации в Сирии, Китай получает историческую возможность для передышки и усиления своей комплексной мощи. Пекин может продолжить самоуверенную линию по обеспечению своих национальных интересов, в том числе для укрепления своих геополитических и геоэкономических позиций в Восточной Азии. Учитывая такие обстоятельства, можно предположить, что Китай не пойдет на значительные уступки по всему спектру торгово-экономических противоречий с США. Помимо экономической политики вполне возможная более уверенная политика Пекина в области энергетики, включая укрепление своего влияния в Центральной Азии и в районе Южно-Китайского моря. США будет очень сложно решать несколько проблем одновременно, что лишь пойдет на пользу Китаю.

Глава Центра сравнительных политических и экономических исследований КНР Юй Кэпин считает, что «выдвинутая Китаем теория гармоничного мира имеет много общего с теорией глобального управления» [215]. Обе теории, по мнению Юй Кэпина, выступают против унилатерализма и проявления гегемонизма, призывают к разрешению общих проблем всех государств через международное сотрудничество, выступают против мира,

которым управляют США, а также подчеркивают необходимость повышения роли ООН и прилагают усилия к созданию нового мирового порядка [215]. Таким образом, теория гармоничного мира построена на ценностях, которые могут оказаться привлекательными для многих, прежде всего развивающихся стран [25]. Следует также отметить, что помимо мира и гармонии, одним из важнейших идеалов концепции гармоничного мира является и лозунг «хэ эр бу тун» или «единство без унификации». Данный идеал призывает при построении гармоничного мира учитывать большое многообразие стран, их государственный строй, модель экономического развития, систему ценностей и так далее [216]. Таким образом, Китай предлагает свою модель создания мирового порядка, в котором важно сохранение многообразия и в котором не насаждаются ценности одного государства с помощью силы. Примером такого порядка является предлагаемая Пекином идея создания общей зоны свободной торговли в АТР.

С приходом к власти Си Цзиньпина в КНР одновременно происходят два процесса – внутривластные борьба между элитами, сопровождающаяся громкими антикоррупционными делами, а также продолжающаяся экономическая реформа, вызванная необходимостью изменить экстенсивную модель развития, ориентированную в основном на экспорт. Си Цзиньпин также проводит более уверенную внешнюю политику, что противоречит принципу Дэн Сяопина «выжидать и не высовываться». Новые грандиозные проекты Китая, о которых описаны выше, включающие создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Банка развития в рамках БРИКС, осуществление крупномасштабных инфраструктурных проектов в рамках концепции «Один пояс и один путь», а также продвижение альтернативных интеграционных проектов в АТР, имеют потенциал, чтобы оказать положительное воздействие на экономический рост как минимум на Евро-Азиатском континенте.

Учитывая одновременно то обстоятельство, что новые финансовые

институты создаются скорее как дополнение, а не как противовес к существующим институтам мировой финансовой системы, России следует очень внимательно изучить возможности экономической отдачи от участия в этих проектах, равно как и от возможного совмещения этих проектов с интеграционными проектами в рамках ЕАЭС. Особый интерес вызывает международное сотрудничество по реализации крупных логистических проектов на евроазиатском континенте. В рамках «Экономического пояса Великого Шелкового пути» активно ведутся работы по строительству скоростной автомобильной дороги, соединяющей Китай с Европой (Международный транспортный коридор Европа-Западный Китай), который должен пройти и через территорию России (предполагаемый участок 2200 км). Строительство такой дороги вместе с другими инфраструктурными проектами может стимулировать экономическую деятельность и рост занятости в смежных отраслях в регионах России, по территории которых должна пройти автодорога (участок от Оренбурга до Санкт-Петербурга). В этой связи России необходимо более активно заняться строительством собственного участка дороги, которое значительно отстает от работ, проводимых в Казахстане и Китае. Помимо значительного ускорения грузоперевозок по суше, который даст реализация строительства этой автодороги, Россия могла бы предложить свой опыт строительства при осуществлении проекта на территории других государств, в частности в Казахстане, где некоторые участки дорог строят иностранные компании. По мере ожидаемого увеличения объемов поставляемых товаров из Китая в Россию и затем в страны ЕС после завершения проекта, следует изучить возможность состыковки автомобильных и ж/д перевозок, а также создания крупного транспортно-логистического центра на границе с Евросоюзом.

В то же время России необходимо обратить внимание на то, что КНР в своем будущем развитии не будет делать ставку на создание союзнических отношений с кем бы то ни было, поскольку это не отвечает основным

принципам внешней политики КНР. Учитывая сильную зависимость от американских технологий и крупный товарооборот с США [55], КНР не будет создавать слишком тесный блок с Россией, особенно в такой ситуации как сегодня, когда это может нанести ущерб китайско-американским экономическим отношениям. Кроме того, «поворот России на Восток» слишком ориентирован на Китай и приходит намного позже, чем американская политика «Поворота к Азии», о котором заговорили уже в 2011 году. В условиях неясных перспектив китайской экономики, которая уже теряет преимущество дешевой рабочей силы, России следует проводить более взвешенную политику, в том числе и по диверсификации внешнеторговых партнеров в Азии. Китай, как нам представляется, будет искусно пользоваться временной сложной ситуацией вокруг России, вызванной западными санкциями, для своих стратегических целей. Это входит в планы энергетической диверсификации для КНР, когда Россия практически идет на сильные уступки по многим проектам стратегического характера, включая подписание с Россией газовых контрактов. Более того, в китайских официальных документах все больше внимания уделяется сотрудничеству США и КНР, которые обозначают как большие государства («да син гуо цзя»), а в этой цепочке России отводится место лишь одного из региональных игроков.

Заключение

В рамках настоящего диссертационного исследования автор проанализировал и подробно изучил экономические отношения КНР и США на современном этапе. В ходе выполнения задач для достижения поставленной научной цели автор применил многочисленный инструментарий методологических подходов и пришел к следующим выводам:

1) Китайско-американские экономические отношения на протяжении последнего десятилетия развивались очень активно, что проявилось, в том числе, в углублении взаимодействия двух стран в рамках различных институтов на двустороннем и глобальном уровне. Растет количество двусторонних механизмов диалога, которые помогают укреплять доверие двух стран и позволяют обеим странам не опускать свои отношения ниже определенного уровня. Особенно следует выделить прогресс в рамках “Стратегического и экономического диалога”, на котором обсуждаются самые важные вопросы двусторонних отношений, включая финансы, макроэкономическую политику, торговлю, инвестиции, а также принципы сотрудничества по глобальным проблемам. На фоне хорошо отлаженных механизмов двустороннего взаимодействия (сегодня их около 100), между США и КНР все чаще возникают разногласия по вопросам глобального регулирования в рамках таких организаций как ВТО, МВФ или Большая Двадцатка (G20). Это связано с комплексным усилением Китая и, с другой стороны, с неготовностью США терять статус единственной супердержавы. Вместе с тем сегодня наблюдается кризис глобальных институтов регулирования, который порождает процессы региональной интеграции и усиление мер протекционизма. Развивающиеся страны, в том числе и КНР, призывают к реформе системы глобального управления, главным условием которой является наличие больших прав для развивающихся стран в решении глобальных проблем, а также ограничение политики протекционизма развитых стран в отношении стран развивающегося

мира. В этих условиях особенно заметно усиливается роль КНР в рамках «Большой Двадцатки», поскольку для решения многих мировых проблем Западу очень трудно обойтись без стран развивающегося мира, и прежде всего без КНР. Помимо этого, разногласия КНР и США в области глобального экономического регулирования вызваны разным пониманием двух стран «идентичности» КНР, характера и распределения голосов в глобальных институтах регулирования, а также усилением конкуренции китайских и американских компаний на глобальных рынках. В условиях более активного вовлечения Китая в систему глобального экономического управления, США стараются наделить его дополнительными обязательствами. Однако, учитывая нерешенную проблему построения в КНР общества «среднего достатка», Китай и впредь будет рассматривать себя в качестве развивающейся страны, которая скептически относится к роли ответственного участника («стейкхолдера»).

В рамках настоящего исследования автором была составлена подробная схема действующих механизмов или институтов экономического взаимодействия Китая и США, включая платформы общения на уровне министров, заместителей министров, экспертов и научных сотрудников. Такая схема упрощает понимание сложной системы каналов взаимного обмена мнениями, а также создает определенную базу для предсказуемости в отношениях двух стран. Рассмотренные в настоящем исследовании действующие механизмы для обмена мнениями, а также двусторонние договоры между США и КНР, создают необходимую институционально-правовую основу для взаимодействия двух стран в разных областях экономического сотрудничества.

2) Анализ экономических моделей США и КНР на современном этапе наглядно демонстрирует существенные отличия и особенности экономического развития двух стран. Однако, в условиях глобализации и интеграции всех стран в процессы мировой финансовой, торговой и инвестиционной системы, КНР и

США, несмотря на различия своих экономических моделей, все больше нуждаются друг в друге как в надежном торговом и инвестиционном партнере.

Как показано в исследовании, в КНР сегодня происходит структурная реформа всей экономической системы, направленная на увеличение внутреннего спроса. Эта реформа, скорее всего, была вызвана перегревом экономики и достижением всех допустимых пределов роста экстенсивного типа экономики. Учитывая сложные внутренние процессы в КНР, вызванные нерешенными экономическими диспропорциями, реформированием модели экономики, а также продолжающейся политической клановой борьбой, сложно предположить, что КНР в ближайшее время заменит США в качестве сильнейшей экономики мира, хотя по масштабам экономического производства она это уже сделала. Американское руководство после финансового кризиса 2008 г. и Великой рецессии 2011-2013 гг. приняло целый ряд мер по улучшению экономической «кондиции» страны (план «ARRA», реформа здравоохранения, выдача больших кредитов госкорпорациям), причем в этих мерах явно прослеживаются элементы кейнсианской политики усиления роли государства в экономике.

Несмотря на это, выявлено, что КНР и США продолжают оставаться важнейшими торгово-экономическими партнерами, о чем свидетельствует множество факторов взаимозависимости двух экономик и непрерывный рост их взаимного товарооборота. США является крупнейшим экспортным рынком и важным источником передовых технологий для КНР. Проведенный в исследовании анализ вновь подтверждает мысль о невозможности перехода стран на следующую ступень экономического развития только при помощи экстенсивных методов роста. Особое значение для превращения КНР в мировую державу помимо создания «социальных способностей» (social capabilities) и креативных кадров имеет доступ к новейшим технологиям развитых стран Запада, и поэтому КНР будет уделять особое внимание дальнейшему укреплению экономических связей с США. С другой стороны,

Китай является вторым крупнейшим торговым партнером США, важным рынком для сбыта американской продукции, а также крупнейшим держателем долговых облигаций США.

3) На основе проведенного анализа статистических данных можно отметить, что торгово-экономические отношения двух стран растут беспрецедентно высокими темпами. Тем не менее, автором было установлено, что стремительное увеличение товарооборота между КНР и США в течение последних лет не приводит к изменению несбалансированного характера двусторонних экономических отношений, проявляющегося в постоянном увеличении торгового дисбаланса в пользу КНР, а наоборот способствует усилению взаимозависимости американского потребительского и китайского инвестиционного рынков.

Кроме этого, на основании сравнения данных с применением описательной статистики и компаративного анализа было установлено, что искусственное занижение курса юаня китайским Центробанком не является определяющим фактором, влияющим на увеличение торгового дефицита США с КНР. Как было показано в ходе данного исследования, дефицит США в торговле с КНР продолжал увеличиваться как во время жесткой привязки юаня к доллару США, так и во время его постепенного усиления. Не отрицая важность ослабления национальной валюты в целях поддержки своего экспорта, особенно на краткосрочных отрезках своего развития, нельзя в то же время отрицать и роль других факторов в увеличении дисбаланса в торговле США с КНР. Дефицит США в торговле с КНР растет в том числе из-за усложнения цепочки мирового производства и связанного с этим перемещения производства крупнейших американских ТНК на территорию КНР, что приводит к сложностям для объективного анализа статистических данных.

Вместе с тем в структуре взаимной торговли отмечен стремительный рост экспорта продукции американских компаний на рынок КНР, главным образом в области поставок автомобилей и самолетов. Это связано с

увеличением покупательной способности населения КНР и роста потребительского спроса. Кроме того, можно выделить следующие признаки современных торгово-экономических отношений КНР и США: реэкспортный характер торговли, большая доля трудоемкой и переработанной продукции в экспорте КНР и капиталоемкой продукции в экспорт США, а также несбалансированность и взаимозависимость двусторонней торговли.

4) Одновременно на фоне увеличения товарооборота в китайско-американских экономических отношениях наблюдается тенденция роста количества противоречий и взаимного недоверия. Это проявляется в росте взаимных протекционистских мер, строгом контроле США над экспортом технологий, прежде всего технологий «двойного назначения», неготовности двух стран открывать некоторые отрасли экономики для взаимных инвестиций или применение тарифных или нетарифных барьеров для проникновения на свой рынок.

Помимо «традиционных» противоречий в китайско-американских экономических отношениях, таких как манипулирование китайских властей с курсом юаня или субсидирование китайских товаров, в последнее время в двусторонних отношениях большое внимание привлекает новая угроза, а именно кибернетическая преступность. На основании полученных данных нельзя исключить, что в кибернетических атаках принимают участие соответствующие государственные структуры, которые заинтересованы в получении чувствительной информации, необходимой для развития отдельных предприятий, целых отраслей экономики и даже для всей системы безопасности стран. Вопрос нарушения прав интеллектуальной собственности в Китае будет актуален и в будущем, несмотря на декларированный китайскими властями значительный прогресс в деле улучшения режима защиты этих прав. Это можно объяснить отсутствием в Китае не столько эффективного государственного механизма, который бы сдерживал рост преступности в данной области, сколько отсутствием «воли» со стороны китайских властей

исполнять свои намерения. Кроме того, китайский истеблишмент в неофициальных кругах не критикует такие нарушения, так как иностранные технологии необходимы для технологического подъема Китая и для создания общества «среднего достатка».

Кроме того, необходимо отметить, что многие противоречия в двусторонних торгово-экономических отношениях США и КНР слишком политизированы, и иногда имеют необоснованный характер. Особенно это касается американских обвинений КНР в том, что ее экономическая и валютная политика приводит к сокращению рабочих мест в США или к созданию дисбалансов в пользу Китая. В то же время следует сказать, что проводимая жесткая линия Китая по разработке своих собственных передовых технологий (*indigenous innovations*) при помощи создания совместных компаний с крупными инвесторами (*joint ventures*) и защиты отечественного производителя не дает американским ТНК возможность полностью реализовать свой потенциал на китайском рынке.

5) На основе проведенного анализа основных тенденций инвестиционного сотрудничества двух стран автор диссертационного исследования пришел к нескольким выводам. Основная доля в инвестиционном портфеле КНР в США приходится на казначейские ценные бумаги США, главным образом на долгосрочные долговые облигации. При этом установлено, что несмотря на относительное снижение темпов закупок КНР американских ценных бумаг после 2011 года, китайские власти помимо частичной диверсификации валютных резервов и заключения «своповых» соглашений с другими странами, пока не имеют другой более выгодной возможности для преумножения прибыли от золотовалютных резервов, чем вкладывать долларовые резервы в американские казначейские ценные бумаги. Это в определенной степени связано с низкой ликвидностью ценных бумаг других стран и наоборот с высоким кредитом доверия китайского правительства к американской экономике. В последние годы также наблюдается тенденция

постепенного превращения КНР из нетто получателя ПИИ в нетто экспортера ПИИ, хотя в 2014 году КНР стала крупнейшим получателем ПИИ в мире. Автором было также выявлено, что несмотря на незначительные объемы американских инвестиций в НИОКР на территории КНР, американские инвестиции в Китай сопровождаются экспортом современных технологий, новых методов производства и продвинутых процедур управления, которые важны с точки зрения качественного развития экономики КНР и повышения ее конкурентоспособности.

Кроме того, установлено, что инвесторы КНР и США сталкиваются с объективными трудностями при взаимном инвестировании, которые вызваны с одной стороны строгим контролем китайских властей за отдельными отраслями экономики, а также недоверием США к сделкам с китайскими государственными корпорациями, которые пользуются государственной поддержкой в форме субсидий и дешевых займов. Для улучшения инвестиционного климата в отношениях двух стран необходимо продолжить переговоры по заключению двустороннего инвестиционного соглашения (Bilateral Investment Treaty), которые ведутся в рамках “Стратегического и экономического диалога”. Подписание инвестиционного соглашения важно с точки зрения создания равных условий для доступа китайских и американских инвесторов на взаимные рынки.

б) В ближайшее годы от того, каким образом Китай и США как крупнейшие потребители энергии в мире будут решать вопросы своей энергетической безопасности, будет зависеть общее развитие и динамика мирового рынка энергоресурсов. КНР, предлагая другим странам новую модель энергетического сотрудничества, основанную на двусторонних отношениях в обход мирового рынка, старается максимально эффективно диверсифицировать поставки энергоресурсов, необходимых для обеспечения своей энергетической безопасности. При этом энергетическую политику с «нулевой суммой», которую предлагает Китай, могут использовать и уже начинают использовать и

другие развивающиеся страны. Этот подход может привести к переформатированию существующего международного порядка управления энергетическим рынком, в котором важное место занимает Международное энергетическое агентство или ОПЕК, в которые Китай не входит.

Автором было выявлено, что после начала «сланцевой революции» в США и вслед за очевидным снижением доли африканской нефти в импорте США, КНР открывается возможность значительно диверсифицировать свои поставки нефти за счет африканских поставщиков. В связи с прогнозом роста добычи нефти в Африке на 91% до 2025 года ожидается, что несмотря на транспортные издержки, доля африканских энергоресурсов должна вырасти в импорте Китая, учитывая планы по дальнейшему росту потребления нефти в КНР, а также в связи с нестабильной обстановкой на Ближнем Востоке.

Вместе с этим Китай в ходе процесса по обеспечению энергетической безопасности бросает вызов Вашингтону в зоне его традиционного влияния. Особенно стоит отметить его сотрудничество с Саудовской Аравией, традиционным союзником США, который сегодня поставляет больше нефти Китаю, чем США. Автором выявлена тенденция активизации китайских национальных компаний на задворках США, а именно в Латинской Америке (Венесуэла, Аргентина или Бразилия) и в Канаде, что было практически немыслимо десять лет тому назад.

Несмотря на наличие противоречий по целому ряду энергетических вопросов мирового значения, нельзя не отметить, что обе страны заинтересованы в более стабильных и доступных поставках энергоресурсов. Выгода, которую могут обе страны получить благодаря энергетическому сотрудничеству, выходит за пределы коммерческих соображений и создает основу для усиления доверия в двусторонних отношениях. В то же время, как нам представляется, с учетом неоднозначных результатов «сланцевой революции» в США, вопрос энергетического взаимодействия с КНР будет и впредь играть важную роль во внешнеэкономической политике США.

7) Происходящие сегодня процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе свидетельствуют о большой заинтересованности США и КНР в укреплении здесь своих геополитических и экономических интересов. Важное значение для достижения такой цели помимо «жесткой силы» имеет успешное претворение в жизнь предлагаемых США и КНР интеграционных проектов в АТР. Было установлено, интеграционные стратегии КНР в АТР до подписания договора о создании ТПП являлись более гибкими и отвечающими требованиям многих стран. Это подтвердилось в ходе саммита АТЭС в конце 2014 года, где лидеры стран участников саммита отдали предпочтение идее Китая о совместной разработке Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП – Free Trade Area of the Asia Pacific). Реализации американского проекта ТПП долгое время мешало наличие противоречий, существующих между самими странами-участниками переговоров по созданию такого интеграционного блока. Успех китайского проекта ЗСТ в рамках АТР является и подтверждением успеха политики Пекина по созданию «гармоничного мира» и экономического сотрудничества между странами по линии «Юг-Юг». Помимо мирных интеграционных процессов в регионе наблюдаются признаки агрессивной политики КНР вокруг оспариваемых территорий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, ресурсный потенциал которых вместе с проходящими здесь морскими торговыми путями мирового значения играет возрастающую роль как минимум для стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В исследовании отмечено, что районы Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей имеют стратегическое значение в деле обеспечения энергетической безопасности КНР, что самым непосредственным образом будет влиять на китайско-американское взаимодействие в АТР.

8) Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что в среднесрочной перспективе КНР будет стараться ослабить влияние США в мире, прежде всего, посредством применения «мягкой силы» и продвижением альтернативных идей социально-экономического развития. Кроме того, Китай

не пойдет на экономическую конфронтацию с США, поскольку открытое китайско-американское противостояние могло бы нанести серьёзный удар по строительству общества «среднего достатка» в КНР. Одновременно с применением «мягкой силы» КНР значительно усилилась, и впредь будет усиливаться в региональном измерении. С усилением КНР в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии не исключен рост напряженности вокруг спорных островов в акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского моря, где находятся потенциально большие источники неразведанного углеводородного сырья.

Несмотря на множество внутренних проблем в КНР, мы являемся свидетелями активной инвестиционной деятельности Пекина в Европе, Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Канаде. Такая активная политика КНР практически на всех континентах мира создает конкуренцию для США в зоне его «традиционного влияния».

Автором впервые довольно подробно рассматриваются проекты КНР по увеличению своего экономического влияния не только в Восточной Азии, но и вдоль когда-то существующего «Шелкового пути». Создание «Азиатского банка инфраструктурных инвестиций», проект «Один пояс и один путь», и уже упоминаемый интеграционный проект по созданию общей зоны свободной торговли в АТР должны привести к укреплению позиций КНР в рассматриваемых регионах, а также создать альтернативу или дополнение к существующим механизмам экономического регулирования и предлагаемым американским проектам.

Китай может воспользоваться заинтересованностью стран Западной Европы, в том числе союзников США, к проекту создания «Азиатского банка инфраструктурных инвестиций». Данный проект, являясь прообразом новой формы сотрудничества между Западом и Востоком, открывает новые возможности для участия европейских стран в инфраструктурных, торговых и инвестиционных процессах на Евро-азиатском континенте.

Вместе с выводами автором предлагаются следующие рекомендации:

В условиях перспективного укрепления российско-китайских отношений на фоне ухудшения отношений России с Западом, как представляется автору, российским властям следует обратить внимание на то, что в последнее время китайско-российские экономические отношения отстают от развития политических отношений. В деле усиления китайско-российских экономических отношений следовало бы уделять больше внимания двусторонним проектам, в которых Россия выступает в качестве производителя товаров с большей добавленной стоимостью. При этом перспективы энергетического сотрудничества двух стран, в частности в рамках проекта «Сила Сибири» (так называемый восточный маршрут) и «Сила Сибири-2» (западный маршрут), в условиях значительного падения цен на нефть и газ, а также в силу увеличивающейся конкуренции на рынке поставщиков энергоносителей, пока неясны и довольно противоречивы. Кроме того, энергетические проекты не отражают инновационный путь для развития России. В то же время, России следовало бы больше внимания уделить всестороннему и наполненному реальным содержанием развитию отношений не только с КНР, но и с другими странами Азии, а также продолжать развивать отношения с ЕС.

В рамках проводимой политики по импортозамещению для России представляется важным уделить внимание созданию своей технологической базы, опираясь на опыт и достижения Китая. Особенно интересным может быть изучение опыта Китая в образовании совместных предприятий с иностранными производителями (joint ventures), в том числе американскими, и требований по увеличению локализации производства на территории России. Необходимо проводить более жёсткую политику по защите домашних производителей, отдавая им предпочтение при выборе подрядчиков в государственных тендерах или как в случае с КНР, выработать правила, при которых для участия в тендерах в стратегических секторах экономики необходимо создание совместного предприятия с российским субъектом. Нужно проводить более

активную политику по повышению локального производства во всех выпускаемых товарах. Для достижения реального результата необходимо ужесточение уголовного кодекса в отношении нарушения закона в области государственных закупок, что позволило бы более эффективно распределять бюджетные ресурсы в данной области и увеличить расходы на НИОКР.

Кроме того, как нам представляется, в условиях роста значимости проекта КНР «Один пояс и один путь» России следовало бы обратить больше внимание на географическую близость двух стран и наработанный потенциал двустороннего сотрудничества. Одновременно следует заняться изучением всех возможных преимуществ от участия в проекте строительства скоростной автомобильной дороги, соединяющей Китай с Европой (Международный транспортный коридор Европа-Западный Китай) в рамках стратегии «Экономического пояса Великого Шелкового пути». При этом опыт России в строительстве дорог и соответствующей инфраструктуры может быть использован и в других странах-участницах проекта, в частности в Казахстане. Вместе с этим, как нам представляется, было бы целесообразно разработать концепцию, которая бы подчеркивала отсутствие конкуренции и создала бы основы для активного сотрудничества между китайским проектом «Экономического пояса Великого Шелкового пути» и, по основной сути, российским проектом ЕАЭС. Состыковка этих проектов может создать дополнительный синергетический эффект, который будет способствовать укреплению российско-китайского сотрудничества.

С учетом падения экономического роста в КНР и связанного с этим обострения социально-экономических проблем внутри страны, России следовало бы проводить более взвешенную и диверсифицированную политику «Поворота на Восток». Помимо этого, следует обратить внимание на то, что Китай не будет создавать слишком тесный союз с Россией, поскольку это не отвечает основным принципам его внешнеэкономической политики. Несмотря на отсутствие взаимного доверия между КНР и США по многим вопросам

глобального регулирования, Китай делает сегодня ставку на сотрудничество с США. Отсутствие конфронтации с США и мирная международная обстановка являются важными условиями для создания в Китае общества «среднего достатка».

Список литературы

1. Agreement between the government of the United States of America and the government of the People's Republic of China on cooperation in science and technology [Электронный ресурс]: Сайт CERC. – URL: http://www.us-china-cerc.org/pdfs/US_China_Scientific_Technological_31_Jan_1979.pdf (Дата обращения: 11.2.2015)
2. Agreement on government procurement [Электронный ресурс]: Сайт ВТО. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gpr-94_e.pdf (Дата обращения: 23.4.2014)
3. Memorandum of Understanding to enhance cooperation on Climate Change, Energy and Environment between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China [Электронный ресурс]: Сайт Министерства иностранных дел США. – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/126802.pdf> (Дата обращения: 10.2.2015)
4. Revisions and Clarifications of Export and Re-export Controls for the People's Republic of China. [Электронный ресурс]: Сайт Государственного департамента США. – URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/forms-documents/doc_view/352-june-19-2007-rule (Дата обращения: 17.5.2014)
5. Sino US Plan of Strategic cooperation in agriculture. [Электронный ресурс]: Ministry of agriculture of the PRC. – URL: http://english.agri.gov.cn/ic/ao/201304/t20130412_19392.htm (Дата обращения: 22.7.2014)
6. Strategic Trade Authorization License Exception [Электронный ресурс]: Сайт Министерства торговли США. – URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/forms-documents/doc_view/231-sta (Дата обращения: 14.4.2014)
7. The export administration act of 1979 [Электронный ресурс]. – URL: <http://legcounsel.house.gov/Comps/ea79.pdf> (Дата обращения: 20.11.2013)

8. The National Security Strategy of the USA 2002 [Электронный ресурс]: Сайт администрации президента США. – URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/index.html> (Дата обращения: 5.2.2015)
9. The National Security Strategy of the USA 2015 [Электронный ресурс]: Сайт администрации президента США. – URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (Дата обращения: 16.6.2015)
10. The United States – China Intellectual Property Rights (IPR) Cooperation Framework Agreement [Электронный ресурс]: Сайт Государственного департамента США. – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/198475.pdf> (Дата обращения: 27.3.2015)
11. U.S. – China Relations Act [Электронный ресурс]. – URL: www.govtrack.us/congress/bills/106/hr4444/text (Дата обращения: 17.06.2014)
12. Авдокушин Е.Ф. О сути и особенностях китайской экономической модели// Вопросы новой экономики. - 2013. - № 1. - С. 23-28.
13. Аксенов П.А. Торгово-экономические отношения КНР и США в начале XXI. века: автореф. дис. канд. эконом. наук. Москва, 2012.
14. Александров Д.А., Ипполитов И.В., Попов Д.С. Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. - М.: РИСИ, 2013. - 166 с.
15. Арапова. Е. США и Транс-Тихоокеанское партнерство: социальные интересы против экономических и политических. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document247280.phtml> (Дата обращения: 11.12.2014)
16. АТЭС выбрал вариант Китая, США проигнорировали [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/49251> (Дата обращения: 20.01.2015)
17. Башкатова А. Глобализм с человеческим лицом [Электронный ресурс] – URL: http://www.ng.ru/economics/2011-04-06/1_globalizm.html (Дата обращения: 24.10.2014)

18. Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей//Проблемы Дальнего Востока.- 2006. - №1. - С.34-51.
19. Бергер Я.М. «Сменить ежа на сокола» Вражеское полукольцо от китайского полковника [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vremya.ru/2010/59/5/251198.html> (Дата обращения: 18.10.2014)
20. Бергер Я. М. Эволюция геополитических взглядов в Китае//Проблемы Дальнего Востока. - 2010.- №4. - С.23-37.
21. Бергер Я.М. Экономическая стратегия КНР.– М.: ИД Форум, 2009. – 560 с.
22. Бжезинский З. Великая Шахматная Доска. – М.: Международные отношения, 1998. - 280с.
23. Бирюкова О.В. Азиатско-Тихоокеанский регионализм набирает обороты//Международная экономика. - 2015. – №1. – С.9-13.
24. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) — М.: Конверт — МОНФ, 1997. Г.4.
25. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая//Pro et contra. Ноябрь-Декабрь 2007.- С.41-60
26. Быков П. На полном ходу//Эксперт. 2010. - №12. - С. – 18-21.
27. Габуев А. Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодун//Проблемы Дальнего Востока. – М. : - 2010. - №3. – С. 78-95.
28. Габуев А. Вперед к застою [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2235270> (Дата обращения: 02.03.2014)
29. Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен!». РАН ИДВ. – М.: – 2009. - 127 с.
30. Гельбрас В.Г. Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления. – М.: Международные отношения. – 313 с.
31. Джани Ф. Китай- США: Сотрудничество или противостояние? [Электронный ресурс]: Международное агентство новостей «Фергана». – URL: <http://www.fergananews.com/articles/6872> (Дата обращения: 01.09.2013)

32. Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН. 2008. – 326с.
33. Емельянов С.В. Приоритеты финансирования НИОКР [Электронный ресурс]: Россия и Америка в XXI. В. – 2012. №1. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=316> (Дата обращения: 05.06.2015)
34. Закиев Р. Кризис по-китайски [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2009/09/01/kitay-krizis-site.html> (Дата обращения: 01.09.2013)
35. Иноземцев В.Л. Пределы “догоняющего” развития. М.: Экономика, 2000. - 296 с.
36. Итоги Пекинского саммита АТЭС [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2015-01/12/content_662857.htm (Дата обращения: 12.01.2015)
37. Кадочников П.А., Флегонтова Т.А. Перспективы и противоречия переговоров по созданию Транс-Тихоокеанского Партнерства. Российский внешнеэкономический вестник. №9. 2014. - С. 21–30.
38. Карпов М.В. Китайское экономическое чудо завершается [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fontanka.ru/2015/07/09/109/> (Дата обращения: 11.08.2015)
39. КНР - крупнейший торговый партнер Африки. [Электронный ресурс] – URL: <http://cctv.cntv.cn/2014/05/04/VIDE1399183322423777.shtml> (Дата обращения: 08.11.2014)
40. Китайская таможня. [Электронный ресурс]. – URL: www.customs.gov.cn (Дата обращения: 23.05.2015)
41. Кокшаров А. Гегемония без фанатизма А. Кокшаров//Эксперт №12., 2010. С. – 38-40.
42. Костюнина Г. Экономическая регионализация Восточной Азии: Успехи и проблемы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document235215.phtml> (Дата обращения: 02.03.2014)

43. Котляров Н.Н. Внешнеэкономические связи КНР: Дис. кан. эконом. наук. МГИМО, Москва, 1990.
44. Лебедева Л.Ф. Экономическое значение социальной политики Б. Обамы [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI в. – 2011. №2. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=276> (Дата обращения: 06.10.2013)
45. Лексютина Я.В. Противоречия между США и КНР в районе Южно-Китайского моря. 2011. [Электронный ресурс]. – URL: http://spbu.ru/files/scientific_works/leksutina/15.pdf (Дата обращения: 11.10.2014)
46. Лузянин С. Американо-китайский саммит в Калифорнии. Отношения нового типа? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document239156.phtml> (Дата обращения: 12.04.2014)
47. Лузянин С.Г. Измерения российско-китайских отношений в АТЭС. Региональные факторы влияния и взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII: ежегодное издание / отв. Редактор Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН. 2012.
48. Лузянин С.Г. Китайский фактор в АТЭС: Ограничитель или стимулятор? [Электронный ресурс]. – URL: http://rus.ruvr.ru/2012_04_26/73058045/ (Дата обращения: 05.07.2014)
49. Лузянин С.Г. Китай-Япония: логика отношений [Электронный ресурс]. – URL: www.mgimo.ru (Дата обращения: 06.07.2014)
50. Лузянин С.Г. Экология с китайской спецификой: между желаемым и действительным [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document240932.phtml> (Дата обращения: 06.07.2014)
51. Лукин А.В. "Китайская мечта" и будущее России//Россия в глобальной политике. - Март-апрель 2010. - № 2.
52. Луконин С.А. Луконина Ю. Притормозил, чтобы разогнаться//Профиль. – 2012. – № 23: 18 июня. – С. 55-56.

53. Лукьянов А.Е., Переломов Л. Сяокан в китайской цивилизации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/lukjanov_sjao-kan.htm (Дата обращения: 06.07.2013)
54. Медведева Е.Ю. Американская модель развития экономики и ее преимущества / Е.Ю. Медведева//Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 4 – С. 16-17.
55. Михеев В.В. Восточноазиатская “многополярность”: треугольник Россия–Китай–США//Мировая экономика и международные отношения. – 2009 – № 1. – С. 17-25.
56. Най С. Дж. Будущее власти / Джозеф С. Най ; - М.: АСТ, 2014. – 444с.
57. Островский А.В. Основные проблемы китайской экономики в 12-й пятилетке (2011-2015) // Экономика КНР в свете решений XVIII съезда КПК. Ч. 1 / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. В 2 частях – М., ИДВ РАН, 2013. – С. 5-15.
58. Пивоварова Э.П. Что такое «социализм с китайской спецификой»?//Азия и Африка сегодня. – 2011. - №8. - С. 60-64.
59. Поливач А. Проблема заниженного курса юаня в торговых отношениях США и Китая//Мировая экономика и международные отношения. - 2012. - № 3. - С. 20-28.
60. Пороховский А.А. Американская экономическая модель: «За» и «Против»// Россия и Америка в XXI веке.
61. Романова К. Китай задавит Штаты демпингом. ВТО встала на сторону Китая в споре против антидемпинговых мер США. 16.07.2014 [Электронный ресурс]. – URL: www.gazeta.ru (Дата обращения:14.03.2015)
62. Синдзо Абэ ревизует мирную Конституцию//Независимая газета. 03.07.2014
63. Скрябина М.С. Перспективы «Сланцевой революции» и проблемы энергетики Китая. [Электронный ресурс]: Вестник МГИМО – Университета.

2013. №1. – URL: http://www.mgimo.ru/files/236210/skryabina_eco.pdf (Дата обращения: 11.06.2014)
64. Супян В.Б. Современная социально-экономическая модель США//Международные процессы. – 2007. –№ 12. – С. 21-23.
65. США насторожены сближением Китая с Саудовской Аравией. [Электронный ресурс]. – URL: <http://newdaynews.ru/inworld/64885.html> 25.04.06 (Дата обращения: 12.10.2014)
66. Тинтин Ф. Энергетический фактор во внешней политике КНР//Мировая экономика и международные отношения. - 2011. - № 8. - С. 87-90
67. Титаренко М.Л. Китай на марше: О достижениях и перспективах развития страны в XXI веке//Проблемы Дальнего Востока. - 2009. – № 5. – С. 27-38.
68. Тол Г. Возможно ли отсутствие Америки на Ближнем Востоке через 15 лет? [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/world/20131218/215780694.html>
69. Труш С. М. Динамика отношений КНР-США. Мотивации России. США и Канада: Экономика, политика, культура. - 2011. - №4 - С. 19-42.
70. Федоровский А.Н. Стабилизация международной обстановки в Северо-Восточной Азии [Текст] / Федоровский А. Н.//Запад – Восток – Россия. — 2015. — № Ежегодник. — С. 160-163.
71. Фукуяма Ф. Конец истории? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (Дата обращения: 15.06.2013)
72. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика после Великой рецессии: слабая динамика, влияние дуновений холодной войны. Вестник РЭУ им Г.В. Плеханова. - 2015. - №1.
73. Цывинский О. Частное дело китайцев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2011-11/75214-chastnoe-delo-kitaitsev> (Дата обращения 03.11.2013)
74. Abramowitz M. Catching up, Forging Ahead, and Falling Behind [Электронный ресурс]: The journal of Economic History (Jun., 1986). 385-406.– URL: <http://sites->

final.uclouvain.be/econ/DW/DOCTORALWS2004/bruno/adoption/abramovitz.pdf

(Дата обращения: 07.08.2014)

75. Adams F.G. Why is China so competitive? Measuring and explaining China's competitiveness. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.economics.hawaii.edu/research/workingpapers/WP_04-6.pdf (Дата

обращения: 19.09.2014)

76. A decade in the WTO: Implications for China and Global Trade Governance [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.ictsd.org/downloads/2011/12/a-decade-](http://www.ictsd.org/downloads/2011/12/a-decade-in-the-wto-implications-for-china-and-global-trade-governance.pdf)

[in-the-wto-implications-for-china-and-global-trade-governance.pdf](http://www.ictsd.org/downloads/2011/12/a-decade-in-the-wto-implications-for-china-and-global-trade-governance.pdf) (Дата

обращения: 02.12.2014)

77. American Bar Association [Электронный ресурс]. – URL:

<http://www.americanbar.org/aba.html> (Дата обращения: 03.06.2014)

78. American Business in China, 2013. [Электронный ресурс]. – URL:

<http://web.resource.amchamchina.org/cmsfile/2013/04/23/bdc6b202456080c09530a66d8c5ea48d.pdf> (Дата обращения: 16.08.2014)

79. Artz K. North Dakota oil production surpasses OPEC nation Ecuador. [Электронный ресурс]. – URL: [http://news.heartland.org/newspaper-](http://news.heartland.org/newspaper-article/2012/03/09/north-dakota-oil-production-surpasses-opec-nation-ecuador)

[article/2012/03/09/north-dakota-oil-production-surpasses-opec-nation-ecuador](http://news.heartland.org/newspaper-article/2012/03/09/north-dakota-oil-production-surpasses-opec-nation-ecuador) (Дата

обращения: 12.10.2014)

80. Asia and Pacific. Regional Economic Outlook. International Monetary Fund. April, 2014.

81. Boeing Corporation, Current Market Outlook: 2013-2032, September 5, 2013.

[Электронный ресурс]. – URL: [http://www.cme-](http://www.cme-mec.ca/download.php?file=4yoc7eob8.pdf)

[mec.ca/download.php?file=4yoc7eob8.pdf](http://www.cme-mec.ca/download.php?file=4yoc7eob8.pdf) (Дата обращения: 18.07.2014)

82. BP Statistical review of World Energy, June 2014. [Электронный ресурс]. –

URL: [http://www.naftogaz-europe.com/newsfiles/BP-statistical-review-of-world-](http://www.naftogaz-europe.com/newsfiles/BP-statistical-review-of-world-energy-2014-full-report.pdf)

[energy-2014-full-report.pdf](http://www.naftogaz-europe.com/newsfiles/BP-statistical-review-of-world-energy-2014-full-report.pdf) (Дата обращения: 02.06.2015)

83. Brzezinski Zbigniew. "Make Money, Not War"//Foreign Policy 146. January-February 2005.

84. Brzezinski Zbigniew. The Group of Two that could change the world//The Financial Times. January 13, 2009.
85. Bureau of Economic Analysis.
86. Campbell K.M., Rainer A. Far Eastern Promises. Why Washnigton should focus on Asia//Foreign Affairs. - May/June 2014. - С. 106-111.
87. Catalogue for the Guidance of Foreign Investment Industries. MOFCOM. [Электронный ресурс]. – URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/aaa/201203/20120308027837.shtml> (Дата обращения: 02.11.2014)
88. CIA World Factbook 2014 [Электронный ресурс]. – URL: www.cia.org (Дата обращения: 21.05.2015)
89. Chen Weihua. China-Russia-US triangle discussed in Washington [Электронный ресурс] // China Daily USA. – URL: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2014-06/10/content_17575316.htm (Дата обращения: 17.11.2015)
90. China – Analysis – U.S. Energy Information Administration. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=ch> (Дата обращения: 13.05.2015)
91. China and the U.S. economy: Advancing a winning trade agenda. [Электронный ресурс]: The US-China Business Council. - URL: <http://uschina.org/reports/trade-agenda-may-30-2013> (Дата обращения: 23.04.2014)
92. China’s approval proces for inbound foreign direct investment: Impact on Market Access, National treatment and transparency [Электронный ресурс]. – URL: https://www.uschamber.com/sites/default/files/legacy/reports/020021_China_InboundInvestment_Cvr.pdf (Дата обращения: 08.05.2013)
93. China, US Sign Energy Accord [Электронный ресурс]. – URL: <http://us2.mofcom.gov.cn/aarticle/bilateralcooperation/bilateralagreement/200709/20070905118425.html> (Дата обращения: 27.05.2014)
94. Cyber Espionage and the Theft of U.S. Intellectual Property and Technology” Testimony of Larry M. Wortzel before the House of Representatives, July 9, 2013.

95. China and the U.S. economy: Advancing a winning trade agenda. The US-China Business Council [Электронный ресурс]. – URL: <http://uschina.org/reports/trade-agenda-may-30-2013> (Дата обращения: 17.04.2014)
96. Daly J. In 2014 Chine-African trade will surpass \$200 billion [Электронный ресурс]. – URL: <http://oilprice.com/Energy/Energy-General/In-2014-Chinese-African-trade-will-surpass-200-billion.html> (Дата обращения: 21.10.2014)
97. EIA- Annual Energy Outlook. 2015 [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383\(2015\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383(2015).pdf) (Дата обращения: 11.07.2015)
98. Economy E.C. China's Imperial President Xi JinPing Tightens His Grip//Foreign Affairs. November-December.2014. p. 88
99. Fang Cai., Wen Zhao. Chinese research perspectives on Population and Labour. When demographic dividends dissappear. P. 46-63.
100. Fergusson I. F. The Export Administration Act: Evolution, Provisions, and Debate. July 15, 2009. [Электронный ресурс] – URL: <http://fas.org/sgp/crs/secretary/RL31832.pdf> (Дата обращения: 12.08.2015)
101. Fergusson I.F. The Trans-Pacific Partnership (TPP) Negotiations and Issues for Congress. Congressional Research Service. March 20, 2015.
102. Foreign portfolio holdings of U.S. securities [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/shla2012r.pdf> (Дата обращения: 14.08.2015)
103. Friedman G. Recognizing the end of the Chinese economic miracle [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stratfor.com/weekly/recognizing-end-chinese-economic-miracle> (Дата обращения: 25.07.2013)
104. Ghafouri M. China's policy in the Persian Gulf. Middle East Policy Council. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mepc.org/journal/middle-east-policy-archives/chinas-policy-persian-gulf> (Дата обращения: 19.10.2014)
105. Global Investment Trends Monitor. UNCTAD. 29 January 2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2015d1_en.pdf (Дата обращения: 15.04.2015)

106. Hale D. D. Reconsidering revaluation: The Wrong Approach to the U.S.-Chinese Trade Imbalance / David D. Hale// Foreign Affairs. Volume 87 №1 January/February 2008. P. 57-66.
107. Hammer A. Jones L. Wang Z. Methodology of U.S.-China-Hong Kong Triangular Merchandise Trade Statistic Reconciliation. U.S. International Trade Commission. August 2013.
108. Hanemann T. Gao C. Chinese FDI in the United States: Q2 2014 Update. Rhodium group. – URL.: <http://rhg.com/notes/chinese-fdi-in-the-united-states-q2-2014-update> (Дата обращения: 12.04.2015)
109. Hao Yufan. Sino-American Relations: Challenges ahead. 2010. P.148.
110. Herberg M. China's Energy Rise And The Future Of U.S.- China Energy Relations. The National Bureau of Asian Research. June 21, 2011.
111. Hoo Tiang Boon Institutionalisation of US-China relations / Tiang Boon Hoo [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/08/03/the-growing-institutionalisation-of-us-china-relations/> (Дата обращения: 24.05.2014)
112. Hout T. China vs the World: Whose technology is it? // Harvard Business Review. December, 2010.
113. Hurst C. China's oil rush in Africa. [Электронный ресурс]: Energy security. IAGS. – URL: <http://www.iags.org/chinainafrika.pdf> (Дата обращения: 11.12.2014)
114. Ikenberry G. John. The illusion of geopolitics. The enduring power of the unilateral order // Foreign Affairs. May/June 2014. p. 80 – 90.
115. Invest in China [Электронный ресурс]. – URL: www.fdi.gov.cn (Дата обращения: 20.12.2014)
116. Intellectual Property: Source of innovation, creativity, growth and progress. International Chamber of Commerce. August 2005.
117. Jian Junbo. China says 'no thanks' to G-2 [Электронный ресурс] // Asia Times. – URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html> (Дата обращения: 11.07.2014)

118. Joint U.S.-China Economic Track Fact Sheet of the Fifth Meeting of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl2010.aspx> (Дата обращения: 15.04.2015)
119. Kassim Y.R. Asia Pacific Economic Leadership: Shifting from the US to China? S. Rajaratnam school of international studies. No.222-13 November 2014.
120. Kenneth N. Waltz. Structural realism after the Cold War / G. John Ikenberry (ed.), America Unrivaled: The Future of the Balance of Power. NY: Ithaca, 2002. Pp. 56-62.
121. Kennedy S., Fan H. The United States, China and Global Governance: A new agenda for a new era. The Research Center for Chinese Politics and Business, Indiana University. April, 2013.
122. Labonte M. Morrison M. Wayne. China's currency policy: An analysis of the economic issues. Congressional Research Service. July 22, 2013. 49 p.
123. Lam W. One belt, One Road Enhances Xin Jinping's Control Over the Economy. China Brief Volume: 15 Issue: 10
124. Lampton David. The Faces of Chinese Power / David Lampton // Foreign Affairs. Jan.-Feb. 2007. pp. 117-118.
125. Lardy R.N. Exchange rate and monetary policy in China [Электронный ресурс]. – URL: <http://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/cato-journal/2005/1/cj25n1-6.pdf>
126. Lieberthal K. Is China Catching Up with the US? Ethos. Issue 8. August 2010.
127. Lo Ch. It takes two to tango / Chi Lo // The International Economy, Spring 2007. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.international-economy.com/TIE_Sp07_Lo.pdf (Дата обращения: 10.09.2013)
128. Lovels Н. Export Control Alert [Электронный ресурс]. – URL: <http://documents.lexology.com/57d501ed-f461-4e76-9494-f3c04ddbc28d.pdf> (Дата обращения: 18.08.2014)

129. Major foreign holders of treasury securities. [Электронный ресурс] – URL: www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/mfh.txt (Дата обращения: 25.08.2015)
130. Mandiant. APT1. Exposing one of China's Cyber Espionage Units [Электронный ресурс]. – URL: http://intelreport.mandiant.com/Mandiant_APT1_Report.pdf (Дата обращения: 13.07.2014)
131. Mearsheimer J. China's Unpeaceful Rise / John Mearsheimer // Current History, Vol.105, No. 690 (April 2006). - pp. 160-161.
132. Meidan M. Don't overestimate the China-Russia Gas Deal//China-US Focus. May 29, 2014.
133. Ministry of Commerce People's Republic of China. MOFCOM [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mofcom.gov.cn/> (Дата обращения: 21.05.2015)
134. Morrison Wayne M., Labonte M. China's holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy, Congressional Research Service Report for Congress. December 6, 2012. P.19.
135. Morrison Wayne M. China's rare industry and export regime: Economic and trade implications for the United States. April 30, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/R42510.pdf> (Дата обращения: 07.03.2014)
136. Morrison M. Wayne China-U.S. Trade Issues. Congressional Research Service. July 10, 2014.
137. Morrison M. Wayne China-U.S. Trade Issues. Congressional Research Service. March 17, 2015. p. 1 -55.
138. Nelson Ch. Trading Up: High-Value US Exports to China Increase in 2013. May 19, 2014. China Business Review.
139. Noland M. US-China Economic Relations [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iie.com/publications/wp/wp.cfm?ResearchID=162> (Дата обращения: 21.06.2014)

140. Nuclear Power in China. 25 September, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-A-F/China--Nuclear-Power/> (Дата обращения: 28.10.2014)
141. Obasi S. Nigeria: U.S. Crude Import From Africa Declines By 90 Percent . [Электронный ресурс]. – URL: <http://allafrica.com/stories/201405270309.html> (Дата обращения: 28.11.2014)
142. Paradise J.F. U.S.-China Trade Relations: Ideas for Improvement. China-US focus [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chinausfocus.com/finance-economy/u-s-china-trade-relations-ideas-for-improvement/> (Дата обращения: 27.05.2014)
143. Pei Mingxin. How China and America see each other//Foreign Affairs. - March/April 2014. - pp. 143-147.
144. People's bank of China.
145. Picardo E. Why China's Currency Tangos With the USD. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.investopedia.com/articles/forex/09/chinas-peg-to-the-dollar.asp> (Дата обращения: 25.03.2014)
146. Pilling D. Donnan S. Trans-Pacific Partnership: Ocean's twelve. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/8c253c5c-2056-11e3-b8c6-00144feab7de.html> (Дата обращения: 12.04.2014)
147. Powers B. The Popping of the Shale Gas Bubble / Forbes. [Электронный ресурс]. – URL: www.forbes.com (Дата обращения: 27.10.2014)
148. Prasad E. Lei Ye. Will the renminbi rule? // Finance & development. - March 2012. - P. 26-29.
149. Quansheng Zhao and Guoli Liu. The Challenges of a Rising China // The journal of strategic Studies. Vol.30, No. 4-5. August-October. - p. 586
150. Rosen H. Daniel, Hanemann Thilo. New realities in the US-China Investment Relationship. April 29, 2014.
151. Rhodium Group. – URL: www.rhg.com

152. Salameh M. G. China's global oil diplomacy: Benign or hostile. International Association for Energy Economics. 2010. Pp. 21-25.
153. Saunders Philip. China's Global Activism: Strategy, Drivers, and Tools / Philip Saunders. October, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ndu.edu/inss/symposia/pacific2006/saunders.pdf> (Дата обращения: 21.11.2014)
154. Schröppel Ch., Mariko N. The changing interpretation of the flying geese model of economic development. [Электронный ресурс]. – URL: http://contemporary-japan.org/back_issues/japanstudien_14_japan_als_fallbeispiel/dij-jb14-Schroepel-Nakajima.pdf (Дата обращения: 06.02.2014)
155. Shao Binhong. China under Xi Jinping: Its economic challenges and foreign policy initiatives. Chinese Academy of social sciences, March 2015. P. 284.
156. Shin H. David. Africa, China, the United States, and Oil / David H. Shinn // Center for Strategic and International Studies. [Электронный ресурс]. – URL: <http://csis.org/story/africa-china-united-states-and-oil> (Дата обращения: 05.12.2014)
157. SIPRI Yearbook 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2014/> (Дата обращения: 03.08.2015)
158. Sixth Meeting of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue U.S. Fact Sheet – Economic Track. [Электронный ресурс]: Сайт Министерства финансов США. – URL: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl2563.aspx> (Дата обращения: 21.11.2014)
159. Spelman G. Douglas. The United States and China: Mutual Public Perceptions [Электронный ресурс]: Woodrow Wilson International Center for scholars. – URL: http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/KICUS_Mut_Pub_Perc_WEB.pdf (Дата обращения: 21.11.2014)
160. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2013 National Economic and Social Development. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201402/t20140224_515103.html (Дата обращения: 21.11.2014)

161. Stephens H. TPP or FTAAP: What it means for US and the Asia-Pacific Region. Nov 25, 2015. China-US. Focus.
162. Stevens P. The ‘Shale Gas Revolution’: Developments and Changes. Chatham House. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/185311> (Дата обращения: 26.09.2014)
163. Storey I. China’s “Malaca Dilemma“. China Brief Volume: 6 Issue: 8.
164. Taylor I. China’s relations with Africa and the American context. Jan 18, 2012.
165. The Commission on the Theft of American Intellectual Property, the Report of the Commission on the Theft of Intellectual Property, May 2013. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ipcommission.org/report/IP_Commission_Report_052213.pdf (Дата обращения: 17.09.2013)
166. The economic impact of cyber crime and cyber espionage. Center for Strategic and International Studies, July 2013.
167. The year in trade 2013. 65th report. United States International Trade Commission. [Электронный ресурс]: Сайт Комиссии по международной торговле США. – URL: www.usitc.gov (Дата обращения: 07.08.2014)
168. The U.S. - China Economic and Security Review Commission [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uscc.gov/> (Дата обращения: 06.07.2015)
169. The U.S. Economy in Charts [Электронный ресурс]: Сайт Министерства финансов США. – URL: http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/Documents/20120229_EssentialEcon.PDF (Дата обращения: 18.04.2013)
170. Universal Values, Specific Policies – A Conversation with Henry Kissinger. // The National Interest (Summer 2006), P-14.
171. UNCTAD [Электронный ресурс]. – URL: www.unctad.org (Дата обращения: 24.03.2014)
172. U.S. Bureau of Economic Analysis.
173. US Census Bureau, Foreign Trade Division.

174. US-China Business Council's 2013 state exports report [Электронный ресурс]. – URL: <http://uschina.org/reports/us-exports/national-2013> (Дата обращения: 10.07.2014)
175. U.S.-China Business Council, USCBC 2011 China Business Environment Survey Results: Market Growth Continues, Companies Expand, But Full Access Elusive for Many, November 2011.
176. U.S. – China Clean Energy Research Center (CERC) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.us-china-cerc.org/> (Дата обращения: 18.09.2013)
177. U.S. – China Clean Energy Research Center. Annual Report 2012-2013 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.us-china-cerc.org/pdfs/US-China_CERC_Annual_Report_2012-2013.pdf (Дата обращения: 21.08.2014)
178. U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2012 Annual Report to Congress (Washington, DC: U.S Government Printing Office, November 2012).
179. US-China Economic and Security Review Commission website. 2013 Annual Report to Congress, Recommendations [Электронный ресурс]. – URL: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Recommendations.pdf (Дата обращения: 12.05.2014)
180. U.S. – China Economic relations. Issues and Prospects. Conference report [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cna.org/sites/default/files/research/d0018855.a1.pdf> (Дата обращения: 15.05.2014)
181. US-China Strategic and Economic Dialogue outcomes of Strategic Track [Электронный ресурс]: Сайт Государственного департамента США. – URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm> (Дата обращения: 06.03.2014)
182. US Economic structure [Электронный ресурс]. – URL: http://www.economywatch.com/world_economy/usa/structure-of-economy.html (Дата обращения: 02.09.2014)
183. U.S. Department of the Treasury [Электронный ресурс]: Сайт Министерства финансов США – URL: <http://www.treasury.gov> (Дата обращения: 09.08.2015)

184. USITC. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.usitc.gov/>
185. USITC, How much of Chinese Exports Is Really Made In China? Assessing Foreign And Domestic Value-Added in Gross Exports., report number 2008-3-B, March 2008, p. 21.
186. U.S. Securities and Exchange Commission [Электронный ресурс]: Сайт комиссии по ценным бумагам и биржам – URL: <http://www.sec.gov/> (Дата обращения: 06.07.2015)
187. U.S. Securities and Exchange Commission [Электронный ресурс]. – URL: www.sec.gov (Дата обращения: 15.08.2015)
188. USTR, 2012 Special 301 Report, April 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ustr.gov/sites/default/files/2012%20Special%20301%20Report_0.pdf (Дата обращения: 26.01.2013)
189. USTR, 2014 Special 301 Report, April 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ustr.gov/sites/default/files/USTR%202014%20Special%20301%20Report%20to%20Congress%20FINAL.pdf> (Дата обращения: 18.10.2014)
190. Vissers E.M. Crude World: China's oil diplomacy with Pariahs [Электронный ресурс] / E.M. Vissers // Berkeley APEC Study Center Working Paper Series. June, 2013. – URL: http://basc.berkeley.edu/pdf/Working_Papers/BWP13-01.pdf (Дата обращения: 21.12.2014)
191. Xu Ping, Yao Lijuan, Gao Wei. China welcomes foreign investment. Mergers & Acquisitions. November, 2014. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.chinalawinsight.com/2014/11/articles/corporate/mergers-acquisitions/china-welcomes-foreign-investment-with-draft-revision-of-foreign-direct-investment-industries-guidance-catalogue-china-plans-sweeping-foreign-investment-reforms/> (Дата обращения: 10.04.2015)
192. Wagner D. Is the U.S. Losing Saudi Arabia to China? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.huffingtonpost.com/daniel-wagner/is-the-us-losing-saudi-ar_b_4176729.html (Дата обращения: 02.12.2014)

193. Wang Hongying, Rosenau J.N. China and global governance [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cebri.org/midia/documentos/05.pdf> (Дата обращения: 05.11.2013)
194. Watanabe T. US Engagement policy towards China. Realism, Liberalism and Pragmatism [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2014/us-engagement-policy-toward-china> (Дата обращения: 05.07.2014)
195. Wei Zongyou. A new model for China-US relations?// The Diplomat. November 10, 2014.
196. White Paper 2006. AmCham-China [Электронный ресурс]. – URL: <http://web.resource.amchamchina.org/wysiwyg/20060518103547.pdf> (Дата обращения: 03.12.2013)
197. World economic outlook (October 2014). IMF, 2014.
198. World Trade Organization.
199. Wortzel Larry M. “Cyber Espionage and the Theft of U.S. Intellectual Property and Technology” [Электронный ресурс] / Testimony of Larry M. Wortzel before the House of Representatives. –URL: <http://docs.house.gov/meetings/IF/IF02/20130709/101104/HHRG-113-IF02-Wstate-Wortzell-20130709-U1.pdf> (Дата обращения: 18.05.2014)
200. Wyne A. East by Southwest. Latin America holds the keys to the U.S. Pivot to Asia//Foreign Affairs. - February 26, 2013.
201. Ying Zhang. Marquis Christopher. Achieving China’s next stage of ‘Catch-up’. – URL: <http://english.caixin.com/2014-12-24/100767654.html> (Дата обращения: 06.08.2015)
202. Zoellick R.B. “Whither China: From Membership to Responsibility?,” [Электронный ресурс] Remarks of Robert B. Zoellick, Deputy Secretary of State, before the National Committee on U.S: China Relations, September 21, 2005, New York, New York. - [Электронный ресурс]. – URL:

<http://usinfo.state.gov/eap/Archive/2005/Sep/22-290478.html>. (Дата обращения: 21.06.2013)

203. Zhao S. The Geopolitics of China-African oil. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.china-briefing.com/news/2011/04/13/the-geopolitics-of-china-african-oil.html> (Дата обращения: 11.06.2014)

204. Zhou Shixin. A Shift in Sino-US economic and trade relations [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chinausfocus.com/finance-economy/a-shift-in-sino-us-economic-and-trade-relations/> (Дата обращения: 21.09.2014)

205. 王备.中美贸易关系现状及发展趋势探究.《北方经贸》2014年第7期. 17. // Ван Бэй. «Китайско-американские торговые отношения – состояние и обзор перспектив развития». / «Чжунмэй мао гуаньси сяньчжуан цзы фачжань цюши таньцзю». (Торговля и экономика Севера). Июль, 2014. 17.

206. 郭芳. 李凤桃. 王红茹. 中俄 4000 亿天然气大单终炼成 / 中国经济周刊. // Го Фан. Ли Фэндао. Ван Хунру. Китайско-российский газовый контракт на 400 миллиардов долларов наконец подписали. Китайская экономика. / «Чжунэ 4000 цяньюранци дадань чжунляньчэн» // - URL: <http://www.ceweekly.cn/2014/0602/83959.shtml> (Дата обращения: 11.07.2014)

207. 美国式承诺: 对华高科技出口“松绑”效果待查 / 李艳洁. // [中国经营报](#) / Ли Янцзэ. Обещание по американски: Послабление в вопросе экспорта высокотехнологичной продукции в Китай имеет неизвестное происхождение. / «Мэйгоши чэнно: дуй хуа гаокэци чукоу “сунбан” сяого дайча». (Кит. язык). [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.cb.com.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=20&id=1004035&all>

208. 美国来了- 美国需要什么样的中国 / 宋忠平 郭世英. – 上海: 文汇出版社, 2013. 3. p. 253. // Сун Чжунпин, Го Шиинь. Америка пришла – Какой Китай хотела бы видеть Америка? / «Мэйго лай лэ – Мэйго сюйяо шэньмэян дэ Чжунго? (кит.язык) Шанхай; Чубаншэ, 2013. 3. P. 253.

209. 许小年. 中国模式其实是不存在的 // 中国企业家. Суй Сяонянь. Китайская модель на самом деле не существует. / «Чжунго моши цыши ши бу цхуньдзай дэ» (кит.язык) / Чжунго циецзя (Китайский предприниматель).
210. 人民财评:亚投行,中国的“顺风车“. 20/03/2015 / Женьими цайпин: Азиатский инвестиционный банк, удачный выбор Китая / «Жэньминь сайпин: ятоухан дэ шуньфэнчэ» (кит.язык) – URL: <http://finance.people.com.cn/money/n/2015/0320/c42877-26722482.html>
211. 孙红娟. 亚开行迎首位华人首席经济学家. /Сун Хунхуан. Главный экономист АБР приветствует китайский банк. / «Якхайсин ын шоуэи хуажэнь шоуи цзиньцзы сюэцзя» (кит. язык) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://finance.sina.com.cn/money/bank/renwu/20140523/021919198712.shtml> (Дата обращения: 30.10.2014)
212. 人民日报国际论坛: 无端指责有损网络安全合作/ Международный форум по Жеэьминьжибао. Необоснованные обвинения подрывают безопасность и сотрудничество в Интернете / «Жэньминьжибао гоцзы лунтань: Удуань чжицзэ юсунь ванло аньцюань хэцзо» (кит.язык) [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.yzdsb.com.cn/system/2012/11/16/012099979.shtml> (Дата обращения: 28.06.2014)
213. 张静春 .中美贸易摩擦中的非经济因素. 世界知识. 2004-30-4. Чжан Цзинчунь. Неэкономические факторы китайско-американских противоречий / «Чжунмэй маои моца чжун дэ фэй цзинцзи инсу». Шицзэ чжиши. (кит.язык) [Электронный ресурс]. – URL: http://ias.cass.cn/show/show_project_ls.asp?id=545 (Дата обращения: 11.07.2014)
214. 沈建光. 什么决定中国未来. Чэнь Цянгуан. Что определяет будущее Китая? / «Шэньмэ цзюэцзин чжунго вэйлай» (кит.язык) // China Machine Press. 2014. P. 234.

215. 俞可平. 和谐世界理念下的中国外交 //瞭望新闻周刊。2007年。第17期。
Юй Кэпин. Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия. / «Хэсе шицзе
линянься дэ чжунго вайцзяо» // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 17.
216. 杨鲁慧. 和谐世界：中国和平发展的新命题 // 《科学决策》2008年。第12
期。Ян Лухуй. Гармоничный мир: новое определение мирного развития Китая.
/ «Хэсе шицзе чжунго хэпин фачжань дэ синьминци» (кит. язык) // Кэсюе
цзюецэ (Научное принятие решений) 2008. - №12.
217. 中国共产党第十八次全国代表大会 / КПК XVIII съезд ВСНП
[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gov.cn/18da/> (Дата обращения:
17.11.2014)
218. 页岩气产量 2020 年将超 300 亿立方米第三轮招标近期启动 -URL:
<http://www.nbd.com.cn/articles/2014-09-18/864127.html> (Дата обращения:
12.10.2014)
219. 中华人民共和国国家统计局. National Bureau of statistics of the People's
Republic of China. – URL: <http://www.stats.gov.cn/> (Дата обращения: 07.08.2015)

Приложение А. Основные механизмы двустороннего взаимодействия КНР и США

Название	Совместный экономический комитет (ЖЕС)	Совместная комиссия по коммерции и торговле – (ЖССТ)	Китайско-американский стратегический экономический диалог (SED)	Консультативные механизмы в рамках Китайско-американского экономического диалога	Комиссия по проверке американо-китайских экономических связей и безопасности
Год создания:	1979	1983	2006	2006	2000
Участники	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Министр финансов США ▪ Министр финансов КНР 	1983: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Министр торговли США ▪ Министр коммерции КНР 2004: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Министр торговли США ▪ Торговый представитель США ▪ Вице-премьер Госсовета КНР 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Министр финансов США ▪ Заместитель премьер-министра КНР 	“Рабочая группа по кибернетической безопасности, Китайско-американская рабочая группа по вопросам изменения климата, Консультативная группа по международным экономическим делам, Диалог в области глобального развития, Диалог по экологическому партнерству, Инициативная группа по утилизации авиационных отходов и сокращению выбросов.”	<ul style="list-style-type: none"> ▪ 12 членов комиссаров
Компетенция	Вопросы макроэкономической политики, прежде всего, вопросы юрисдикции. Обсуждение вопросов стратегической значимости.	Управление основными торговыми проблемами; техническая поддержка для ВТО.	Взаимодействие на высоком уровне. Вопросы макроэкономики, финансов, инвестиций и глобального управления.	Обсуждение по разным вопросам в рамках профильных рабочих групп.	Анализ последствий двусторонней торговли и экономических отношений между США и КНР для экономики и национальной безопасности США
“За” и “Против”	Принял жесткие заявления по обязательствам КНР. Он менее успешный в деле открытия рынка для финансовых услуг.	“Не дает результатов по приоритетным вопросам”	Требуется высокий уровень приверженности к устойчивым и долгосрочным дискуссиям. Пока неясно, как можно сбалансировать долгосрочные цели с краткосрочными ориентирами.	Встречи на уровне замминистров напр. «Консультативная группа по борьбе с терроризмом» или на уровне встреч министров – «Диалог в области энергетической политики».	Строгие правила по допуску китайских инвесторов на американский рынок.

Источник: Составлено автором на основе [180;168;175]

Приложение Б

Объем привлеченных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику КНР и вложенных китайских ПИИ за рубежом в период с 1978 г. по 2014 г. (в миллионах долларов США)

Год	Объем привлеченных ПИИ	Объем вложенных ПИИ КНР за рубежом
1978	0	0
1979	0	0
1980	57	0
1981	265	0
1982	430	44
1983	916	93
1984	1419	134
1985	1956	629
1986	2244	450
1987	2314	645
1988	3194	850
1989	3393	780
1990	3487	830
1991	4366	913
1992	11008	4000
1993	27515	4400
1994	33767	2000
1995	37521	2000
1996	41726	2114
1997	45257	2562
1998	45462	2634
1999	40319	1774
2000	40715	916
2001	46878	6885
2002	52743	2518
2003	53505	2855
2004	60630	5498
2005	72406	12261
2006	72715	21160
2007	83521	26510
2008	108312	55910
2009	95000	56530
2010	114734	68811
2011	123985	74654
2012	121080	87804
2013	123911	101000
2014	128500	116000

Составлено по: [171]

Приложение В

Привлеченные ПИИ в США из других стран и регионов мира (2001-2012) в милл.
дол. США

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Мир	159			135	104	237	215	306	143	197	226	160
	461	74 457	53 146	826	773	136	952	366	604	905	937	569
Развитые страны	140			136		219	186	281	135	184	195	140
Европа	123	63 893	41 297	329	95 834	653	634	628	353	317	656	232
	134					179	120	230		152	134	106
	073	45 528	25 423	82 399	77 299	327	088	931	99 813	364	626	176
Европейский Союз						177	129	181		110	106	105
	72 389	34 558	28 157	65 411	65 265	419	108	500	94 044	391	925	215
Австрия	- 189	1 118	42	241	- 1 033	- 179	590	370	..	136	198	441
Бельгия	243	-2 712	1 770	1 299	- 1 561	541	12 835	- 989	13 262	7 405	10 297	11 876
Кипр	1	-	- 16	260	- 410	-
Чехия	-	20	- 1	44	1	- 24	- 17	3	-
Дания	- 880	3 035	570	158	1 009	893	184	548	1 171	611	990	- 173
Эстония	-	-	- 1	-	-	-	- 3	- 1	-	-	1	-
Финляндия	-1 030	- 598	- 801	17	416	1 017	-1 566	6 868	..	- 301	543	22
Франция	14 546	4 624	4 526	10 706	10 053	29 078	5 808	12 950	25 369	9 336	4 281	21 664
Германия	40 206	1 990	12 280	7 079	12 101	39 540	-12 690	17 122	12 320	17 362	13 912	3 103
Греция	- 160	59	64	156	194	..	- 161	..	- 109	- 169	- 162	-
Венгрия	12 463	129	-2 277	744	1 975	4 499	8 689	2 400	266	-26 385	-2 337	-
Ирландия	1 882	1 990	-4 754	-5 241	1 876	6 538	4 974	- 341	-1 348	5 868	-2 157	1 460
Италия	498	357	- 215	1 198	636	3 237	5 485	5 871	-2 462	1 326	3 266	1 972
Люксембург	-21 498	-1 108	14 344	7 301	4 235	17 923	16 051	6 802	17 349	28 396	21 548	6 216
Мальта	-	2	-	6	- 12	6	1	..	-
Нидерланды	24 036	4 337	6 365	8 191	-1 871	25 543	25 973	75 327	5 018	26 753	795	29 934
Польша	- 84	50	22	1	- 20	5 796	..	426	-2 511	-
Португалия	68	- 19	- 30	- 31	1	..	226	- 51	64	-
Румыния	6	- 1	- 3	..	- 5	-	3	- 46	- 35	25	..	-
Словакия	1	1	- 1	- 5	5	..	- 2	- 3	..	7	..	-
Словения	- 1	-	-	8	- 9	- 3	- 4	2	- 1	-
Испания	- 170	41	672	469	2 305	7 164	15 286	9 330	4 569	4 329	6 215	1 486
Другие развитые страны	61 684	10 970	-2 734	16 988	12 034	1 908	-9 020	49 431	5 769	41 973	27 701	961
Гибралтар	-	34	-	51	-
Исландия	-	- 198	..	5 635	191	..	-2 085	- 798	-5 576	-
Лихтенштейн	- 6	12	4	43	27	24	51	23	14	68	15	-
Норвегия	- 99	1 371	389	-1 261	5 265	707	-2 707	4 545	577	658	6 810	666
Швейцария	61 789	9 751	-3 127	12 571	6 551	1 177	-4 279	45 660	10 710	41 241	20 875	295
Северная Америка	9 173	4 611	7 090	33 164	14 868	14 770	43 867	16 794	30 366	5 522	18 661	16 460
Канада	9 173	4 611	7 090	33 164	14 868	14 770	43 867	16 794	30 366	5 522	18 661	16 460
Другие развитые страны	-3 123	13 754	8 784	20 766	3 667	25 556	22 679	33 903	5 174	26 431	42 369	17 596
Австралия	6 490	6 594	3 422	3 099	-5 253	2 174	5 961	4 574	-3 850	3 255	17 446	1 645
Бермудские острова	-6 467	- 91	-3 470	- 597	-5 380	7 047	-4 839	4 522	1 084	5 196	-1 529	-2 788
Израиль	- 86	636	184	593	234	2 016	1 166	291	6 689	55
Япония	-3 132	6 500	8 544	17 489	14 200	16 466	21 134	22 321	6 544	17 612	18 598	19 169
Новая Зеландия	72	115	104	182	- 134	- 131	423	470	230	77	1 165	- 485
Развивающиеся страны	12 768	10 766	14 497	1 185	8 348	14 270	24 638	21 339	8 992	15 670	33 325	24 263

Африка	- 308	- 9	- 34	- 605	323	255	- 103	959	- 672	1 082	2 060	607
Азия	-1 646	335	1 832	4 116	5 718	9 203	17 416	15 873	2 550	5 116	11 321	11 294
Восточная Азия	- 176	327	420	3 428	2 397	3 780	5 399	2 919	320	3 724	5 336	8 597
КНР	247	- 120	- 62	150	146	315	8	500	500	1 169	576	1 370
Гонконг	57	711	- 41	1 880	838	97	370	444	- 10	145	491	1 461
Республика												
Корея	24	- 280	386	1 143	1 039	3 283	4 751	1 440	236	1 727	3 594	5 240
Макао	-	-	..	21	..	- 63	136	-
Монголия	- 1	- 1	1	-	-	- 1	1	- 2	- 1	-	..	-
Тайвань	- 503	17	136	234	374	149	269	537	- 405	683	539	526
Юго-Восточная												
Азия	-1 342	- 519	1 096	268	884	2 437	6 066	10 272	1 538	644	2 814	2 441
Бруней	- 3	..	- 1	1	-	-	- 3	-	3	- 1	- 1	-
Камбоджа	-	-	-	-	-	-	-	-	- 1	-	-	-
Индонезия	35	- 6	19	- 9	16	..	33	- 18	160	- 133	119	-
Малайзия	86	- 37	- 49	17	96	28	37	22	- 39	- 113	214	- 214
Филиппины	- 21	17	- 19	- 5	- 17	54	30	- 65	70	- 28	10	-
Сингапур	-1 451	- 484	1 096	348	798	2 217	5 892	10 471	1 328	924	2 546	2 655
Тайланд	8	- 9	51	- 87	- 1	136	69	- 147	11	- 44	- 35	-
Вьетнам	4	-	- 1	4	- 8	1	8	9	5	40	- 39	-
Южная Азия	170	- 16	126	280	867	448	737	1 243	492	1 306	750	338
Индия	162	- 16	125	277	868	443	731	1 231	490	1 317	764	353
Пакистан	-	4	3	6	4	3	14	3	-
Шри Ланка	6	..	1	3	- 5	1	-	6	- 4	-	4	-
Западная Азия	- 298	543	190	140	1 570	2 538	5 214	1 439	200	- 586	2 396	- 97
Бахрейн	-	149	..	- 12	..	- 47	- 16	25	- 18	..	- 91	-
Ирак	-	-	1	- 1	-	- 4	4	2	..	- 1	- 34	-
Иордания	11	2	2	- 5	- 7	- 17	-
Кувейт	38	51	..	121	..	313	- 115	- 538	- 12	- 10	..	6
Ливан	-	-	-	-	- 6	- 1	..	- 1	1
Оман	-	..	- 1	1	-	- 1	- 2	- 4	..	-	- 6	-
Катар	- 1	..	- 2	5	44	-	595	564	174	..	20	-
Саудовская												
Аравия	- 355	-	..	29	- 224	..	- 498
Турция	17	41	- 19	20	5	34	18	- 14	-
ОАЭ	- 19	6	4	- 23	..	1 064	..	1 617	151	- 197	617	- 104
Лат. Америка и												
Карибик	14 700	10 433	12 656	-2 349	2 211	4 761	7 324	4 300	6 906	9 349	19 902	12 290
Южная Америка	-1 183	1 238	- 535	1 490	1 309	-1 715	-1 546	- 451	-1 424	3 481	4 552	- 14
Аргентина	- 172	581	- 352	- 49	- 94	107	- 53	182	- 366	19	- 171	-
Бразилия	- 290	342	- 334	668	985	- 468	492	278	-1 539	2 742	3 664	- 598
Чили	- 204	189	29	27	73	144	- 3	- 89	- 32	80	- 20	-
Колумбия	- 57	-	84	241	228	277	118	388	226	113	- 161	-
Эквадор	5	- 3	3	-	- 15	5	- 9	- 10	31	48	- 13	-
Перу	- 124	- 119	- 461	53	48	73	68	16	-
Уругвай	8	7	120	- 22	- 56	41	- 112	214	26	- 2	244	-
Венесуэла	- 347	123	- 86	624	308	-1 362	-2 032	-1 465	158	411	996	584
Центральная												
Америка	- 422	4 211	5 184	761	761	3 870	1 314	989	2 556	- 318	2 561	2 669
Мексика	- 716	2 349	2 173	- 629	- 19	2 265	291	731	2 469	190	2 491	2 801
Панама	297	1 871	2 664	1 403	895	1 618	1 023	188	144	- 554	100	- 132
Карибские												
острова	16 306	5 972	8 047	-5 264	131	2 595	7 608	3 704	5 813	6 213	12 754	7 308
Страны с												
переходной												
экономикой	4	- 160	- 2	- 1	140	286	- 30	2 771	- 752	-1 898	- 71	4

Составлено по: [171; 172]

ПИИ США в другие страны мира (2001-2012) в милл. дол. США

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Мир	124	134	129	294		224	393	308	266	304	396	366
	873	946	352	905	15 369	220	518	296	955	399	656	940
Развитые страны		115	110	176		169	294	202	211	255	306	270
Европа	83 265	404	196	202	-9 692	179	725	752	258	202	701	898
				134		143	231	174	158	189	220	187
Европейский Союз	63 745	79 538	86 848	515	-31 691	375	145	503	669	829	850	991
				121		131	221	146	140	185	202	166
Австрия	58 846	70 723	71 339	860	-24 662	160	357	398	075	183	845	379
Бельгия	1 314	564	1 609	44	-7 685	1 085	1 079	1 327	1 410	1 408	1 734	1 894
Болгария	4 126	2 195	721	6 367	7 697	3 864	7 562	4 415	3 982	6 159	4 667	2 094
Хорватия	2	9	8	135	1	- 108	409	- 76	81	61	22	-
Кипр	12	23	- 80	21	- 1	- 1	22	- 1	74	- 83	87	-
Чехия	203	- 61	17	47	191	133	1	292	17	-
Дания	238	44	172	239	428	69	172	763	- 91	625	589	377
Эстония	256	1 538	-1 602	843	732	- 390	837	1 231	- 234	684	7 158	706
Финляндия	13	- 10	1	1	- 1	- 1	-	- 5	5	- 1	2	-
Франция	179	76	221	333	- 6	488	- 99	188	- 68	- 373	90	- 20
Германия	476	4 604	1 074	6 988	-1 156	7 076	12 010	- 341	1 753	2 417	77	2 212
Греция	11 823	2 416	4 376	9 073	7 978	2 703	9 569	775	7 037	5 084	8 347	5 933
Венгрия	62	170	44	503	159	292	- 201	72	- 240	- 51	- 282	- 85
Ирландия	86	417	235	166	173	698	1 596	- 13	117	957	- 960	325
Италия	2 437	10 700	7 408	8 781	-15 041	20 148	15 506	31 795	23 025	27 946	30 539	22 752
Люксембург	1 767	1 230	2 862	3 284	-1 155	2 891	3 704	2 241	2 001	81	450	981
	20 402	10 485	8 080	3 178	-8 797	17 359	24 535	27 079	23 074	48 833	49 804	32 803
							109					
Нидерланды	12 025	14 790	15 502	31 455	-19 284	41 118	097	38 639	59 475	47 300	55 685	50 230
Польша	- 93	140	204	1 190	-	590	1 612	- 634	595	324	- 621	516
Португалия	252	462	- 585	234	426	602	157	244	- 245	74	95	- 68
Румыния	33	57	65	131	55	11	254	129	315	167	- 14	-
Словакия	575	108	175	- 10	- 139	101	195	148	58	53	1	-
Словения	22	- 51	4	- 156	16	23	- 4	10	22	-
Испания	1 642	3 032	1 820	2 111	3 616	- 561	8 758	4 749	359	2 027	5 976	- 935
Швеция	-6 883	2 520	2 270	4 360	875	2 616	2 364	4 056	-10 128	-6 337	2 405	- 206
Великобритания	7 890	15 265	26 738	42 359	6 269	30 535	21 978	29 615	27 638	47 087	36 799	46 815
Другая развитая Европа	4 899	8 815	15 509	12 655	-7 029	12 215	9 788	28 105	18 594	4 646	18 005	21 612
Норвегия	706	822	961	246	1 194	691	964	151	1 160	3 926	300	4 901
Швейцария	4 170	7 924	14 462	12 235	-8 545	11 019	7 365	25 168	16 413	- 817	11 866	16 711
Северная Америка	16 841	15 003	17 340	24 005	13 556	-1 551	22 331	12 293	10 170	28 398	40 410	26 304
Канада	16 841	15 003	17 340	24 005	13 556	-1 551	22 331	12 293	10 170	28 398	40 410	26 304
Другие развитые страны	2 679	20 863	6 008	17 682	8 443	27 355	41 249	15 956	42 419	36 975	45 441	56 603
Австралия	- 751	8 036	7 717	1 473	10 122	10 158	2 779	18 285	13 684	22 063
Бермудские острова	7 007	4 313	-3 778	4 365	-1 000	19 944	14 785	7 824	29 963	16 359	26 332	28 694
Израиль	1 000	202	1 263	531	3 058	2 416	554	536	- 440	301	- 46	1 205
Япония	-4 731	8 711	867	12 787	5 940	2 709	15 721	-1 656	9 602	1 386	5 062	4 016
Новая Зеландия	155	- 398	- 60	..	446	814	67	- 906	515	644	409	625
Развивающиеся страны				116				101				
	39 895	19 825	18 579	114	22 588	51 016	93 940	847	55 385	52 826	87 927	96 886

Африка	2 439	- 578	2 697	1 612	2 564	5 157	4 490	3 837	9 447	9 281	5 127	3 706
Азия	18 589	8 655	8 579	13 594	16 289	29 163	48 406	41 974	15 422	15 227	24 061	31 338
Восточная Азия	8 935	4 416	2 674	8 839	8 330	13 149	19 335	23 126	1 009	-10 112	6 999	-2 598
КНР	1 912	875	1 273	4 499	1 955	4 226	5 243	15 971	-8 526	7 089	-1 663	-3 482
Гонконг	4 787	1 226	- 689	..	4 688	4 174	11 533	- 325	8 091	-21 467	4 834	-1 854
Республика												
Корея	1 206	1 681	1 231	4 340	1 687	2 518	821	2 157	3 010	2 678	4 305	2 406
Макао	3	-	-	687	1 174	-1 761	- 16	..	-
Монголия	-	-	-	-	-	-	-	- 4	- 6	- 6	- 8	-
Тайвань	1 027	634	859	2 231	1 051	4 153	201	1 610	- 469	332
Юго-Восточная												
Азия	8 835	663	5 232	1 294	5 930	10 292	17 864	11 087	6 508	19 504	12 261	21 429
Бруней	- 15	- 17	4	- 5	- 18	53	5	1	- 5	39	- 1	-
Камбоджа	-	-	-	1	-	-	-	-	-	6	7	-
Индонезия	985	-	-	771	2 925	1 750	603	879	1 413	1 536
Малайзия	17	- 609	416	..	2 040	866	2 062	819	334	3 221	1 940	2 467
Филиппины	970	- 669	- 22	555	- 126	- 165	-2 274	19	56	790	143	77
Сингапур	5 593	530	5 446	..	3 206	8 035	14 003	8 572	4 314	13 091	7 571	15 026
Тайланд	1 286	1 433	- 627	691	789	695	1 198	- 97	1 166	1 393	1 075	2 323
Вьетнам	- 1	- 5	15	52	38	37	- 55	23	46	83	108	-
Южная Азия	302	981	539	1 239	1 106	2 187	3 951	4 362	2 186	5 754	2 492	4 116
Бангладеш	7	28	- 22	- 2	103	174	29	28	30	-
Индия	214	919	354	1 138	721	1 834	3 915	4 310	2 017	5 735	2 455	4 116
Пакистан	66	46	191	108	275	161	150	-
Шри Ланка	15	- 14	14	- 5	8	19	8	24	22	19	7	-
Западная Азия	517	2 595	134	2 222	923	3 535	7 256	3 399	5 719	81	2 309	8 391
Бахрейн	- 17	13	60	27	- 45	- 102	- 85	- 19	- 367	25	101	-
Ирак	-	-	53	- 86	258	-
Иордания	..	-	-	..	6	37	79	32	6	5	46	-
Кувейт	381	-	-	- 175	- 168	36	-
Ливан	16	2	19	38	- 2	- 26	22	24	30	27	- 2	-
Катар	164	677	665	1 184	1 034	695	2 181	-1 811	-
Саудовская												
Аравия	- 319	1 505	-1 245	-1 007	- 209	768	560	341	3 084	- 159	792	1 620
Турция	121	239	83	215	196	252	3 740	218	408	658	1 417	1 336
ОАЭ	- 319	1 505	-1 245	-1 007	- 209	768	560	341	3 084	- 159	792	1 620
Лат. Америка и												
Карибик	18 684	10 879	7 679	28 053	1 075	15 729	40 539	55 388	30 633	28 174	58 208	61 261
Южная Америка	2 839	-3 631	466	4 424	5 347	6 584	12 754	11 205	9 369	12 631	21 352	20 488
Аргентина	- 511	-1 445	- 118	1 760	859	4 274	547	1 542	1 012	-2 308	2 801	1 371
Бразилия	30	- 39	12	- 139	- 18	- 11	24	73	202	-
Чили	113	- 266	- 290	2 644	1 400	223	5 585	3 825	2 991	8 829	9 805	7 942
Колумбия	2 746	-1 507	202	912	- 425	451	4 402	3 099	1 257	4 337	4 274	4 498
Эквадор	- 224	- 88	504	20	1 196	855	404	1 900	880	94	544	2 001
Перу	100	- 442	296	479	899	229	679	- 577	756	758	1 464	1 624
Венесуэла	461	150	- 462	- 389	1 312	508	1 044	1 115	2 095	814	2 324	2 833
Центральная												
Америка	14 401	8 529	4 192	8 874	8 873	10 990	13 808	8 653	9 040	- 102	8 368	12 551
Мексика	14 226	7 656	3 664	8 435	9 596	9 444	9 798	4 521	8 191	414	8 310	12 628
Панама	808	530	353	- 71	106	214	1 218	845	778	- 814	- 130	- 162
Карибские												
острова	1 444	5 985	2 921	14 755	-13 145	-1 845	13 977	35 530	12 224	15 645	28 488	28 222
Страны с												
переходной												
экономикой	1 637	- 315	587	2 538	2 465	3 227	4 393	2 680	373	-1 594	1 670	1 586

Составлено по: [171; 172]

Приложение Д

ПИИ в КНР из других стран и регионов мира (2001-2012) в милл. дол. США

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Мир	46 878	52 743	53 505	60 630	72 406	72 715	83 521	108 312	94 065	114 734	123 985	111 716
Развитые страны	13 406	13 912	13 747	14 245	15 239	13 623	10 547	12 255	12 644	12 670	14 434	14 209
Европа	4 183	3 710	3 930	4 239	5 194	5 439	3 945	5 115	5 122	5 569	5 267	3 467
Европейский Союз	4 183	3 710	3 930	4 239	5 194	5 439	3 945	5 115	5 122	5 569	5 267	2 595
Австрия	58	67	95	98	76	149	82	133	89	..	105	..
Бельгия	20	124	-	-	54	88	96	56	57	..	121	..
Дания	56	71	43	66	100	193	125	294	316	..	180	..
Финляндия	74	65	32	28	22	55	56	54	53	..	59	..
Франция	532	576	604	657	615	383	456	588	654	1 238	769	..
Германия	1 213	928	857	1 058	1 530	3 250	734	900	1 217	888	1 129	1 451
Греция	7	6	2	28	2	-	2	13	9	..	2	..
Ирландия	1	13	11	5	10	24	61	198	101	..	131	..
Италия	220	177	317	281	322	357	348	493	352	..	388	..
Люксембург	29	14	-	-	142	163	82	133	161	..	515	..
Нидерланды	776	572	725	811	1 044	843	617	862	741	914	761	1 144
Португалия	26	10	4	33	4	10	8	8	12	..	13	..
Испания	34	92	92	151	197	235	213	209	303	..	271	..
Швеция	84	100	120	121	111	204	126	139	327	..	175	..
Великобритания	1 052	896	742	793	965	754	831	914	679	710	582	..
Швейцария	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	873
Северная Америка	4 875	6 012	4 763	4 555	3 515	3 424	3 013	3 488	3 417	3 017	2 838	2 598
Канада	441	588	564	614	454	424	397	543	862	..	468	..
США	4 433	5 424	4 199	3 941	3 061	3 000	2 616	2 944	2 555	3 017	2 369	2 598
Другие развитые страны	4 348	4 190	5 054	5 452	6 530	4 759	3 589	3 652	4 105	4 084	6 330	8 143
Бермудские острова	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9006
Япония	-2625	2780.3	3059.2	-3621	4714.7	4969.2	-5777	-7641	6578.1	6557.7	8712.2	3445.4
Развивающиеся страны	-3 041	-3 226	-3 522	-4 145	-5 353	-5 622	-6 485	-8 559	-7 388	1 426	-9 756	-2 115
Африка	-3 457	-3 671	-3 984	-4 670	-5 992	-6 275	-7 193	-9 477	-8 197	-3 705	-10 800	-7 676
Азия	-4 704	-5 006	-5 372	-6 243	-7 907	-8 233	-9 317	-12 232	-10 626	..	-13 933	..
Восточная Азия	-5 120	-5 452	-5 835	-6 767	-8 546	-8 886	-10 025	-13 150	-11 435	..	-14 977	..
Гонконг	-5 536	-5 897	-6 298	-7 291	-9 185	-9 538	-10 733	-14 069	-12 245	..	-16 021	..
Респ. Корея	-5 952	-6 342	-6 760	-7 815	-9 823	-10 191	-11 441	-14 987	-13 054	..	-17 065	..
Макао	-6 367	-6 787	-7 223	-8 340	-10 462	-10 844	-12 149	-15 905	-13 864	538	-18 109	..
Тайвань	-6 783	-7 232	-7 686	-8 864	-11 100	-11 497	-12 857	-16 823	-14 673	188	-19 154	1 451
Юго-Восточная Азия	-7 199	-7 678	-8 148	-9 388	-11 739	-12 149	-13 565	-17 742	-15 483	..	-20 198	..
Индонезия	-7 615	-8 123	-8 611	-9 913	-12 377	-12 802	-14 273	-18 660	-16 292	..	-21 242	..
Малайзия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9006
Филиппины	8030.6	8568.1	9073.4	10437	13016	13455	14981	19578	17102	11689	22286	9006
Сингапур	8446.5	9013.3	9536.1	10961	13654	14108	15689	20496	17912	6557.7	23330	3445.4
Таиланд	-8 862	-9 458	-9 999	-11 486	-14 293	-14 760	-16 397	-21 415	-18 721	1 426	-24 374	-2 115
	-9 278	-9 904	-10 461	-12 010	-14 932	-15 413	-17 105	-22 333	-19 531	-3 705	-25 418	-7 676

Латинская Америки и Карибик	-9 694	-10 349	-10 924	-12 534	-15 570	-16 066	-17 813	-23 251	-20 340	-8 837	-26 463	-13 236
Карибские острова	-10 110	-10 794	-11 387	-13 059	-16 209	-16 719	-18 521	-24 169	-21 150	-13 969	-27 507	-18 797
Барбадос	-10 526	-11 239	-11 849	-13 583	-16 847	-17 371	-19 229	-25 088	-21 959	..	-28 551	..
Британские Виргинские Острова	-10 941	-11 685	-12 312	-14 107	-17 486	-18 024	-19 937	-26 006	-22 769	..	-29 595	..
Кайманские острова	-11 357	-12 130	-12 775	-14 632	-18 124	-18 677	-20 645	-26 924	-23 578	..	-30 639	..
Океания	-11 773	-12 575	-13 237	-15 156	-18 763	-19 330	-21 353	-27 842	-24 388	..	-31 683	..
Самоа	-12 189	-13 020	-13 700	-15 680	-19 401	-19 982	-22 061	-28 760	-25 197	538	-32 727	..
Другие	-12 605	-13 465	-14 162	-16 205	-20 040	-20 635	-22 769	-29 679	-26 007	188	-33 772	1 451

Составлено по: [171; 172]

Приложение Е

Иски США и КНР в рамках ВТО.

Истец: Соединенные Штаты Америки			
Дата подачи иска в ВТО:	Содержание иска:	Нынешний статус:	
1.	Март 2004	КНР ввела дискриминационный режим НДС в отношении импортированных полупроводников	Урегулировано сторонами, договор выполняется
2.	Март 2006	КНР ввела дискриминационные меры, касающиеся импорта автомобильных деталей	Рекомендации ОРС должны быть реализованы
3.	Февраль 2007	КНР ввела меры по предоставлению субсидий, сокращению или освобождению от налогов и других платежей относительно своей продукции (сталь, обработка дерева)	Разрешено путем принятия Меморандума о взаимопонимании (МОВ)
4.	Апрель 2007	Меры, затрагивающие услуги транспорта и распределения для отдельных публикаций и отдельных аудиовизуальных развлекательных устройств	Рекомендации ОРС выполнены
5.	Апрель 2007	Невыполнение Китаем режима охраны и защиты прав интеллектуальной собственности	Рекомендации ОРС выполнены
6.	Март 2008	Дискриминационные меры, касающиеся услуг по предоставлению финансовой информации американскими поставщиками	Разрешено путем принятия МОВ
7.	Декабрь 2008	Проводимая КНР политика по поддержке отечественного производителя, гранты, низкопроцентные займы и другие стимулы	Урегулировано сторонами, договор выполняется
8.	Июнь 2009	Меры КНР по ограничению экспорта редкоземельных металлов	Рекомендации ОРС выполнены
9.	Сентябрь 2010	Применение КНР антидемпинговых и компенсационных пошлин против импорта плоского проката электротехнической стали из КНР	Учреждена третейская группа специалистов
10.	Сентябрь 2010	Отдельные дискриминационные меры КНР относительно американских электронных платежных сервисов	Рекомендации ОРС выполнены
11.	Декабрь 2010	Меры КНР в отношении оборудования ветровой энергии	Урегулировано сторонами, договор выполняется
12.	Март 2012	КНР ограничила экспорт редкоземельных металлов и двух других минералов	Рекомендации ОРС выполнены
13.	Май 2012	Использование КНР антидемпинговых и компенсационных пошлин в отношении бройлерных продуктов	Урегулировано сторонами, договор выполняется

Продолжение таблицы

14.	Июль 2012	КНР ввела антидемпинговые и компенсационные пошлины (до 21,5%) в отношении некоторых импортных автомобилей, произведенных в США	Принят доклад
15.	Сентябрь 2012	Меры КНР по субсидированию машин и автозапчастей, произведенных в Китае	Консультации
Истец: КНР			
Дата подачи иска в ВТО		Содержание иска	Нынешний статус
1.	Март 2002	Защитные пошлины на импорт некоторых видов стали	Принят доклад
2.	Сентябрь 2007	Антидемпинговые меры в отношении отдельного вида бумаги из Китая	Консультации
3.	Сентябрь 2008	Антидемпинговые пошлины в отношении некоторой продукции из КНР	Рекомендации ОРС выполнены
4.	Апрель 2009	Меры, затрагивающие импорт мяса птицы из Китая	Принят доклад
5.	Сентябрь 2009	Защитные меры, введенные США в отношении некоторых видов шин из Китая	Принят доклад
6.	Февраль 2011	Антидемпинговые меры в отношении некоторых замороженных креветок из Китая	Рекомендации ОРС выполнены
7.	Сентябрь 2012	Некоторые меры США, затрагивающие импорт автомобилей и автозапчастей	Консультации
8.	Сентябрь 2012	Компенсационные и Антидемпинговые пошлины в отношении некоторой продукции из КНР	Принят доклад с рекомендациями привести меры в соответствие с правилами ВТО
9.	Декабрь 2013	Определенные методики США и их применение в антидемпинговых разбирательствах, касающихся Китая	Учреждена третья группа специалистов

Источник: Составлено автором на основе данных: [198]

Приложение Ж.
 Основные
 иностранные
 владельцы
 казначейски
 ценных бумаг
 США (в млрд.
 долларах США)

Страна	Мар 2015	Феб 2015	Ян 2015	Дек 2014	Ноя 2014	Окт 2014	Сен 2014	Авг 2014	Июль 2014	Июнь 2014	Май 2014	Апр 2014	Мар 2014
КНР	1261	1223,7	1239,1	1244,3	1250,4	1252,7	1266,3	1269,7	1264,9	1268,4	1270,9	1263,2	1272,1
Япония	1226,9	1224,4	1238,6	1230,9	1241,5	1222,4	1221,8	1230,1	1219	1219,3	1220,1	1209,7	1200,2
Нефтеэкспортеры 3/ Карибские страны 4/	297,3	296,8	290,8	285,9	278,9	281,8	279,4	267,5	261,3	262,1	257,9	255,4	247,4
Бразилия	293	282,1	273,7	272,4	269,3	264,2	250,6	247,3	249,6	250,6	248,1	245,6	252,2
Бельгия	261,5	259,9	256,5	255,8	264,2	261,7	262,3	261,7	258,6	253,7	250,1	245,8	245,3
Ирландия	252,8	345,3	354,6	335,4	335,7	348,1	353,9	359,9	352,6	364,1	362,4	366,4	381,4
Швейцария	214,3	206,5	203,6	202	193,9	188,5	178,8	176,1	174,7	177,1	170	174,3	173,3
Великобритания 2/	211,8	201,7	205,5	190,1	183,8	184,3	186,2	189,1	184,1	175,9	174	177,6	175,8
Гонконг	200,6	192,3	207,4	188,9	174,3	171,3	167,8	172,7	173	173,6	179,8	185,4	176,3
Люксембург	180,7	175,4	170,8	172,6	165,6	161	159	160,5	158,7	157,6	155,2	154,5	155,1
Тайвань	176,8	179,2	176	171,8	166,6	162,5	156,1	150,5	145,6	145,3	141,5	141,2	144,8
Сингапур	168,2	165,9	170,6	174,4	170,6	172,9	173,4	172,9	175,4	179,4	174,4	175,7	176,4
Индия	110,6	109,7	109,7	110	110,1	108	108,5	106,3	101	98,1	97,5	93,1	91,3
Мексика	107,7	101,7	91,2	83	80,5	77,5	80	80,4	79,7	72,9	70,1	68,7	70,2
Франция	85	82,2	85,8	84,8	80,7	78,5	76,5	75,2	73,5	72,8	72,8	70,6	68,9
Турция	80,4	70,2	75,5	79,2	67,3	59,7	72,3	59	54,8	63,1	65,4	62,3	57,1
Канада	76,2	79,5	82,4	77	80,5	75,7	74,7	73,4	54,9	52,8	53,2	50,5	50,9
Германия	73,6	70,9	70	69	64,1	63	65,4	65	66,3	66,2	62,8	60,7	60,2
Норвегия	72,2	68,6	69,6	72,7	73	72,5	75	69,4	65	68	62,8	63	63
Россия	71,6	73,2	73,6	81,6	74,5	77,2	81,8	87	84,8	87,1	85,3	85,6	88,2
	69,9	69,6	82,2	86	108,1	108,9	117,7	118,1	114,5	113,9	111,4	116,4	100,4

Корея	67,2	63,8	65,6	68,3	55,4	57,3	54,5	56,9	56,1	57,5	56,3	55,3	52,7
Филиппины	39,1	39,8	40,8	40,6	40,5	39,7	35,2	34,6	34,1	34,6	34,5	33,9	38,6
Нидерланды	38,7	36,6	36,9	36,2	36,2	36,3	35,6	33,6	39,5	36,3	30,6	36,2	35,1
Швеция	38,6	38,7	38,3	39,6	39	38,9	36	36,3	35	34,9	35,2	35	34,8
Австралия	36,3	34,8	33	34,5	34,3	33,4	35,4	33,9	34,9	35,3	33,8	31,2	31,8
Колумбия	35,4	36	36,1	34,7	35,9	35,2	33,8	34,8	33,1	33,5	33,1	32,9	32,9
Италия	32,5	31,7	32,5	31,9	31,6	30,6	29,5	30,8	30,8	31,3	31,2	32	31
Испания	32,4	29,4	27,1	27,7	25,2	21,1	21,7	21,8	22,3	23,2	21,8	22,3	22,9
Тайланд	31	34	33,3	33,2	36,1	36,4	33,5	40,8	45,1	41,3	45,6	46,9	48,1
Казахстан	29,7	32	31,3	31,6	35,1	35,4	35	36,1	35,8	35,1	34,4	32,7	30,8
Чили	28,6	25,7	25,2	25,5	24,1	24,7	26,4	27	26,7	27,2	26,8	26,4	28,5

Источник: Составлено автором на основе данных: [129]